

ДЕВИН

АЛЬМАНАХ
ОБЩЕСТВА ЛЮДОВИТА ШТУРА В МОСКВЕ

№1(8)/2019

*Выражаем благодарность за финансовую поддержку
Словацкому институту
при Посольстве Словацкой Республики в РФ*

Дорогие читатели,

Мне не хочется верить в то, что я в последний раз обращаюсь к вам со вступительным словом со страниц альманаха «Девин». Заканчивается мой почти 5-летний срок работы на посту директора Словацкого института в Москве. Недели, месяцы, годы с момента моего приезда пробежали как-то слишком быстро, и незаметно подошёл день отъезда. Вместе со мной уезжают и незабываемые впечатления и мгновения, которые врезались в мою память. Много неповторимых, уникальных, реалистически-романтических моментов я испытал уже во время своего первого пребывания в России, когда в начале 90-х годов работал здесь журналистом. Так было и сейчас. И тут нечему удивляться! Страна Пушкина и Достоевского, Гоголя и Толстого, Глинки и Чайковского покоряет своим масштабом, необузданностью, многообразием. Многие знаменитые и менее знаменитые словаки вдохновлялись идеями исполинов русской культуры. Я упомяну лишь друга и личного доктора Л.Н. Толстого Душана Маковицкого, почитателя толстовского таланта Альберта Шкарвана и менее известных — словацкого полиглота и зачинателя стенографии в России Владимира Кривоша и лексикографа, переводчика и педагога Петера Тврдого, который способствовал развитию образования в России.

Русскую землю я извездил вдоль и поперёк и везде — не только в Москве — старался показать уникальность, неповторимость и оригинальность словацкой культуры во всей её многоликости и разнообразии. И русский зритель принимал её с нескрываемой и искренней благодарностью. Приведу один яркий пример. Небывалый интерес к нашему искусству проявил город Астрахань, лежащий в дельте реки Волги, вблизи берегов Каспийского моря. В прошлом году, в октябре, мы организовали там мероприятие под названием «Дни словацкой культуры». В него входила выставка фотографий Ладислава Стругара и Матуша Словака

«Волишебная Словакия». Наши российские соорганизаторы после её окончания с большой благодарностью написали, что за один месяц в Краеведческий музей в Астрахани посмотреть выставку пришло почти 5000 человек, из которых более 1400 детей!

Да, многих россиян очаровали словацкая культура и искусство, многих пленили... Наверное, следует добавить, что в этот успех внесло свой скромный вклад и «Общество Людовита Штура», которое четыре года функционирует при Словацком институте в Москве.

Поэтому благодарю вас, дорогие читатели, за ваше желание познавать словацкую культуру и словацкое искусство!

И, возможно, — до новых встреч!

*Ян Шмигула
директор Словацкого института в Москве
советник по культуре*

Москва, январь 2019

Уважаемый господин директор,
дорогой пан Шмигула!

С трудом верится в то, что, открывая очередной номер альманаха «Девин», мы в последний раз видим Ваше обращение к читателям. Не хочется верить и в то, что встречи словакистов в Словацком институте не будут больше начинаться с Ваших приветственных слов.

Все пять лет Вашего пребывания на посту директора Словацкого института Вы неформально и одновременно с большим профессионализмом знакомили россиян со словацкой культурой. Многочисленные выставки, концерты, встречи с интересными людьми, которые Вы организовывали, мы никогда не забудем. Они обогатили не только нас, словакистов, но и многих жителей Москвы и других городов России.

Мы увидели в Вас человека искренне заинтересованного в расширении и укреплении русско-словацких культурных связей. Большое спасибо Вам за это.

Мы очень благодарны Вам за то, что Вы с пониманием отнеслись к желанию наших словакистов объединиться. По сути, мы вместе с Вами участвовали в возрождении лучших традиций наших славистов, которые более ста лет тому назад, в 1915 году, когда исполнилось 100 лет со дня рождения великого сына словацкого народа Людовита Штура, организовали в Москве «Словацко-русское общество памяти Людовита Штура». К сожалению, история тогдашнего Общества была слишком короткой — всего несколько месяцев. И вот в год, когда единомышленники Штура в России вместе со всей Словакией отмечали уже 200-летие со дня рождения Л. Штура, мы с Вашей поддержкой создали новое Общество. С Вашей помощью и участием обновленное «Общество Людовита Штура» издало семь номеров альманаха «Девин», целью которого было знакомство читателей со словацкой культурной и литературной жизнью, расширение

культурных связей между Словакией и Россией. Мы рады, что наш «Девин» пользуется популярностью не только в России, но и в Словакии.

Мы не будем грустить в связи с Вашим отъездом, ибо верим в то, что наше сотрудничество на этом не заканчивается. И в будущем Вы остаетесь членом нашего Общества и нашим другом. Вероятно, наши контакты уже обретут иные формы, но мы всегда будем рады встретиться на страницах «Девина» с публикациями, подписанными Вашим именем. А каждое Ваше посещение Москвы и присутствие на встречах словакистов станут для нас настоящим праздником.

Желаем Вам больших успехов и удачи в Вашей будущей работе!

До новых встреч, дорогой пан Шмигула!

От имени «Общества Людовита Штура» в Москве
Председатель Алла Германовна Машкова

Январь, 2019 год

СОДЕРЖАНИЕ

ТВОРЧЕСТВО ЛЮДОВИТА ШТУРА

Людовит Штур. <i>К липе</i> (перевод Наталии Шведовой)	10
Людовит Штур. <i>О народных повестях и песнях племен славянских</i> (отрывок, перевод Наталии Шведовой)	12
Людовит Штур. <i>Славянство и мир будущего</i> (продолжение, перевод Владимира Ламанского)	17

ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ О ЛЮДОВИТЕ ШТУРЕ

Само Возар. <i>Штуру на день рождения</i> (перевод Наталии Шведовой)	19
Мартин Разус. <i>У могилы Штура</i> (перевод Наталии Шведовой)	20
Даниэла Кодайова. <i>Два послания Людовита Штура</i> (окончание, перевод Евгении Майоровой)	21
Ладислав Чузы. <i>Людовит Штур и романтизм</i> (перевод Анны Песковой)	29
Карол Горак. <i>...Да приидет царствие Твое...</i> (перевод Аллы Машковой)	37

ИСТОРИЯ СЛОВАКИИ

Ян Чарногурский. <i>Словацкое государство глазами русских</i> (перевод Людмилы Широковой)	71
---	----

В.В. Марьина. «СССР — Словакия. 1939–1945 гг.: военно-политические аспекты».	77
Архивные документы, опубликованные в книге В.В. Марьиной.	89
Из интервью с В.В. Марьиной (перевод Анастасии Быриной)	97
ПРЕДСТАВЛЯЕМ	
<i>Татры не умеют защищаться.</i> Интервью с Верой Швенковой (перевод Анны Песковой)	99
Вера Швенкова. <i>Голубая горечавка</i> (перевод Анны Песковой)	107
КУЛЬТУРА СЛОВАКИИ	
<i>Янко Матушка писал текст гимна...</i> (перевод Дарьи Анисимовой)	113
<i>Оравский замок</i>	117
Геда Кубишова. <i>Центральнословацкий музей всколыхнул будничную жизнь в Банской Быстрице</i> (перевод Аллы Машковой)	120
Людмила Широкова. <i>Словацкий роман XXI века</i>	124
ВСПОМИНАЕМ	
<i>«Что я даю, даю от сердца щедро...»</i> Павол Орсак Гвездослав: 170 лет со дня рождения (1849–1921) (Из книги Н.В. Шведовой «Философские мотивы в словацкой поэзии», 2005)	139
Павол Орсак-Гвездослав. <i>Стихи</i> (переводы Наталии Шведовой, Николая Стефановича, Петра Семынина, Юрия Вронского, Вильгельма Левика).	141
Милан Растилав Штефаник: <i>К столетию со дня смерти</i> ...	146

Ярослав Резник. <i>Звезды на небе красиво разложены</i> (перевод Людмилы Широковой)	146
<i>«...я сон и явь постичь старался...»</i> Владимир Райсел: 100 лет со дня рождения (1919–2007)	153
Владимир Райсел. <i>Стихи</i> (перевод Наталии Шведовой)	155
Ян Червень: 100 лет со дня рождения. (1919–1942)	158
Ян Червень. <i>Семь писем</i> (перевод Аллы Машковой)	158

ХРОНИКА

Геда Кубишова. <i>Новости философского факультета Университета Матей Бела в Банской Быстрице</i> (перевод Анны Песковой)	163
Алла Машкова. <i>30 лет еженедельнику «Литерарни тыжденник»</i>	167
Евгения Майорова. <i>Встреча членов Общества Людовита Штура</i>	168
О нас пишут...	170

ТВОРЧЕСТВО ЛЮДОВИТА ШТУРА

Людовит Штур

К липе

Липка, ты шумишь листвой,
разольется шелест твой?

«Шум мой слышится печальный,
посмотри же, гость мой дальний!

Я согнулась в свете дня,
ветви падают с меня;

Где ж ты, милый, где ты жил,
нас едва ты не забыл;

Без тебя мы здесь живем
и тебя так долго ждем,

И грустит твоя семья,
ждут и старые друзья».

«На чужбине жил я, вот,
пролетал за годом год,

Но опять я во дворе,
как по молодой поре,

Прошлое пройдет чредой,
лишь раздастся шелест твой.

Посмотри, ведь как вчера,
дни доходят до двора!

Как глядят они на нас
и мечтательны сейчас,

Улыбнутся и рдеют,
улетают и бледнеют;

Прилетят, уходят вдаль,
и надежды нашей жаль,

жалко нам их, вот беда.

Так мы, липка, пропадем,
мы из жизни вдруг уйдем,

Если раньше сгинешь ты,
кто пошлет мне шелесты?»

1839

Перевод Наталии Шведовой

О НАРОДНЫХ ПОВЕСТЯХ И ПЕСНЯХ ПЛЕМЕН СЛАВЯНСКИХ (отрывок)

...Нет более песенного народа в мире выше славян. Бывают и у других народов песни, слышно там и пение, но нигде нет их в таком множестве, и нет в них такой красоты, как у нас. Что бы из колеи повседневной жизни ни вышло, что бы над обыденностью жизненной ни возвысилось, всё переходит у славян в песню и в пении отзывается, в том горестном или светлом, чем необычнее явления, которые трогают душу и вызывают пение. В пении славянин говорит с миром, из поколения в поколение; в пении его самые горячие чувства, его самые приятные создания образности и вся его мысль сосредоточены. Народы индоевропейские, которым славянин является младшим братом, все выражают, каждый по-своему, то, что они в себе скрывают и чем загорелась душа их: индеец — строениями храмов величественных, персиянин — книгами святыми, египтянин — пирамидами, обелисками и лабиринтами гигантскими и таинственными, грек выражает это в скульптурах прекрасных, романские народы — в живописи чудесной, германские — в музыке проникновенной, а славяне излили душу и мысль свою в преданиях, песнях и сказаниях волнующих. Всё, что жило у тех народов в их творениях, живет у славян в их песнях и сказаниях. Гете

сказал, что скульптуры — это окаменевшие звуки, тогда у нас, славян, строения, скульптуры и картины прежнего мира растворились в звуках, голосах или пении. Нет на поверхности земли славянской ни вытесанных зданий индийских, ни строений египетских, не ваяла рука славянская и скульптур греческих, и не рисовала кистью картины романские, но зато мысль славянская перешла в песню и выразилась в ней. Всё, что когда-либо души славянина живо коснулось, выразилось в песне или в слове, народа, как мы уже упомянули, более разговорчивого и поющего нет на земле! А потому и правдиво и значимо назвался народ наш славянами, то есть народом словесным, поющим. Слово и вообще имеет в жизни славянской значение глубокое. «Доброе слово» принимает славянин как возмещение всего и с благодарностью, и словом могут у него воздействовать вещи сверхобычные. Словом и песней как выражается, так и открывается мысль и душа славянская; более верного подхода к ней нет, кроме этого.

В самой природе создания, голосом наделенные, стоят выше и в органическом устройстве, чем создания немые. Что мы в природе наблюдаем, то же самое есть правда и в мире духовном. Наиболее совершенным и человеческим

способом общения с другими, тем, что лежит в душе, что ее занимает и в нее проникает, является слово, а самое прекрасное и привлекательное представление этого становится песней и пением. Народ словесный или поющий, народ, который себе от этого свойства и имя дал, славянский, стоит в этом смысле выше всех его братьев индоевропейских, духом своим в человечестве возвышающихся. Те себя выражали способами, отличающимися от славянского: зданиями, строениями, ваянием, живописью, но славяне себя выразили словом и в пении сделали видимыми мысль и душу свою. А поскольку славяне этот самый человеческий способ выражения избрали и полюбили, должна быть и душа их человечнее тех, и в ней больше, чем у других, святого огня того. Слово и песня — их свойство самое естественное и, так сказать, искусство национальное, а поскольку и душа их во всей своей полноте этим способом выразилась и сюда обратилась со всей своей силой, мы думаем, напрасно порицают некоторые наши собраты особое славянское искусство, будь то в архитектуре, в скульптуре или в живописи. Строительство, лишь повседневным нуждам, таким как дома семейные, соответствовать стремящееся, не может в излагаемой теме рассматриваться, как и ваяние, и живопись, в необходимом подражании предметам своим неразвитые. Что у славян есть высшего и лучшего из архитектуры и живописи, то, мы полагаем, перенесено от народов чужих, а именно в упомянутых искусствах следование образцам немецким и византийским. Не развились искусства названные на поле нашем, зато привились на нем

и расцвели слово и песня и стали искусством нашим национальным!

Скажут нам, пожалуй, противники славянства, что песни и сказания наши — это лишь отдельные произведения, разрозненные и не связанные, что не создано из них единое художественное целое, и потому все они не имеют большого значения для человечества. Это правда, что у славянства нет единой книги, ни песенной, ни священной, в которой был бы дух славянский, каков он есть, изначально представленный; нет у славянства ни индийских «Рамаян» и «Махабхарат», ни персидской «Зендавесты», ни еврейских книг священных, ни греческой «Илиады», но на всё это есть свои вековые причины, и это не отнимает высокой значимости песен славянских. Славянство, с древних времен разбросанное и раздробленное, не могло собраться для единого деяния, которое бы мысль целого протяженного народа встряхнуло и сказание единое, им прославленное, сотворило, его история, и то лишь в племенах раздробленных, больше была произвольной и пассивной, чем активной, и относилась к векам, когда, при вторгавшемся с различных сторон просвещении европейском в славянский мир, размышление и рассудительность непосредственную творческую образность перевешивали, к песенным национальным произведениям в ее целостности необходимую. Но не чужды и славянам отдельные национальные, к художественному совершенству стремящиеся песенные творения; есть у чехов своя несравненная «Рукопись Краледворская» и особенно песнь возвышенная «Славой и Забой», есть у русских свой «Игорь

Святославич», у сербов — целый ряд народных, истинным песенным духом проникнутых, богатырских песен, есть у казачества красивейшие свои думы, которые все творения песенной ценностью далеко превосходят, например немецких «Нибелунгов»¹. В песнях этих и в их неисчерпаемой свите у различных племен славянских можно увидеть и понять, кто этого захочет, что такое простая, чистая и неповторимая душа славянская. Сказания единого, общенационального, как мы упоминали, правда, у славян нет, потому что не было общенациональной истории, а если события такие в мире произойдут, мы думаем, они и песнями будут, и не столько народными, но больше продуманно художественными прославлены. Это будет, даст Бог, воздаяние за недостаток наш! Какую ценность в песнях и сказаниях славянских мы видим, явствует из того, что мы их называли славянским искусством национальным. Искусство вообще есть одна из благороднейших сторон человечества; в нем, где оно укоренилось, проявляется лучшая составляющая человека и нации. Выражается в нем со стороны, как отдельных людей, так и народов мечта об изображении и предметности чего-то божественного в человечестве, а потому и искусство каждое служило главным образом Богу, вере в него и почитанию, религии, и далее — различным духовным интересам в целом. Напоминает оно тем человечеству всег-

да о его происхождении, о его над мирской материей возвышающейся стороне, заключающей в себе правду, от которой никогда в мире не следовало бы отводить глаза. Народы, у которых никакого искусства даже не возникло и не укоренилось, мы видим закосневшими в грубости и бесчинствующими в мире не по-людски, даже отвратительно, например все народы монгольские, называются ли они монголами, татарами, турками или чуждью, и напротив, у народов, у которых искусство развилось и совершенствовалось, мы видим как жизнь более человеческую, так и постоянные и непрестанные усилия для ее совершенствования и возвышения. Это относится к народам индоевропейским, среди человечества возвышающимся, а также в большой степени к народам семитским, с ними в истории бок о бок существующим.

Искусство определенно есть изображение духа в предмете, в том или ином материале. Представление этой связи должно быть таким, что во всем материале только проблескивает дух, а материал им как будто переносится. Там, где такая связь удачна, всегда создается произведение художественное. Различными могут быть материалы, в которых должен отобразиться дух, а согласно этому существуют и различные искусства.

Наиболее простое и вместе с тем и наиболее древнее искусство — архитектура, творящая из камня строения необычные и строящая или высекающая в скалах храмы великие, как архитектура индийская. В скальных глыбах или в строениях каменных дух никак выразить нельзя, а потому и архитектура идею искусства не воспринимает,

¹ Если чешские «Рукописи», во времена Штура считавшиеся подлинными, впоследствии были признаны высокохудожественной подделкой и даже древность «Слова о полку Игореве» до сих пор подвергается сомнению, то у русских есть еще и былины. (Прим. переводчика.)

и именно потому от ее произведений идеей словно лишь веет. Отставая далеко от идеи, архитектура хочет восполнить это внешним убранством строений своих, как в Индии и в Египте, или поразительным волшебством и мрачностью, как в храмах готических. Размерами этими или странностью и мрачностью строения хочет архитектура победить дух частный и принудить его к смирению перед духом верховным, вокруг ее строений будто веющим. Идею, которую архитектура изобразить не может, изображает уже более совершенное по сравнению с ней искусство — скульптура, представляя ее в статуях изваянных, фигурах человеческих и выражая в них отдельные силы духовные, как то: мудрость, власть, гнев и т. д. Это боги греческие, на первый же взгляд показывающие, что в них представлено должно быть. Силы чисто природные, как Эол и т. д., никогда в статуях в Греции не были представлены, но были Аполлон, Зевс, Афина Паллада и т. д. Однако и в статуях только отдельные силы духа, и те лишь запечатленные, представлены быть могут, а главное, нельзя выразить в статуях то, что мы понимаем под душой, власть духа чувствительная, потому что в скульптурах каменных выражение души, т. е. глаза живые, передать нельзя. Не могут в них выразиться, например, любовь, страдание, милосердие, превозмогание боли и т. д., но представить это может живопись, тем самым искусство по сравнению с предыдущими более совершенное. Живопись — первое христианское искусство, и силы духа, представлением которых она главным образом занимается, являются лишь добродетелями христи-

анскими. Бесконечная, от собственной личности отрекающаяся любовь материнская, представленная живописью христианской в Марии, воспарение в чистой святости над землей, представленное ею в Спасителе нашем, или его страдание на кресте и его преодоление таковое, что страдание исчезает и от него уверенная победа над миром сим во славе восходит, или святое воодушевление апостолов божественным учением, представленное живописью в св. Петре и Павле и тому подобное, были и есть достойнейшим предметом живописи христианской. Но хотя живопись силы духовные и движение души, несомненно, уже передает, представляет она их без дальнейшего течения и развития. К тому же и само разнообразие одного и того же движения душевного она выразить не может. Но течение и развитие движений душевных, их мгновенно спадающую и заново вздымающуюся силу, их поток и волнение представляет уже искусство более совершенное, чем живопись, и это музыка, которая еще и в том совершенна, что хотя бы отчасти на разнообразие того самого духовного движения голосом своим намекать может. Конечно, есть одна жертва — за человечество в целом, как у Христа, и другая — за родину, как у Муция или кого-то другого; один ужас — в осознании преступлений перед судом Страшным, и другой — в боязни суда мирского. Между тем, как сказано, даже музыка, и то лишь отчасти, на разнообразие этих движений духа намекать может, а всю полноту и глубину движений, как и их течение, целостно компенсировать и последовательно передать не в состоянии. Но всю глубину духа, каждое его движение

и течение его разнообразнейших поворотов исчерпать и представить способно одно лишь стихотворчество, или поэзия, искусство, тем самым, среди всех наиболее совершенное и их вершина. Но это вещь совершенно естественная, ибо архитектуре и скульптуре служит лишь материя, будь то каменная, или металлическая, или иная, которая в немоте своей никогда все-таки полностью выразить не может то, что художник, даже одаренный, в нее вложить пытается, да и многое в нее вложить нельзя, и подобно этому ни краски в живописи, ни голоса в музыке не способны передать во всей полноте горение духа, дающего предмет искусству, и повороты

его в различном положении и в самых различных формах жизни. Хотя есть правда и в том, что оно с их помощью становится совершеннее, в сравнении с той материей, грубой и неотесанной, но всё превосходит в поэзии творческая образность, с легкостью разнообразные проявления духа в различнейших положениях рисующая, и для ее внешнего рисунка стоящая на службе речь, которая богатством и значительностью слов своих представить может наилучшим образом живые творения гибкой образности. Насколько речь способнее исчерпать всю глубину и полноту духа, настолько и поэзия совершеннее любого другого искусства.

Перевод Наталии Шведовой

СЛАВЯНСТВО И МИР БУДУЩЕГО (продолжение)

...Прежде всего, надо помнить, что Славянский народ, как таковой, еще не был охвачен высшей исторической жизнью, между тем как в ней развивались и преемственно, один за другим, следовали прочие народы, по времени более способные. Но все имели свое время. Впрочем, мы не слепцы к слабостям и недостаткам нашего народа: еще в начале труда нашего мы беспощадно обличали и карали главные его недостатки; знаем сверх того, что доброе направление нашего народного духа, именно потому, что оно природное, легко впадает в крайность, и что Славянская природа в некоторых отношениях поныне колебалась между двумя крайностями, чем и объясняют противоположные свидетельства писателей о наших предках; но навязываемая нам иностранцами слабость вовсе не идет нашей природе. Правда, на наших границах мы все поодиночке подпали под власть иноплеменников, но они против нашей обособленной защиты всегда почти выводили все свои соединенные силы. Но, кто, однако, может похвастаться, что им более нашего удалось так много сохранить из своей народности в столь продолжительное, в высшей степени тяжкое, рабство? Эта упругость, свойственная нашей природе, конечно, есть также сила, и только с таким народом смог удасться громад-

ный опыт Петра Великого, не надорвав его жизненных сил. Только такой народ, по природе своей наклонный к малым, подвижным государственным союзам, мог строжайшим своим подчинением общей воле, предоставляемой одним лицам, доставить материал этому величайшему зданию. Да, только с этим, хотя по языкам и онемеченным, народом, мог Фридрих Великий совершить свои чудесные подвиги, всегда сызнова начиная с неодолимой силой и противясь почти целой Европе. Не принимайте, подобно Австрийцам, терпение наше за слабость! Тут всего легче обмануться, Древние писатели единогласно прославляют беспримерную, непреклонную выносливость наших предков во всякого рода бедствиях, их хладнокровное перенесение всякого несчастья, и новейшие, как Сегюр, повторяют и ныне то же самое. Делаемые нам упреки неудачны, как и толкование профессора Лео общего имени «Slawen» из немецкого «schlaff». Даже общее свое имя должны мы были занять себе у немцев! Большей или меньшей грубостью запечатлен первоначальный быт каждого народа, но жестокостей, подобных тем, какие совершали Испанцы в Америке, Немцы с нашими предками, мы никогда не чинили, а Испанцы и Немцы были ближе нас географически к источникам Клас-

сической и Христианской образованности. Хотя, вследствие географического положения и духовной преемственности народов, мы еще недалеко в смысле всемирно-историческом, однако мы уже и не без заслуг в успехах духа и человечества. Чех Гус проложил дорогу Реформации и своим самопожертвованием сделал ее возможной; Поляк Коперник открыл гармонию вселенной; от Чеха Заслужанского узнал Линней о полах в растительном царстве и проч.; все это, конечно, мало для нашего величия, но, с другой стороны, мы защитили Европу от нашествия варваров, вместе с ней разбили Обров (Авар) и сами сокрушили могущество Монголов, Татар и Турок и, таким образом, обеспечили развитие Европейской образованности. Во всякое время вдохновлялись мы великими идеями, и в этом, конечно, отношении не превзойдет нас ни один народ, ибо восторженность Французов — пылкая и проходящая, а наша — медленная и сдержанная. Впрочем, по

сие время нам не доставало одной идеи, которая бы воодушевляла все наши племена вместе. Мы не увлекаемся, однако, отвлеченными, бессодержательными идеями, как, например, завоеванием Гроба Господня, и не склонны к наступлению. Но высокие человеческие идеи согревают нашу грудь и укрепляют нашу силу. Толпа Гуситов была непобедима и разбивала во множестве сражений войска Крестоносцев половины Европы; шестнадцать тысяч Поляков с самоубийственной храбростью сдерживали в продолжение нескольких часов силы союзников, пока не было обеспечено отступление Французов, и с каким самопожертвованием и силой отразил Русский народ почти всю Европу, вторгшуюся в его Отечество под предводительством гениального полководца в мире? Не зима поразила и сокрушила Наполеона, ибо она настигла Французов уже при отступлении, в Литве, но сила и самопожертвование Русских...

Перевод В. Ламанского

(продолжение следует)

ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ О ЛЮДОВИТЕ ШТУРЕ

Само Возар

Штуру на день рождения

Младой, сидел он у Дуная шумных волн,
пред ним бежал времен нетерпеливых челн,
и гордый юноша немые Татры созерцал
и в песне горестные чувства изливал;
а в вихре горя жарко грудь взметает,
и в этом горе сила тайно вызревает.

Собрался с духом он — светло задумал дело
великая в душе великой сила зрела,
во многих богатырь-герой живет отважный,
так под его знамена поспешает каждый:
щитом им — Татры, и надежды — флаги,
а в музыке им вражья злоба даст отваги.

И нам веселую вы, братья, песню пойте,
боязнь отбросьте, грустью нас не беспокойте,
нас славный поведет на море кормчий,
он нас ведет пожаром, что в душе клокочет.
Пусть бури нас и громы встретят на пути —
благослови словака, в бурю славно с ним идти.

Перевод Наталии Шведовой

У могилы Штура

Липа расцветшая к белому мрамору льнула,
ствол обвивая, тянулся к ней плющ из могилы —
руки воздеты в желанье святом, где любовь проблеснула,
хоть и истлели, но снова из праха восстали их силы.

Серо и сумрачно, дух оттого изнывает...
Холод! Далекие Татры, наверное, снегом покрыло!
Горестно малая птичка на веточке здесь напевает,
пахнет легонько оливой с печальной могилы.

Благословляю заботу тех рук, что места навещали,
что же мне делать, на сердце — тоска и тоска,
в нем разрастается липа в бескрайние шири и дали,
ею закрыты и горы, и доли, река...
Вижу: простой этот памятник вдруг алтарем вырастает,
пред ним — кипенье народа, пылают желанье и смелость:
биться нам с жизнью, что скудностью нас унижает!
И понимаю я, слышу, готовы мы взяться за дело...

Длись же, мгновенье!.. И к камню я лоб прижимаю,
но мне на горечь в душе только ночь усмехнется...
Вспыхнет на мраморе надпись, вмиг золото букв высекая,
я посмотрю — и на небе звезда в радостном блеске зажжется.

Модра, 5/VI 1918

Перевод Наталии Шведовой

Даниэла Кодайова

ДВА ПОСЛАНИЯ ЛЮДОВИТА ШТУРА

Культурно-историческое значение сочинений

*«Славянство и мир будущего» и «О народных повестях
и песнях племен славянских»*

(Окончание. Начало в альманахе «Девин» № 2(7), 2018)

«О народных песнях и повестях племен славянских»

Благодаря уточнению времени создания сочинений мы знаем, что «Славянство и мир будущего» и «О народных песнях и повестях племен славянских» возникли почти одновременно, в 1851–1852 гг. В то время как первому сочинению после его завершения предстоял сложный путь к словацкому читателю, длившийся более столетия, вторая работа вскоре после завершения была опубликована в 1853 г. и поэтому была доступна и цитировалась. Хотя и это сочинение относительно долго не удавалось опубликовать в Словакии¹. Первоначально готовилось его издание в Матице чешской, но в конце концов его опубликовал Чешский музей. В сохранившейся переписке с издателями Штур ставил условие, чтобы ему впоследствии сочинение «на словацком языке издать не препятствовали»². По завершении работы над произведением в письме Вацлаву Ганке, который способствовал публикации, он выразил свое удовлетворение как автора: «Сочинение посвящено князю Михалу

Обреновичу, деятельному другу Славянства. Что же содержания касается, то я убежден, что ни я за сочинение перед Матицей, ни она перед общественностью не будем иметь причин стыдиться»³.

Целью сочинения «О народных повестях и песнях племен славянских» была обработка богатого этнографического и исторического материала, изложение истории литературного творчества отдельных славянских народов и нахождение похожих элементов в структуре, содержании, тематике. Штур обобщил основные черты славянских песен и повестей и интерпретировал их как средство, содержащее информацию и память обо всем важном в жизни славянских народов. Сходства были настолько разительны, что Штур мог представить Славянство как единое целое и одновременно как систему. Культурное значение исследования состояло в рассмотрении Славянства как политического и общественно-культурного концепта, кото-

¹ Štúr, Ľudovít: O národných písních a poväestech plemen slovanských. Bratislava, Slovenský Tatran, 2003.

² Listy Ľudovíta Štúra. II. Bratislava, 1956. S. 260, 280.

³ Ibid. S. 148.

рый является составной частью европейской христианской цивилизации, но при этом идентифицируется как собственный, самостоятельный, специфический.

Штур показал способность славян создавать культурные ценности и быть носителями культурного наследства. Создавать поэзию — самый совершенный продукт языка — сравнимую с поэзией больших народов. Именно в поэзии и песенном творчестве он находил общие черты славянской культуры. Славян он считал способными создавать культуру («творящими культуру»), как в целом, так и в каждом национальном обществе отдельно. Общее самосознание, доказываемое наличием многих общих черт в сохранившемся народном творчестве, одновременно служило в качестве свидетельства существования славянской культуры и цивилизационной миссии в будущем. Миссией должно было быть сохранение и защита европейской христианской цивилизации и ее обновление благодаря жизненной силе пробуждающихся славянских народов, сплоченных во имя сближения и сотрудничества в области культуры. Всю предыдущую историю славян Штур называл «историей племен наших» и воспринимал ее как «ожидание будущих дел, больших и значительных, для чего народ наш в историю человечества призван — это только будущее покажет и объяснит»¹. Свое сочинение Штур также назвал посланием к славянам. Он вполне сознавал его не только

литературное, научное, но и общественно-политическое значение.

На первый взгляд книга «О народных повестях и песнях племен славянских» кажется собранием этнографического материала, но именно на материалах песен и повестей Штур выражал отношение к вопросам истории, языков, давал определение власти, народу, определял задачу языка, истолковывал историю славян и их стремление к будущей совместной жизни. Он представил картину славянской истории, в которой доминирующее место занимает чуткое отношение к земле, стране, к людям, говорящим на одном языке, к духовным произведениям на этом языке, как и к произведениям материальной культуры, способствовавшим развитию страны: «Человек — славянин, связанный с природой союзом нерасторжимым, оглядывается на нее постоянно, находит в ней отражение души своей, явлениям ее придает значение в соответствии с состоянием своим и событием, его касающимся, природа же в свою очередь предлагает ему, чтобы он понимал ее и проявления ее и изображал посредством их состояние свое и чувства души своей»². Эта связь человека-славянина и природы, на лоне которой он живет, внутренняя и дружеская, отражается и в песнях славян, в которых природа всегда присутствует, во всех настроениях и состояниях — грусти, радости, беспокойства.

«Нет более песенного народа в мире, чем славяне». Этим предложением Штур начал свое сочинение.

¹ Štúr, Ľudovít. O národných povestiach a piesňach plémien slovanských. Bratislava: Slovenský Tatran, 2003. S. 276.

² Ibid. S. 278.

«В песне обращается славянин к миру, из поколения в поколение, в песне его самые горячие чувства, его самые приятные фантазии и все его мысли отражаются»¹. Песню и пение он оценивал как самое прекрасное и пленительное воплощение слова, которым славянин выражает все, что лежит у него на душе. Констатируя это, Штур подчеркивал, что песни славян — это не искусственный продукт, а самое естественное творение, которое создается спонтанно, без специальной подготовки и теорий. От существительного «слово» он выводил и название «славяне»: «Народ словесный или песенный, народ, который благодаря этой характерной черте сам имя себе дал, “славянский”, стоит в этом смысле выше всех своих братьев индоевропейских, духом своим в человечестве возвышающихся. Они выражали [свои чувства] способами, отличными от славян: в зданиях, постройках, скульптурах, живописи. Славяне же высказывали чувства словами, и в песнях выражали душу и мысли свои. [...] слово и песня превратились в искусство наше национальное»².

В связи с этим интересно, как Штур объясняет, почему при всех талантах и способностях славяне не создали «... одной книги, эпической или священной», подобной тому, как у греков есть «Илиада», у евреев свои священные книги, у индийцев — «Рамаяна» и «Махабхарата», у немцев — «Нибелунги». Причиной были условия жизни славян: «Славянство с древних времен было разбросано

и раздроблено, оно не могло собраться с силами и совершить такой поступок, который бы мысль всего огромного народа потряс и песню одну, его прославляющую, на свет произвел»³. Одновременно он подчеркнул, что когда условия изменятся, будут события такого рода и славянами воспеваться. Таким образом, славяне сначала должны получить новый опыт, а потом отобразить его в творчестве, как историю, как воспоминание, как опыт, как завещание. Хотя он прямо и не пишет о политических условиях, это следует из контекста.

Исторический материал он собрал в отдельные части, посвященные описанию устройства старых селений, чертам характера славян, в формировании которых участвовала в основном природа и природные условия. Из социальных связей наиболее сильное влияние он отводит семье, а не государству. Различны для него понятия страны и государства. Государство как институт в песнях почти не встречается. И, напротив, страна, которую создают земля, природа и люди, с которыми человек находится в различных связях, так или иначе присутствует в каждой песне, поскольку она охватывает одновременно память места и действий. Штур показывает своеобразие славянства и в формах жизни и общественной организации. Семья с семьей составляют селение. Селение с селением образуют отечество, родину. «Родина в славянском смысле — это земля со всем тем, что находится на ее поверхности, с горами

¹ Ibid. S. 256.

² Ibid. S. 257.

³ Ibid. S. 258.

и равнинами, лесами и полями, ручьями и реками, озерами и всем другим, населенная людьми одного языка, одних обычаев, нравов и законов. Это не государство в западноевропейском понимании и значении; славянин же, у которого мысль должна быть облечена в одежду, у которого только представление, с предметностью связанное, абсолютную жизненность приобретает, который не определяет вещи по отвлеченным понятиям, мысленно понимает людей и землю как вместе существующие одно с другим. Народ наш так привязан к людям своего языка, как и к земле, на которой этот народ живет, и поэтому так не любит ее покидать, а навсегда с ней прощаться приходится ему только с болью великой»¹. Размышления о родине Штур подытоживает в утверждении, что «родине никто так не предан, как славянин»².

При описании черт характера, т. е. при описании особенностей и влияний, оказывавших воздействие на формирование особенностей и образа мышления, которые являются отличительной чертой славян, Штур подчеркнул, что славяне превыше страны чтут верховный гармонизирующий авторитет — религию, связывающую людей с Богом. «Она вызывает, утверждает и освящает все добрые поступки людские, как и все важнейшие события жизни человеческой. Народ славянский так глубоко религиозен, что и в своих светских песнях он выражает

мысль эту, ставя ее выше всех земных благ»³.

Стремление показать существование Славянства как живого организма с чувствами, желаниями, радостями, печалью и горем на песенном материале с использованием многочисленных примеров привело автора к обобщению: «Славянские песни, во всех наших родах и племенах, как в этом каждый после их сбора и просмотра полностью убедиться может, — это отросток единого ствола, хотя и многообразного, но одного корня происходящего. Общий этот ствол, на котором все наши песни выросли — это одно и то же главное мировоззрение, душевное состояние, одни и те же чувства, а внешние одежды, в которые мнения и чувства сии облечены, — это, пусть и на разных наречиях, но один и тот же язык»⁴. Свою мысль он закончил выводом о том, что народ славянский «дышит одним дыханием, думает одними мыслями и живет жизнью одной»⁵ во всех племенах своих.

В сочинении «О народных повестях и песнях племен славянских» Штур исходил из духовной, эстетической и этической основы славянской культуры, благодаря которой славяне должны достичь конечной цели. Как романтик, он считал поэзию самым совершенным видом искусства, поэтому сосредоточился на ее рассмотрении и доказательствах сходства форм и содержания поэтического творчества в славянских культурах.

¹ Ibid. S. 400.

² Ibid. S. 421.

³ Ibid. S. 429.

⁴ Ibid. S. 441.

⁵ Ibid. S. 441.

Лекции о поэзии славянской

Многие авторы указывали на совпадение структуры сочинения Штура «О народных повестях и песнях племен славянских» (1853) с лекциями о славянской поэзии, прочитанными им в период, когда он преподавал в евангелическом лицее (1842–1843 гг.), и позднее, во время ожидания решения об увольнении Штура с этой должности либо получения разрешения читать лекции в его частной квартире. Несмотря на то, что лекции были частным делом лектора и слушателей, не были изданы и распространялись только в копиях, они оказали влияние на творчество и эстетические взгляды романтического поколения, его понимания истории. Сохранившиеся конспекты подтверждают, что слушатели лекций в полной мере воспринимали их новаторство в оценках литературного творчества и устного народного творчества. Штур в своих лекциях способствовал их знакомству с современными философскими и эстетическими взглядами своей эпохи.

Из сохранившихся конспектов видно стремление Штура направить своих слушателей на собирание и изучение народного творчества, письменного и устного, всех славянских народов, поскольку именно в этих произведениях, по его убеждению, наилучшим образом отражается народный дух. Современный редактор текстов лекций Павол Вонгрей сравнивал конспекты лекций с церковным служебником для семинаристов: «Они стали служебником их эстетическо-идеологических

рассуждений и действий; служебником их взглядов на искусство и жизнь, их поэтикой и в значительной степени, которой нельзя пренебречь — их политикой»¹.

В сочинении «О народных повестях и песнях племен славянских» тезисам из лекций была придана окончательная форма, однако это никоим образом не снижает значение самих лекций, прозвучавших за десять лет до этой работы. До настоящего времени они считаются важным документом словацкого литературного романтизма, в котором литература была представлена в качестве одного из участников национальной программы. Штур выразил в них свое представление о задачах литературы и национального языка в процессе образования народа, чрезвычайно важных в политическом отношении.

Основным тезисом лекций является понимание поэзии как самой совершенной формы искусства. При этом для Штура «искусство есть не что иное, как соединение души с предметом; или слияние и сообщение души с природой»². Поэтому ответы на актуальные вопросы формирования нации и ее будущего развития он ищет в поэзии и песнях как в сфере, где эти ответы можно найти, поскольку творчество отражает душу народа. На основе идеального мира поэзии Штур создавал образ Славянства как будущего спасителя, призванного восстановить гармонию европейской цивилизации, находящейся ныне в упадке, раздробленности и отчаянии. Такому миру Штур

1 Štúr L. O poézii slovanskej. Matica slovenská, 1987. S. 8.

2 Ibid. S. 26.

противопоставлял мир славянский: «[...] мир, где вместо раздробленности — единство; вместо процентов — любовь; вместо бесчестия — чествование Бога; вместо растерянности — доверие; вместо заката — восход солнца; существует еще мир, который не отчаивается, который не разорван, который наполнен верой в Бога, который от Бога ожидает спасения — это мир наш. Так порадуемся тому, что это мир наш, славянский»¹. Для поколения шутовцев было заманчиво являться составной частью этого чистого мира, который представлялся возвращением к изначальным чистым ценностям, существовавшим в славянской древности, но благодаря сохранению типичных славянских качеств у славян именно они будут теми, кто усовершенствует и сохранит мир. Вера в избранность славян как носителей высшей миссии в истории европейской христианской цивилизации усиливала позицию шутовцев и во внутреннем венгерском окружении. Кто смог увидеть себя спасителем Европы, тот был способен видеть себя и полноценным субъектом внутренней национальной политики и культуры. Романтизм воспринял это видение мира, мифов

и связующих нитей прошлого с будущим. «Миф стал в романтизме источником образности, использовался уже не рациональный подход, а зачарованность языком его аллегорий и символов, который скрывал в себе глубокие тайны»². Акцент делался на собирательстве устного народного творчества, и особенно повестей и сказок, как источника народной памяти, мудрости, опыта. В этом подходе взгляды Штура близки последователям мессианизма. Исследователь П. Каша видит во взглядах Штура определенный тип политического мессианизма или визионерской утопии. Однако это не религиозный мессианизм. Достижение вершин человеческой истории и «мира будущего», согласно представлениям Людовита Штура, должно осуществиться очень прозаическими и конкретными путями. В лекциях, а позже и в обоих рассматриваемых послереволюционных сочинениях он переходил от истории к будущему, от эстетики к культурно-общественным примерам, к социальным связям, очертил вопросы эстетических основ современной поэзии и начал рассуждать о славянской концепции как о политическом и общественном концепте.

Культурно-историческое послание

Как показывают лекции, Штур имел, по сути, законченное представление о славянском мире, его культуре и истории. Славянское искусство, причем не только поэзию, он анализировал и характеризовал как единую закрытую систему еще в предреволюцион-

ные годы. Но если в лекциях он говорил о литературе как о специфическом творчестве и знаке общей славянской идентичности, то в сочинениях, составленных после революции, он сосредоточился на двух основных темах. В труде «Славянство и мир будущего» Штур

¹ Ibid. S. 43–44.

² Somolayová L. Mesianistický variant slovenského romantizmu // Česká literatura, 2009, č. 6, s. 842.

рассуждал об историческом развитии и опыте славянских народов, полученном в области политических объединений, и искал альтернативу решению славянского вопроса в будущем. Сочинение имеет политическое содержание; автор рассуждает в нем о возможных переменах на европейском континенте хотя и неопределенно, без какого бы то ни было точного временного ориентира, однако высказывает идею необходимости перемен, к которым мир уже сделал шаг. И в этих переменах Славянство должно принять активное участие, чтобы изменить свою судьбу и судьбу всей европейской христианской цивилизации.

Во втором сочинении «О народных повестях и песнях племен славянских» Штур на основе песенного и более архаичного материала повестей показал глубокую древность корней славянской культуры, специфику ее общих черт и форм воздействия духа народного, славянского, который «к миру стремится», сохраняя свой не подверженный чуждым влияниям, чистый и неповторимый вид. Он доказал существование славянского мира как самостоятельного культурного феномена.

Оба сочинения являются попыткой создания канона, попыткой институциональным способом зафиксировать картину истории и культуры славянских народов, прежде всего, литературных форм. Культурно-историческое назначение этого канона — формирование славянской идентичности путем созданных культурных и литературных ценностей. Культурные ценности, созданные славянами в прошлом, защищали их общую коллективную память, сохраненную в литературе, песнях,

повестях, позволили славянам выступать в качестве надличностной коллективной идентичности, как обществу, которое осознает общие корни и не только знает об общем прошлом, но и имеет тенденцию к общему сосуществованию в будущем. Память, зафиксированная в литературе, становится резервуаром народной памяти, что превращает литературу в посредника памяти. Целью произведений Штура было не только писать об истории собственного народа, но и выбрать из нее сюжеты о славянской родственности, о братских чувствах. Литература с таким посланием подтверждает преемственность в жизни народа и наднационального славянского целого, несет на себе его идентификационные знаки, на основе которых славяне воспринимали себя как единое культурно-историческое целое, даже не проживая в границах одного государства. Несмотря на то, что славяне всегда проявляли себя по-разному, они все же выказывают высокую степень схожести друг с другом. Все эти частные аргументы подтверждали главное: если славяне смогли в ходе истории длительное время таким образом существовать даже в самых неблагоприятных условиях, то, несомненно, близится время их осознанного сотрудничества.

Наконец, оба сочинения, которым мы уделили здесь внимание, завершаются призывом не только к дальнейшему творчеству, но и к конкретным шагам, которые приведут к достижению цели славянского движения — освобождению славян от гнета и началу новой эры их жизни и жизни других народов. Призыв «Славяне, наберитесь с Божьей помощью смелости к дейст-

вию!» в сочинении «Славянство и мир будущего» является выражением веры, что при крепнущей жизни славянской, поэтической одаренности и подготовке к действию появятся певцы еще более выдающиеся: «Когда же Славянство дождется времен тех, и кто будут

призванные его?!». Исходя из этих настоячивых призывов, можно предположить, что Людовит Штур не был пессимистом, наоборот, ему казалось, что приближается время перемен, и славянство готово выполнить свою историческую и культурную миссию.

Перевод Евгении Майоровой

Даниэла Кодайова — научный сотрудник Института истории САН, Братислава, автор работ о выдающихся деятелях словацкой истории и культуры.

Из книги «*Štúr, štúrovci, romantici, obrodenci*». Bratislava, Ústav slovenskej literatúry SAV. 2016

ЛЮДОВИТ ШТУР И РОМАНТИЗМ

Как Людовит Штур относился к романтизму? Возможно ли вообще найти в словацкой литературе какие-либо однозначные оценки, высказанные Людовитом Штуром в отношении данной эстетической концепции? На первый взгляд, эти вопросы бессмысленны. Ведь каждый, кто хорошо учился в школе, вероятно, знает или должен знать, что как раз творчество штуровских современников, как правило, и обозначается понятием «романтизм», или же — еще чаще — понятием «Штуровская школа», и чаще всего его современники обозначаются как «штуровцы».

Тогда в чем же проблема?

Людовит Штур прибыл в Братиславу учиться в евангелическом лицее в 1829 году. Как раз в то время, когда значительно активизировалась работа студентов под руководством профессора Юрая Палковича. Некоторые национально ориентированные студенты, будущие сокурсники Штура, как раз тогда основали здесь Общество чешско-славянское, самой главной задачей которого было усовершенствование знаний чешского языка Кралицкой Библии и одновременно формирование пространства для развития национального самосознания будущей словацкой евангелической интеллигенции.

Одной из важных составляющих деятельности этих студентов были беседы о литературе и самостоятельное

художественное творчество. Однако в первой половине 1830-х годов эти студенты еще не имели ясного представления о том, каким образом заниматься творчеством. У них было немало образцов, и самым главным из них был Ян Коллар с его «Дочерью Славы», которая не раз разбиралась на их заседаниях в 1830-е годы. Анализировалась, как правило, идейная основа этого произведения, однако поэтических импульсов в творчестве Коллара участники Общества не находили.

Попадала к ним и литература на иностранных языках, в которой уже не было следов классической поэтики: чаще всего она несла в себе в различных вариантах черты очень распространенного в то время в европейских литературах направления — романтизма. На заседаниях Общества в жарких дискуссиях участники не раз обменивались своими взглядами по поводу прочитанных литературных произведений. По сохранившимся записям об этих полемиках ясно, что у них отсутствовало однозначное представление о форме и содержании вновь возникающей литературы. Однако одно было вполне очевидно — в их творчество все чаще попадали субъективные интонации, и постепенно на уровне теоретических размышлений они начали рассуждать о новой эстетической ориентации, которая бы заменила классицизм, как раз достигший своей кульми-

нации в словацкой литературе в 1830-е годы в творчестве Голлого и Коллара.

Во второй половине 1830-х годов они уже подсознательно начинают воспринимать ценности поэмы Махи «Май», пока втайне, поскольку официально это не очень приветствовалось. Немалую роль при обсуждении подобной поэзии и одновременно при нарушении классического эстетического канона имели взгляды К. Кузмани, особенно его приятие чувственности в художественном произведении. А самые внимательные читатели рассуждали о революционности (идеале свободы) и о разорванности байронического лирического героя.

Вероятно, самым интересным свидетельством интуитивного восприятия романтической поэтики времен возникновения словацкого варианта романтизма были литературно-критические суждения Йозефа Милослава Гурбана, чей романтический взгляд на литературу формировался еще во времена его учебы в братиславском лицее. На заседаниях Славянского института Гурбан не раз критически высказывался о творчестве своих однокурсников. Свидетельством его литературно-критической деятельности, а также в целом той духовной атмосферы, которая царила тогда в кругу слушателей братиславского евангелического лицея, являются его малоизвестные записки «*Saudy Miloslava Jos. Hurbana*» 1838 года, рукопись которых хранится в Литературном архиве Матицы Словацкой в Мартине. Это куцые, отрывочные высказывания, краткие и не всегда до конца понятные, однако в них хорошо просматривается тот факт, что в сознании Гурбана уже формируется иная

концепция поэзии, отличная от классицистической. К примеру, противореча уже затухающей эстетике классицизма, он утверждает, что «после прочтения мы можем понять, что стихотворение является поэзией, если в нем находим красоту и чувство»¹. То есть вполне очевидно, что на передний план он выносит необходимость наличия чувства, а это качество является непременным атрибутом преромантической, а затем романтической поэтики и эстетики. Среди прочих качеств, которые должны, по его мнению, присутствовать в новых произведениях, отмечаются образность и оригинальность.

И хотя нам приходится несколько додумывать, что скрывается за понятиями «чувство», «образность» и «оригинальность», однако, несмотря на это, очевидно, что здесь уже формируется новый эстетический идеал, основанный, по большей части, на оппозиции к предшествующему преобладанию разума и нормированной эстетической красоты, то есть к эстетике классицизма.

Признаки преобладания чувственности и акцента на субъекте в поэтическом творчестве начали, хоть и редко, появляться в поэзии многих авторов из круга братиславского евангелического лицея (К. Штура, Я. Калинчака, а также, например, в «Думах вечерних» самого Людовита Штура).

Хотя на заседаниях Общества и позднее Славянского института наибольшее внимание уделялось подъему национального самосознания, особенно посредством рассуждений о славянской взаимности. Оттого эстетические

¹ Hurban J. M. Saudy Miloslava Jos. Hurbana 1838, zv. V. LAMS Martin, sign, 8 B 9.

вопросы не входили в круг основных, подлежащих срочному решению.

Именно в подъеме национального самосознания большую роль сыграла педагогическая деятельность Людовита Штура, который стал заместителем председателя Общества (1835), а затем заместителем профессора Палковича (1837). Людовит Штур не раз заменял не слишком активного в своей педагогической деятельности профессора Палковича, причем действовал, явно превосходя ожидания своего учителя. Для него на первом месте стояло, в основном, решение философских, литературных и эстетических вопросов. В то время как обучение библейскому чешскому языку оказывалось на заднем плане.

Во второй половине 1830-х годов усилилось давление венгерского правительства на словацкую нацию и процессы мадьяризации, и стало очевидно, что под угрозой оказалось все дальнейшее существование словацкого народа. Л. Штур понимал, что нужно что-то предпринимать, и в первую очередь, в то время необходимо было наметить для своих соратников, а затем и для всего словацкого народа ясную перспективу их дальнейшего существования. В этот исторический момент он не нашел веских аргументов в культурной и политической истории народа для подтверждения подобной перспективы. Напоминаний Голлого о Великой Моравии и концепции славянской взаимности Коллара было явно недостаточно. Подходящую идею он нашел в гегелевской концепции истории и в философских взглядах И.Г. Гердера («Идеи к философии истории человечества»). Результатом восприя-

тия данных импульсов и их творческой разработки Л. Штуром стала идейная концепция, о которой говорится в его лекциях о славянской поэзии, — его собственная концепция исторического развития. Именно здесь, в этих лекциях Штур наиболее подробно разрабатывает свою концепцию исторического развития и разъясняет свои взгляды на славянскую и словацкую поэзию.

Однако вокруг лекций о славянской поэзии по-прежнему много неясного. До сих пор не была найдена рукопись лекций, сделанная рукой самого Л. Штура, и даже неизвестно, существовала ли она вообще. Спустя много лет нашлись (благодаря Павлу Вонгрею) конспекты этих лекций, сделанные его учениками в тот период, когда Л. Штур уже покинул должность заместителя профессора в братиславском лицее, т. е. в 1844 и 1845 годах. Лекции эти он читал в своей квартире, по сути, нелегально. Однако все свидетельствует о том, что Штур читал свои лекции или, по крайней мере, какую-то их часть, и после своего возвращения из Галле, т. е. в 1840 году.

Историческая часть лекций завершается мыслью, которая является «переработкой и додумыванием» самого Гегеля, о том, что настает период, когда на первый план выходят славянские народы, т. е. славянский род, который в последующий исторический период будет доминировать в своем развитии. «Согласно Штуру, история — это не случайная механическая последовательность событий, но она преследует определенную цель, история является телеологической, причем в этой точке у Штура пересекались гегелевская концепция истории как процесса объ-

ективизации, выявления абсолютного духа и христианская модель истории как “истории спасения”, т. е. постепенного “нравственного подъема” в духе христианской религии и восхождения к Богу»¹.

В лекциях о поэзии славянской он преследовал народно-будительские цели, отсюда во многом и обозначение перспективы развития славянских народов, а среди них и словаков. Постановкой этих проблем он, казалось бы, решал специфические проблемы характера искусств в целом и поэзии в особенности, но в конечном счете, все его выводы вели к одной, неустанно подчеркиваемой идее о справедливости и реальности национального будущего, как словацкого, так и славянского в целом.

В таком же ключе Штур рассматривает и основную тему лекций, то есть проводит анализ славянской поэзии, через которую он косвенно обозначил и свой эстетический идеал. Однако очевидно, что его представления о поэзии хоть и принимались большинством его современников, все же не были той основой, которая с поэтологической точки зрения могла бы быть обозначена как основа романтизма. Правда, если принять во внимание тот факт, что это понятие (романтизм) само по себе очень неясное и что существует великое множество вариантов романтизма в различных национальных культурах, то в конечном итоге мы можем задуматься и о словацком варианте романтизма.

Парадоксом развития словацкой поэзии и одновременно логическим

выводом из взглядов Людовита Штура на литературу и поэзию в частности является тот факт, что она создает собственное представление о характере славянского и словацкого поэтического творчества, тогда как в европейском контексте все еще живет романтический эстетический идеал, однако сам Штур ни разу ни в одной своей работе не находит ни одного доброго слова для романтизма, который он неустанно резко отрицает. Однако очевидно, что речь шла об отрицании западной и особенно байроновской модели романтизма. Поэтику романтизма западного типа он программно заменил идеалом славянской поэзии. В конечном итоге как раз этот, им самим описанный идеал в большой степени инициировал возникновение словацкого варианта романтизма, хотя поэзию, которую создавали его современники и в меньшей степени он сам, Людовит Штур никогда не обозначал этим понятием.

Какова же его концепция славянской поэзии, и что говорил он о романтизме в лекциях о славянской поэзии?

Л. Штур в рамках своей народно-будительской концепции анализировал основные фазы развития поэзии. И так же, как при решении многих других проблем, он уделил внимание отношениям между духом и материей, находящимися в состоянии постоянного напряжения. Так он выделил три основных фазы поэзии в истории: символическую, классическую, романтическую.

Наивысшей фазой развития поэзии Л. Штур считает символическую поэзию, которая, по его мнению, является «отражением естественной духовности, естественной божественности.

¹ Bombík S. Das Slawenthum... ako štúrovo odmietnutie západu // Štúr L. Slovanstvo a svet budúcnosti. Bratislava: Gora, 1993. S. 10.

Природа — это то место, в котором Бог живет, где он является, и ему, пребывающему в этой духовной форме, и поклоняется человек... Мы видим здесь еще естественные силы, и эти силы являются предметом поэзии, в которой о человеке еще ничего не говорится, поскольку он там всего лишь жалкий, безвестный, не совершающий значительных поступков; и потому он даже не является предметом символической поэзии, ведь он еще не встал на ноги, у него еще, как у человека, нет индивидуальности»¹.

Символическая поэзия, по мнению Штура, представляла еще неосознанную божественность. Он связывал символическую поэзию с поэзией восточных народов и в качестве наиболее выдающегося варианта указывал на еврейскую поэзию.

Большее приближение человека к Богу было представлено в классической поэзии, в которой человек, «словно божественное создание, становится предметом поэзии», и в ней представлено «единство природы и духа; однако дух всегда присутствует и везде говорится, что он является естественной нравственностью, воодушевлением, примером, жалостью»². Идеальный вариант классической поэзии Л Штур находит в греческой поэзии, в которой еще «дух не чисто понят», но проявляется через поступки человека.

Кажущееся согласие между Богом и человеком, а значит и между духом и материей, которое Л. Штур нашел в классической поэзии, значительно нарушено в романтической поэзии,

которая составляет третью фазу развития поэзии. Эта поэзия типична для германско-романского мира и, по мнению Штура, начинает появляться с приходом христианства, а кульминации достигает в современной ему немецкой поэзии. Заключительный этап этой длительной фазы развития он уже обозначает понятием «романтическая поэзия». Штуровская типологическая характеристика всех фаз развития поэзии не слишком ясна и практически не касается формальной стороны поэзии. То есть при характеристике романтической поэзии, прежде всего, обращаешь внимание на подчеркивание противоречивости и внутреннего напряжения романтической поэзии. «Когда Христос провозгласил принцип духа, материя распалась; дух против тела и тело против духа вступили в противоречие, и отсюда разразилась ужасная борьба тела и духа. Человек, который убедился, что он должен руководствоваться чистой волей духа, в горячности своей утратил всю естественность. И теперь в это время и в этом виде у нас будет поэзия, где борьба духа против тела и тела против духа являются главными обозначениями характера. Этот вид поэзии — поэзия романтическая»³.

Таким образом, определения романтической поэзии, сделанные Л. Штуром, полны противоречий. Но одно совершенно точно: по его мнению, романтическую поэзию характеризует, в основном, борьба духа с материей, и эту диспропорцию необходимо было заменить чем-то новым, новой эстетикой, но, как оказалось, в основном, этическим идеалом. Романтическая поэзия является самой

¹ Štúr L. O poézii slovanskej. Ed. Pavol Vongrej. Martin: Matica slovenská, 1987. S. 33.

² Ibid. S. 34.

³ Ibid. S. 36.

характерной поэзией для германского мира, но она не принималась Штуром, в основном, из-за отсутствия в ней гармонии. Штур отмечает, что «на поле поэзии романтической выступают на первый план и изображаются постоянное вращение, накручивание, борьба, нервозность и т. д.: причем это накручивание мы видим и в романтической поэзии, и у отдельных личностей, особенно больших, и во всем народе германском; а у духа нет еще столько сил, чтобы всю эту борьбу приковать к себе стрелой своей»¹.

Штур попытался конкретизировать свои представления о романтической поэзии, но вновь, как это типично в целом для его размышлений о поэзии, не слишком обращает внимание на формальную сторону поэзии, а скорее, на ее содержательную сторону. Он утверждает, что романтическая поэзия характеризуется, в основном, тремя качествами: любовью, верностью и честью.

Однако более детальный разбор этих качеств, в конечном итоге, не уточняет наших представлений о штуровском понимании романтической поэзии, а создает для нас лишь некую оппозицию для формулирования идеального образа поэзии, которым Штур считает поэзию славянскую. Понимание сути мотивов «любовь — верность — честь» не слишком разъясняет нам, почему ориентированная на эти мотивы поэзия не соответствовала его идеальным представлениям о поэзии. Гораздо более понятны его сомнения при утверждении других качеств, которыми отличается романтическая поэзия, а именно мотивов «разорванности,

печали и тоски»². Особенно много этих мотивов Штур находит в «Фаусте» Гете, которого считает самым типичным романтическим произведением. Слова, сказанные Штуром по поводу этого произведения, в самом деле примечательны: «Как душа Фауста не находит здесь покоя, но по милости Божьей летит на восток, так нет покоя и в сегодняшнем германском мире — но найдет мир смирение на востоке»³.

Взгляды Штура на отдельные фазы развития поэзии довольно неясные, их сложно детально характеризовать, но если взглянуть на идеи Штура в целом, становится очевидно, что они стали неотделимой частью концепции, обозначающей разницу между западным и восточным миром, причем довольно явно на первый план выступает мысль о великом будущем славянских народов, что в тот момент было самым важным.

В качестве небольшого примера определенных идейных противоречий в рассуждениях Штура приведу его слова о понимании красоты в романтической поэзии. Он говорит следующее: «О поэзии романтической в целом можно сказать, что она не столько красива, сколько проникновенна, глубока: но для красоты необходимо иное. Поэзия действительно красивая — это поэзия классическая. Красота не может быть оторвана от мира, не может восстать, смешаться и т. д., но должна быть идеальной, в ней постоянная гармония духа и природы слиты в прекрасном союзе»⁴.

Вся эта характеристика развития отдельных фаз поэзии вполне логично

¹ Ibid. S. 37.

² Ibid. S. 42.

³ Ibid. S. 40.

⁴ Ibid. S. 41.

оканчивается тем, что на смену романтической, то есть германской поэзии приходит славянская поэзия: «Мы видели в германском мире познание, но еще не воплощение духа. И это познание еще не является высшей фазой духа; она должна быть в жизни — или должна быть воплощена в мире. Поэтому поэзия должна подняться на более высокую ступень, должен обрести силы дух того мира, где он показался господином; дух должен ожить»¹. «Но есть еще в мире те, кто не отчаивается; еще существует мир, у которого есть твердые принципы; мир, где вместо раздробленности — целое; вместо интересов — любовь; вместо грязи — прославление Бога; вместо растерянности — доверие; вместо захода солнца — восход; еще существует мир, который не отчаивается, который не разорван, который наполнен верой в Бога, который от Бога ожидает спасение; еще существует наш мир. Так порадуемся, что этот мир — наш, славянский»².

В братиславском евангелическом лицее шло множество споров о характере словацкой поэзии, однако новый эстетический идеал так и не был сформулирован. Рассуждения Штура о характере словацкой поэзии, высказанные, в основном, в лекциях о поэзии славянской, безусловно, давали пищу для размышлений. Но одно было ясно: все заимствовали у Л. Штура мысль об инициативной роли славянского и словацкого фольклора, внутри которого заключен народный дух. Его нужно было найти, хотя бы прислушавшись к его ритму и поняв его посыл. Сделать

же это получилось в полной мере лишь после кодификации словацкого литературного языка, то есть после 1843 года. Однако в то время поэзия как таковая Людовита Штура уже не слишком интересовала.

Л. Штур изрек немало определенных и дополнений по поводу славянской поэзии, причем несмотря на это не очень понятно, что точно он понимал под этой поэзией. Прежде всего, потому, что почти вовсе не касался в своих рассуждениях ее формальной стороны. Наиболее точно характеризуют представления Штура о славянской поэзии его слова: «Будет поэзия славянская подготовкой, завершением всех прежних; она есть дополнение поэзии. Будет поэзия наша объятиями духа просвещения со всей природой, которая есть символ ее. Дух в ней будет господином, а все остальное будет в его подчинении. Поэзия славянская будет прославлением всего того, что существует в мире просвещенном и непросвещенном, прославлением вселенной; поэзия эта будет поэзией поэзии... Из понимания самой поэзии славянской следует, что она есть и будет гармонией мира»³. То есть речь шла именно о гармонии в христианском смысле слова, которая бы сгладила все разногласия.

Вероятно, единственной особенностью, присущей всем вариантам романтизма, является признание права субъекта на самовыражение. Л. Штур в своих рассуждениях логически отказывал творческому субъекту в этом праве. Отдельная личность может жить, лишь «служа общей правде». Свои субъективные чувства и взгляды

¹ Ibid. S. 42.

² Ibid. S. 43.

³ Ibid. S. 46.

он вынужден был подчинить общим взглядам, в нашем контексте — нуждам народа.

Романтической разорванности, характерной для многих западных моделей романтизма, в его концепции, что совершенно логично, места не было. «Все субъекты должны быть лишь исполнителями возвышенного и великого духа... У нас субъект как субъект не может жить лишь для себя, а состоит на службе общей справедливости — и так поступают все великие славянские личности»¹.

Штуровская концепция развития поэзии оканчивается представлениями о характере будущей славянской поэзии (эти представления формировались постепенно в процессе анализа Штуром поэзии славянских народов и его литературной характеристики этой поэзии). В основе концепции

Штура — его знания, прежде всего, славянской фольклорной поэзии, которая, в конечном счете, стала основой этой модели. В целом, очевидно, что речь шла, скорее, о необходимости вникнуть в суть понятия «славянский дух» или «дух народа» (который, согласно Штуру, содержится в словацком фольклорном творчестве, особенно в легендах и сказках).

Более конкретно о том, как должна была бы выглядеть словацкая поэзия, сегодня называемая романтической, Штур не написал. Каждый из его современников и даже многие его последователи вынуждены были смириться с его взглядами, однако модель словацкого варианта романтизма создавалась в творческой конфронтации с этими взглядами, а не на уровне приятия штуровской концепции, что, собственно, было невозможно.

Перевод Анны Песковой

¹ Ibid. S. 45.

«...ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВОЕ ТВОЕ...»

Жизнь, поступки и смерть
ПРОРОКА ЛЮДОВИТА (ШТУРА)

Действующие лица:

Артист

Суфлер

Помощник режиссера

Она

ЭКСПОЗИЦИЯ

ШТУР. Чего вам? Идет репетиция. Последняя! Кто его знает, может, представление и не состоится. Опять кто-то все перепутал. Это только моя репетиция «Штура». Но раз уж вы пришли, можете остаться (*один*). Больше всего я люблю, чтобы было так: пустая сцена, реальная жизнь — без всяких приторностей или приукрашиваний со стороны художника. А что здесь будет, спустя пять часов, когда спектакль закончится? Аплодисменты, цветы и одновременно осознание того, что настал КОНЕЦ мира ПЬЕСЫ: ведь нельзя адекватно изобразить человеческую жизнь на сцене... (*кричит в темноту.*) Здесь есть кто-нибудь? Кроме зрителей, которых по ошибке сюда кто-то пустил?

ОНА. Я здесь!

ШТУР. Ты кто?

ОНА. Муза!

ШТУР. Ты — муза?! И это в наше-то время? В маске трагика? Или комика? Или та, что держит в руках небесный глобус? Гитару, флейту? Лиру?

ОНА. Жаждешь лаврового венка...

ШТУР. Ты — вила?

ОНА. Мечтаешь о том, чтобы спектакль поскорее состоялся...

ШТУР. Кто ты?

ОНА. У каждого театра своя аура. Своя муза, которая вдыхает жизнь в неодушевленные предметы и в того, что приходит из внешнего мира, из суровой реальности.

ШТУР. Ты это о чем? У меня дырявая память, я забываю текст. Что там в середине? (*Неразборчиво бормочет текст.*) Фигура Штура — это великолепная роль! По всей видимости, я не справился с ней. Как артист я никакой. Надо еще раз пройтись по все-

му тексту. К сожалению, пьеса слишком современная! Все это экспериментаторство, вся эта студия... Мне больше нравится занавес, традиционный бинокль и сюжетное развитие от начала до классической кульминации...! Где режиссер? Вы слышите меня?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(тащит за собой переносной режиссерский пульт)*. Режиссер — это автор, который хочет, чтобы в спектакль включили еще и дополнительный текст!

ШТУР. Изменения в тексте — это, по сути, надежда автора на то, что инсценировка пьесы, в конце концов, совпадет с его представлением, которое засело в его взбалмошной голове. А где же все остальные?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Пока что нас только двое. Это тайная репетиция, о которой автор не должен знать.

ШТУР. И даже суфлера нет?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Он мелькал где-то в буфете, сейчас появится!

ШТУР *(взрывается)*. Мелькал?! Что, я один должен приходить вовремя?!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Суфлер, сейчас же на сцену! — Что, какие-то проблемы?

ШТУР. Нет.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Начинаем с начала, давайте без суфлера. В случае чего я буду подсказывать... *(Надпись на вывеске: ПРОГРАММА ЖИЗНИ.)* Гонг. Свет! Ребята, вы здесь! *(Нажимает кнопку, медленно появляется свет. Быстрая смена актерского стиля)*.

ПРОГРАММА ЖИЗНИ

ШТУР. Это возможно — *(Ищет подходящие слова)* можно — должно — человеку следовало бы — в начале своего жизненного пути — он мог бы — может — планировать — в молодости — свою будущую жизнь. В программе ясно сказано, что нельзя растрачивать свою жизнь по пустякам, в пьянстве или лени, нельзя пренебрегать доверием родителей, коль скоро Провидение одарило нас творческим даром, умом, что дает нам возможность ощущать неповторимость окружающего мира; нашей обязанностью является развивать все это во имя человечества, выполнить то предназначение, которое было определено нам, а также прославить плодами нашего духа силу Господню. Каждодневная программа: встать утром с восходом солнца, еще до завтрака, с чистыми мыслями, продолжить написание начатого, после завтрака отправиться на учебу и в течение дня прилежно слушать лекции, потом пойти в столовую, понапрасну не задерживаться там, поспешить в библиотеку, пока светло, работать там, потом идти домой, что-нибудь перекусить, приготовить уроки, перечитать лекции и до полуночи учить историю, поэтику, грамматику или эстетику, а после — несколько физических упражнений и сон.

(Слева пробегает медсестра, в противоположном направлении — доктор, что-то неразборчиво говорит следующему.) Юношеская программа... Ведь это было так? Приблизительно — так... Или почти так?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(в образе Харона)* ...когда он перепрыгивал через канаву, его нога поскользнулась на замершей земле, и он упал. Во время падения ружье повернулось дулом к ноге, прогремел выстрел, и пуля застряла у него в бедре! *(Мужчина и врачи исчезают в темноте.)*

ШТУР. *(комкает письмо)*. Вернуться к началу? К школьным годам, в Угровец? Или к более позднему времени, в Дьёр? Или в Прешпорок? Потом уже ритм жизни убыстрится. Наша программа аскетична — все для работы, для народа. Человек живет не только для себя, но и ради общего дела. Разве может быть более высокое предназначение, чем уметь зажечь своей идеей молодежь? Отвлечь ее от бессмысленного образа жизни и побудить к разнообразной деятельности? Да, политика. Но это потом... До национальной программы еще далеко. Ее положения доходили до меня через брата Карола. Эта мечта мальчика из Угровца попасть в прешпорокский лицей! С замиранием сердца прикасался я к его книгам, тетрадам, которые на Рождество или во время каникул он привозил из школы домой, как и он, я мечтал стать лицеистом, который будет постигать тайны бытия и станет ученым... Или священнослужителем. Или судьей. А может, как и его отец, учителем. Будет стремиться достичь желаемой гармонии между частным и целым. Замечательно. Достижение согласия между индивидуумом и обществом. И это смогут осуществить только те представители общества, которые являются надеждой будущего, — молодежь! «Все люди созданы равноправными. Создатель одарил их необходимыми правами, среди которых — жизнь, свобода, счастье. Для их обеспечения в человеческом обществе существуют правительства, представляющие собой справедливую власть, однако люди имеют право поменять эту власть, свергнуть ее и создать новое правительство, которое в своей деятельности будет руководствоваться стремлением к максимальному обеспечению безопасности и счастья» — Конституция США. Эти идеи были реализованы сначала в Америке, потом во Франции. Мы воплотим эти принципы в нашей жизни. *(достаёт горн и трубит.)* Европа молода! Молодая Словакия! Молодая Германия! Молодая Венгрия! Молодая Польша! — О, прекрасные идеалы столетия, я сделаю вас реальными во имя блага народа! Наш народ, наконец-то, в XIX столетии, когда рушатся старые понятия, а новые еще не действуют, но которые скоро воплотятся в жизнь, появится на сцене Европы!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Когда он перепрыгивал через канаву, его нога поскользнулась на замерзшей земле, и он упал. При падении ружье повернулось к ноге, приклад зацепился за землю, грянул выстрел — пуля вошла в бедро.

ШТУР. Каждый человек планирует свое будущее. Однако делать это, лежа в постели, в этой комнате, в Модре... Европа состарилась... Молодежь отстранили. Победила реакция. Однако это уже постановка конца. Порванные кулисы — клочки бумаги — хлипкие крепления, поддерживающие сцену, которая вот-вот упадет, — за ней спрятались помощники режиссера, обслуживающие ее, — им хочется как можно скорее все закончить, погасить огни и пойти домой, чтобы выпить пива...

Ведь это всего лишь спектакль...

Спектакль закончился? И в самом деле, всему конец?

Растрченная жизнь? Не завершенная...

Человек — ведь это так мало...

Следовало бы начать все сначала...

Однако ради кого? Где те люди, ради которых я все это делал? Это они, присутствующие здесь современники? Молодежь отстранили — власть взяли в свои руки старики... духа... *(кричит)*. Победила реакция! (тишина, все замерло). Это шаг назад... Отступление. Укрепление старой власти. Возвращение к старым абсолютистским порядкам... Это ужас! *(паника, в затем тишина)*. Но почему? Ведь столько раз в истории человечества все это уже было...Кому посвятить себя...? Сиротам брата? Однако где же все мои ученики? Ну да, они уже закончили учебу... Занятия закончились... Разум отдыхает. Воля тоже. Все это надо правильно назвать... Это...это именуется... Конец? Отравленная кровь... отравленная воля... отравленная активность. — Красота... Гармония! — Эти слова приходят на ум словно издалека *(неожиданно командует)*. Эскадрон! Внимание! *(начинает быстро маршировать, потом падает и лежит неподвижно)*.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Иди, я перевезу тебя на другую сторону Леты, к мертвым, которые ждут тебя.

ШТУР. Я буду хромать? Разве я могу в таком виде предстать перед людьми? С палкой? Хромой? Исключено! Сделайте же что-нибудь. Потяните мне ногу. Я чувствую, что ухожу. Мое дело, мое завещание последующим поколениям. Слушайте!

ЧАСТЬ I КОНФЛИКТ АКТЕРА

ШТУР. Голова ничего не соображает, куда подевались все тексты, которые я выучил?

СУФЛЕР. Для этого существую я.

ШТУР. Где ты был?

СУФЛЕР. Режиссер послал меня за сигаретами. Буфет еще закрыт...

ШТУР. По всей видимости, мы переживаем новую театральную реформу: суфлер превращается в денщика режиссера, театральный швейцар становится театральным пожарным, помощник режиссера — суфлером, актером и местным политиком.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. На политику я уже давно чихал!

СУФЛЕР. Спекулируешь!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Все в жизни спекуляция...

ШТУР. И во что только вы превращаете театр?! Мне следовало бы взбунтоваться и хлыстом выгнать меня, которые превратили храм искусства в бандитский притон... Это не я, это вы виноваты в том, что не получается!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Но ведь я могу заменить своих коллег, которые не соизволили явиться на последнюю репетицию. В конце концов, для тебя важно, чтобы мы все собрались.

ШТУР. Мне надо знать наверняка, что я играю! Отрепетированное представление не может показываться частями, которые будут играть в зависимости от того, явятся ли на спектакль левые или правые, белые или красные!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Я скептически смотрю на это!

СУФЛЕР. А я — оптимист!

ШТУР. Где режиссер? Этот великий фантазер! Сейчас, когда мне хуже всего?! Он склоняется над артисткой, отражается в ее глазах — бух! И уже утонул в них. Либо делает то же самое извращенным способом с автором. ...А труппа! Для него важнее всего я!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Он говорит, что ты нарцисс... *(в телефон)*

СУФЛЕР. Он не сказал это...

ШТУР. *(помощнику режиссера)*. Чего ты болтаешь?! Доносишь на меня? Не можешь решить, как поступить? Тебе бы хотелось быть и в политике, и в бизнесе, и в искусстве? Однако без тебя всюду обойдутся!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Хочешь, сыграю тебе что угодно!

ШТУР. Постарайся проворнее подавать реквизиты, объявляй выходы, последний звонок, но самое главное — помалкивай и не беспокой меня. Твое место — за кулисами. В конце концов, без тебя спектакль вполне может состояться, а вот без меня — нет. *(Суфлеру)* И без тебя!

СУФЛЕР. Я — на твоей стороне! Актер и сама тема святы для меня. Хотя мне всего пара дней до пенсии...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Ну что, идем дальше?

СУФЛЕР. Продолжаем. «Штур в лицее в Прешпороке, 40-ые годы . Факты».

ШТУР. Мы не будем продолжать, пока не придет режиссер!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(в телефон)* Нет, мы не сможем. *(Штуру)*. Режиссер передает тебе, что неуверенность — это вдохновляющая сила для актера.

БРАТИСЛАВСКИЙ ЛИЦЕЙ 40-ЫЕ ГОДЫ

ШТУР. Усталая молодежь ждет своего вождя. Нужен политик, который будет ей импонировать. Быстрый ум, пылкая душа, зовущее слово — все это вдохновляет! То, что способно разрушить старое, а главное — построить новое! Слово, которое не знает границ! В отличие от французской революции, уничтожившей собственных детей, лидирующую роль в европейском мире играет буржуазия. Надо, чтобы словацкие события стали частью европейского процесса! Дворяне, буржуазия. Наше дворянство далеко от народа. На территории, которая на карте будет именоваться Словакией, необходимо создать общественные структуры. И определить силы, которые это осуществят. Городское мещанство...

СУФЛЕР. Городское мещанство, которое гордится своими привилегиями, порвало с народом.

ШТУР. *(кричит)* Только народ остался верен своему предназначению! Я происхожу из народа, я — словак, давайте сформируем общность, которая, обладая признаками нации, способной развиваться и защищать себя, сможет заявить о себе в Габсбургской монархии, в Венгрии, во всей Европе.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Но кто это сделает? Ты? Мессия? Кто сможет? По всей видимости, ты?

ШТУР. Необходимо подготовить интеллигенцию, которой под силу выполнять задачи, стоящие перед нами.

СУФЛЕР. Для этого следовало бы переделать общество...

ШТУР. *(направляет себе в глаза свет)* Моя программа перестройки общества заключается в следующем: не мелкие уступки, а ликвидация институтов, законов и прав, позволяющих высшим слоям общества, правительству эксплуатировать несчастный народ!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Ты захотел на виселицу?! Ведь ты уже столько раз осуждал революцию!

ШТУР. Я не хочу революции! Я не приемлю насилие!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. О, прекрасная Молодая Европа! Излечи его от этой лихорадки!

ШТУР. Я верю в возможность реформирования всей системы, в постепенный переход от старой системы к новой.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Господи, отпусти ему его грехи, ибо он не ведает, что творит. *(Гремит)*

ШТУР. Словацкая промышленность. Словацкое сельское хозяйство. Словацкие банки.

СУФЛЕР. Все это будет...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Никчемность...

ШТУР. Словацкие железные дороги! Словацкий сейм! Или парламент! Словацкий король! Или президент! Национальный совет Словакии!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(кричит в темноту)* Доктор! Ради бога! На помощь! Такой талант...

ШТУР. *(гонит его)* Кш! Программа: «Возвысить этот униженный народ, этот погибающий народ направить на истинный путь, этот необразованный народ просветить». Таков наш девиз! *(выстрел, темнота, голоса)*

ГОЛОСА. Он застрелился на охоте... Нет, жандармы не стреляли в него... Он сам хотел покончить с собой... Звоните! Вызывайте!

ШТУР. Где я? В начале? Или это уже конец?

СУФЛЕР. *(в одеянии мендика вытирает доску)* Почти в начале. Весна, время сева.

КРЕЩЕНИЕ

ШТУР. Братья! Отсылаю вас в мир, с тем, чтобы вы вернулись, умудренные жизнью, а с вами — и весь наш народ. Ты, Тимофей Цохиус, отныне будешь но-

силь имя ЦТИБОР ЗОХ. Твое имя, Густав Гросс, — Доброслав. Август Шкульте-
ты — Горислав, А ты, Гурбан, — Милослав (*крестится*) Ты, Людовит Штур, отны-
не — ВЕЛИСЛАВ! (*Грохот, звучат фанфары*)

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

СУФЛЕР. Твой бал...(звучат несколько тактов танцевальной музыки)

ОНА. Очаровательная маска, прекрасная маска, подари мне этот танец.

ШТУР. Маскарад — в канун революции?

ОНА. Революция еще не скоро. Тебе еще и двадцати нет. Лицей. Прешпорок.

ШТУР. Ну, да. Я подожду в парке, когда ты со служанкой выйдешь на прогулку.

К Дунаю. Хотя бы на расстоянии полюбуюсь тобой.

ОНА. Я притворюсь, будто не вижу тебя...

ШТУР. Я не решусь подойти к тебе, отправить служанку, чтобы вместе с тобой
прогуляться по набережной.

ОНА. Или спуститься к реке!

ШТУР. Да. К воде. (*помощник режиссера наблюдает за ними из темноты*)
Здесь есть кто-нибудь?

ОНА. Нет, никого нет. Мы здесь одни...

ШТУР. Хотелось бы наклониться над гладью реки и побрызгать тебя водой.
(*помощник режиссера гасит свечку*) Кто ты?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Но ведь на маскараде так не делают?! Маска есть
маска!

ОНА. Твои губы...

ШТУР. Я весь дрожу, во рту все пересохло — это нерешительность или сла-
бость, или подростковая неспособность одолеть страх, неуверенность, боязнь
выйти из тени и мужественно предстать перед своей визави.

ШТУР. А после будет так, как всегда: подойду, потом, как обычно, споткнусь
перед тобой и, по уши покраснев, вручу тебе или воспитательнице несколько сво-
их стихотворений...

ОНА. (*декламирует*)

Прими, судьба, дары свои,

Все отними в час роковой — мне ничего не жаль,

Но только Мину мне оставь.

ШТУР. Твоя служанка подарила мне на память образок! Вроде бы ничего...
Я весь дрожу. Быть наедине с тобой — великое наслаждение.

ОНА. На прошлой неделе — два стихотворения. Теперь — три. Служанка как раз
принесла мне еще два, спросила, правда ли, что я выхожу замуж за книжную моль?

ШТУР. Поэзия — органическая часть моего «я»...

ОНА. Какая у тебя кровь? Синяя? Страстная, бурлящая или как чернила? По-
сле полудня, когда мама пойдет к тете Гизке, вы могли бы... ты мог бы... (*исчезает
в темноте.*)

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(заговорщически)* Войдете через служебный вход. В прихожей вас будет ожидать служанка, она проводит.

ШТУР. Что вы себе позволяете? Она еще... ей еще нет и семнадцати!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. А тебе нет и двадцати... Самое время... Разве ты не видишь, как она возбуждена?!

ШТУР. Не оскверняй святое! Ты что, животное?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Наслаждение! У тебя в жилах не кровь, а вода?! Девушка словно наливное яблочко! Разве в тебе не играют гормоны?!

ШТУР. Грязная тварь! *(кидается на помощника режиссера, тот исчезает)*

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Пусти меня, ты готов меня разорвать!

СУФЛЕР. *(читает письмо)* Плохие новости из дома. Финансовые проблемы. Нужно ехать как можно скорее. Прервать обучение и начать работать писарем у графа Зайи.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Какое счастье, Людко, не так ли? *(звучит танцевальная музыка, которая переходит в марш)*

ШТУР. Этого нет в тексте...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Ты ведь знаешь мою иронию. Скептик...

СУФЛЕР. *(Штуру)* Необходимо возвыситься над реальностью, каждый человек имеет высокое предназначение. Твоя ПЕ-ДА-ГО-ГИ-КА!

ШТУР. Благодарю. Ты еще здесь... *(снова кафедра)* Да, интересно наблюдать за ростом растения, за тем как оно всходит, развивается, как появляются листья и бутоны... Однако еще интереснее наблюдать за появлением на свет, формированием человека, когда ты видишь, как обыкновенное, ничем не примечательное существо превращается в личность, которая может оказывать влияние на людей и сама воспитывать новых достойных личностей. Ты формируешь человека, воспитываешь его как педагог — о, да здравствует прекрасная наука педагогика!

СУФЛЕР *(в образе Гурбана)*. Йозеф Милослав Гурбан...

ШТУР. *(собирается с духом)* И как только ты можешь мириться с таким ничтожным существованием? Корчмы! Алкоголь! Дерьмовая жизнь! — Что это за песенка?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. «Вошь ползет по шубе, но ведь шуба — это шуба...» *(венг.)* ... Затасканная песенка...

ШТУР. Тебя интересует только водка да печенка?! Тело? Превыше всего — дух. Твои одноклассники продвигают родной язык, стремятся разбудить его.

СУФЛЕР. Я занимаюсь только тем, что связано с моей будущей работой. И словачкий я знаю, какая еще учеба...

ШТУР. Разве жратва может все решать?! Разве ты не видишь, какие ветры дуют сейчас в Европе, разве не видишь огромное стремление интеллигенции вывести свой народ из многовекового рабства, вывести его на арену современной истории?!

СУФЛЕР. Вот так Гурбан стал членом его дружины и одним из ее лидеров.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Вот так, вдруг?!

СУФЛЕР. Глаза Штура сияли! От него исходила особая энергия, в плену которой мы все находились.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. По всей видимости, он был Бог?! Волшебник? Пророк или гипнотизер?

СУФЛЕР. В нем была сила, которой подчинялись даже его самые большие не-друзья. О, будь благословенна замечательная наука педагогика...

ШТУР. (*снова опускается на колени*) Страсть к работе...

СУФЛЕР. Он был трудолюбивый.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. А не глупый? Бесплатно замещает в Лицее профессоров, за гроши дает частные уроки, ему хватает лишь на пропитание.

СУФЛЕР. Не хлебом единым жив человек. Он объединяет вокруг себя молодежь, они читают ему свои работы, тот их оценивает, готовит их к жизни.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Ты слушаешь меня, Штур? Ты знаешь, что зайи-овское семейство всегда благоволило к тебе. Теперь, когда ты уже закончил обучение, ты собираешься растрачивать свой талант на языковые упражнения? А как же расцвет венгерской родины?

ШТУР. Он невозможен без образования славян в Венгрии.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Я, ваш бывший друг, Карол Зайи, я даю вам совет: если вы хотите посвятить себя изучению словацкого языка, ищите себе место за пределами Венгрии.

ШТУР. Страдать ради образования своего народа? С гуманной точки зрения это благородно.

СУФЛЕР. (*Штуру*) Ты рискуешь, ведь ты являешься видным общественным деятелем.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. В Венгрии успешно развивается политическая и религиозная ситуация и венгерский язык. Поэтому не может быть и речи ни о каком словацком, сербском или хорватском. Эти языки просто не существуют.

ШТУР. И это тогда, когда говорят о равноправии всех народов?!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Венгрия имеет выгодное географическое положение, немецкую культуру, самостоятельный мадьярский корень. Необходимо уничтожить все контакты со славянами.

СУФЛЕР. Наш Штур создаст собственную концепцию славянства.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Но он не мог самостоятельно завязать бант!

СУФЛЕР. (*завязывает бант Штуру*) Это всего лишь милая слабость...

ШТУР. Активность проявляю не только я. Пришли в движение Австрия, Венгрия. Этот Кошут!

КОШУТ. Хотя я и потерял в тюрьме два года — меня посадили австрийцы за политику — это была для меня школа жизни. Я осознал свое предназначение. Необходимость демократического определения прав народов, которое пришло к нам от французов, распространяется и на Венгрию, и на мой народ. Моя Венгрия должна быть готова к жестокой борьбе за свою независимость в Австрии! Независимость экономическую! Политическую!

ШТУР. Вот это программа! Кошут — ведущий политик! Да, и в Венгрии, и в Верхней Венгрии — Словакии, все должно прийти в движение...

БАХ (*входит*)

ШТУР. В венском кафе меня познакомили с нотариусом Александром Бахом. Это человек, который ездит по миру, чтобы познать его. В Австрии, в Вене уже все закипает. Вы знаете, что он сказал?

БАХ. Мы не довольны положением застенелой, реакционной, несвободной Австрии. Австрийскую монархию следует оживить по типу Англии. Долой ненавистного Меттерниха! Все деспоты и абсолютисты падут!

ШТУР. Когда?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Скоро.

ШТУР. У Молодой Европы достаточно личностей, которые являются надеждой будущего. Лайош Кошут, Александр Бах, Мицкевич! То, во что я верил, сбылось. Молодежь начинает действовать. Нам надо все распланировать! Прешпорока уже мало! Германия!

ГЕРМАНИЯ

ОНА. *(подобно музе)* Ты пришел, ибо тебе нечего больше сказать. Словаку следует выйти в мир с тем, чтобы он заново открыл себя и в новом свете увидел свою Словакию.

ШТУР. Я хочу воспринять новые взгляды на мир. Новую науку, новые течения жизни!

ОНА. В этом новом познании твой мечущийся дух найдет свой приют. *(надевает ему очки)*

ОНА. Диалектика. Гегель! *(через воронку сыплет ему на голову буквы)*

СУФЛЕР. Да.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. И нет.

СУФЛЕР. И результат.

ОНА. Источник знания. Я — тот, что мыслит.

ШТУР. Все так просто: вот человек, субъект. А вот — мир, объект. В сущность этого мира проникает наш дух, а наш мир созревает для подлинного сознания.

СУФЛЕР. Да.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Нет!

ШТУР. История — вопреки всем реакциям, убийствам, трагедиям, мраку, а также комедиям — последовательно и неизбежно — я понял!, — он сам — и я сам, своим поведением — моим поведением! творит — я — творец! — ИСТОРИИ!

СУФЛЕР. Да.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Нет.

СУФЛЕР. Да.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Нет.

ШТУР. *(не слушает их)* Могу ли я повлиять на историю? Могу ли я стать ее творцом? А история словаков? А славян? А история человека...?

ШТУР. Когда я вернусь в Словакию, я буду делать все иначе, чем прежде! По Гегелю!

ОНА. Пусть Фортуна всегда тебе благоприятствует! (*плюет, чтобы не сглазить* — как перед премьерой, дает коленом под зад) Ведь у тебя скоро премьера...

ШТУР. Молодежь! Крепко запомни все эти правила:

1. веди праведный образ жизни;
2. заботься о национально значимых проблемах, не разрушай их;
3. уважай честь Лицея и его отдельных членов, береги и встань на их защиту от внешних и внутренних разрушителей и недоброжелателей;
4. профессорам, как признанным авторитетам, избранным всей Словакией, как защитникам, стоящим на страже законов Лицея, оказывай всестороннюю помощь и уважение.

Нельзя:

1. опаздывать на заседания,
2. нарушать правила Лицея, вести себя безнравственно и доброе имя Лицея и его членов позорить,
3. способствовать недовольству, беспорядкам или заговорам в Лицее, намеренно или по недомыслию содействовать нанесению вреда Лицею,
4. проявлять неуважительное отношение к профессорам и непослушание.

Можно ли всего этого добиться? Может ли народ, который на протяжении столетий находился на положении слуги, может ли он стать равным? Могут ли крестьяне стать хозяевами своего положения? Не химера ли все это? Не исчезнет ли все это, когда народ столкнется с первыми трудностями? Действительно ли сможет он стать равным чехам? Венграм? Немцам? Полякам? Русским? Не рассорится ли он в мышиной возне, когда в будущем ему удастся добиться больших перемен и обрести самостоятельность?

ЖЕНОЕНАВИСТНИЧЕСТВО

ЖЕНЩИНА. Кто поймает меня, получит поцелуй.

ШТУР. Женщина — причина слабостей мужчины...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Само собой, за всем всегда стоит женщина...

ШТУР. Женщина отвлекает мужчину от проблем нации, она препятствует тому, чтобы словаки вступили в борьбу, — короче говоря, женщина — балласт на пути осуществления всех возвышенных устремлений мужчины!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Только вот... Кто родит словацкого мужчину...?

СУФЛЕР. (*шепчет Штуру*) Ты, молодежь...

ШТУР. Ты, молодежь, живешь в исключительное время, когда ты являешься воплощением великих идей и великого словацкого мира. Поэтому вы, юноши мои, должны исключить из своей жизни все, что может разрушить нашу программу! А, значит, и женщину тоже!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Мы должны делать вид, что нас родила не женщина?

ШТУР. Юношеская любовь к этой самой уточке — это грешно!

СУФЛЕР. (*шепчет Штуру*) У вас, юношей, воля должна быть стальной, чтобы не поддастся женским прелестям! (*Штур аплодирует ему*) Молодежь должна быть готова каждую минуту сложить свою голову и умереть! (*Штур аплодирует*)

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Иначе венгры нас «переделают»! Женщина...

ШТУР. Женщина — это балласт! Для вас, друзья, обычный мир должен умереть!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Чудесно! Мужчина родит мужчину!

ШТУР. Найдутся и те, что будут иронизировать, что высмеют нашу программу.

СУФЛЕР. Ян Коллар...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Коллар женился...!

ШТУР. Спустя шестнадцать лет знакомства, он привез Мину в пештский приход. В конце концов, она родила. И что же есть у Коллара и его жены? Ничего — только дочь... Что написал Коллар после того, как женился?! Ничего!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Само Халупка!

ШТУР. Известие о его женитьбе меня ужасно расстроило. Я считал его словацким Пиндаром, Горацием! Покинув Прешпорок, он женился где-то в Елшавских Теплицах на дворянке Эфросинии Туранской. Этот, прежде прекрасный поэт, закончился в объятиях женщины... Все! Вы должны исключить женщину из своей жизни.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Может, нам этих юношей кастрировать?

СУФЛЕР. Величие целей оправдывает средства.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Безбрачие? Педерастия? Импотенция? Бесплодность?! Мир без женщин невозможен.

ШТУР. Наше представление о женщине должно соответствовать Святому Писанию: простая, здоровый консерватизм, забота о семье, которая является для нее всем.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Но ведь есть и современные женщины, исповедующие передовые взгляды.

ШТУР. Такую женщину надо исключить из нашей программы! Передовые женщины подрывают понятия морали, семьи, они противоречат словацкому национальному духу! И природе!

СУФЛЕР. (*помощнику режиссера*) Штур...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Штур слишком строг к своим ученикам! У него диктаторские замашки!

ШТУР. Аскетизм — основа нашей личности. Требовательность к себе. И к другим! Возьмем Калинчака: чтобы не скомпрометировать себя перед властью, он поступил на службу, что позволило ему жениться, он отказался от вступления в общество «Татрин», которое было нашим самым большим успехом.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. И что в этом плохого?

ШТУР. (*махнет на него рукой*) Моя душа уже не лежит к нему.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. По всей видимости, это было не так.

СУФЛЕР. А как?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Штура с Калинчаком рассорила женщина — Мария Шройерова, нынешняя жена профессора. Оба в нее влюбились, но Калинчак — как преподаватель — имел возможность с ней общаться.

ШТУР. Клянусь честью, это ложь! Никакой любви у меня не было! И не будет!

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА — МАРИЯ ПОСПИШИЛОВА

ОНА (*говорит по-чешски*) Прикоснись ко мне. К моему лицу, шее, груди. К моим бедрам.

ШТУР. Твой брат опубликовал мои стихи в журнале. По возвращении из Германии он уговорил меня посетить твоих родителей в Градце Кралове. Когда я тебя увидел, у меня закружилась голова.

ОНА. Любимый. (*целуются*)

ШТУР. В самом деле, это ты?

ОНА. Мои руки, твой лоб.

ШТУР. Мне было двадцать пять лет...Ваш дом — это твой отец, первоклассный издатель, преданный делу славянства, это дух свободы, витающий в комнатах, где было огромное количество книг в великолепных переплетах.

ОНА. Мне достаточно и дня, проведенного с тобой, в твоём присутствии, чтобы я забыла обо всем на свете.

ШТУР. Ты помнишь реку? Помнишь, как мы ловили с твоим отцом уток? Мы отстали от остальных...

ОНА. Ты с разбегу перепрыгнул через воду. Ты мчался, как по воздуху, словно сказочный герой! Этот твой проворный шаг! Ноги, будто струны!

ШТУР. Я целовал тогда твои губы и клялся, что не покину тебя! Что если и уеду, то обязательно вернусь, чтобы забрать тебя. (*пара лежит на земле*)

ОНА. Ты был мне послан Провидением! Когда ты уезжал от нас, сердце мое ныло от боли, ты споткнулся на лестнице и сломал себе руку!

ШТУР. Самое первое, что я увидел, когда очнулся, была твоя лебединая шея. Потом высокий лоб...

ОНА. Посмотри мне в глаза.

ШТУР. Представь себе: ведь когда-то я осуждал женщин. Всю свою дружину я предостерегал от женских соблазнов! Этот чешский поэт, который воспекает тебя. Что это значит...?

ОНА. Тебе идет, когда ты ревнуешь...

ШТУР. Я схожу с ума: мне так хорошо! (*освобождается из объятий*) Я должен был выбежать из комнаты! На улице: сентябрь, листья начинают желтеть, солнце уже не такое жаркое, тишина, отдаленная мелодия твоего голоса. (*звук фортепиано*) Эта женщина предназначена для меня, Боже? Ты, Господь, специально задержал меня в этом городе, чтобы она стала моей женщиной, чтобы я женился на ней и завел детей? Или, Боже, ты испытываешь меня? Испытываешь мою преданность, чтобы я понял: хватит ли у меня сил справиться с этим соблазном и выполнить высшее предназначение, которые ты, Боже определил мне...?

ОНА. Расскажи сказку.

ШТУР. В Ситне находится волшебное войско, которое придет людям на помощь тогда, когда им станет очень плохо. Каждые сто лет оно пробуждается и спрашивает: «Пора?» — А когда его никто не зовет, оно продолжает спать еще сто лет.

ОНА. Но это самое есть и у нас. Рыцари из Бланка.

ШТУР. Если это есть у вас, и у нас это тоже может быть. — Гете прочитал словацкие песни и сказки и сказал Коллару: «Раз они есть у вас, так почему же у вас нет своего языка, народа, государства?» *(она начинает играть)*

ОНА. *(звучит модный чешский шлягер)* «Заходи, солнышко...» (Штур обнимает ее) Спой что-нибудь...

ШТУР. Сыграй. Сначала чешскую... *(звучит мелодия, мальчишеские игры, песни сменяются чечеткой «Жила-была девочка, она любила словичка».)* Протяжно, с трудом:

(«Белый, белка, бумага, будка, баран, ворота,
ворона, грач, гудок, гроза, гул, гнездо, гвоздь, груздь»

Жил-был один словак —

И любил он совсем другое, — С минутку он был как немой. Заикался: «бе-бе-белые ба-ба-бараны би-би-били в ба-ба-барабаны». И никак не мог он из себя это выдать. И вдруг он запел: «Мы ели-ели ершей у ели, их еле-еле у ели доели!» *(мелодия меняется, чечетка,*

косил косой косой косой
бастричишный — бдети — безгодие — береши — взбнути —
вящий — гобзующий
мёд — лёд — моё — твоё — своё
влечь — печь — лечь — сечь...!

ОНА. Что это такое? Что это за речь...?

ШТУР. Прекрасна — органична. *(С оттенком иронии признается ей в любви)*

Проста в создании.

Творчески разнообразна.

Звуки отчетливы. *(Поцелуй)* Прощай. *(Уходит)*

СУФЛЕР. Он воскресил словацкий язык! Чудо! *(Штур отдает ему бумагу)*

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Не женщина, а язык является его любовью! Вторая неудачная попытка! Ты что, хочешь умереть старым холостяком?!

ОНА. *(читает бумагу, которую ей передает суфлер)*

«Забудь, дорогая, о юноше дальнем,

Над кем грозовые тучи сгустились;

Забудь, дорогая, о друге печальном,

Что весточку шлет, с тем, чтоб мы простились!»

СУФЛЕР. Обо всех уладах он в мире забудет,

И только родине верен будет! *(целует ее волосы)*

ШТУР. *(жестом отстраняет суфлера от женичины)* Свершилось. Скажи Марии: пусть ее хранит Господь, пусть она забудет о любви юноши, которому судьба пророчила... *(становится на колени)*. Перевернем страницу...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(стреляет из пистолета, вбегает)* Штур застрелился! Но только не на охоте! Он ничего не мог поделать с собой! *(засовывает пистолет в задний карман брюк)*

СУФЛЕР. *(кидается на помощника режиссера)* Дьявол! Сатана!

ШТУР. Противники нашего дела, любители тел, материалисты различных мастей, слабые духом льстецы, которые бродят по помойкам, все они хотят перечеркнуть мое имя.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. (*читает письмо*) Граф Зайи и его единомышленники не могут понять, почему ты за государственные деньги пропагандируешь в Лицее панславизм.

ШТУР. Бесплатно, всего лишь как действующий профессор, иначе говоря, без государственной или церковной зарплаты, преподаю славянские языки. — Я знаю, о чем идет речь...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Генеральный инспектор евангелической церкви, граф Зайи утверждает: «В Венгрии создается союз евангелистов и кальвинистов, а евреи получают гражданские права».

ШТУР. Одновременно? В этом есть своя логика. В Словакии больше евангелистов, чем в Венгрии. Объединим их с кальвинистами, а потом дадим мадьярскую литургию!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. (*с иронией*) Тебе не стыдно так рассуждать? Мы, венгры, должны сначала добиться независимости Венгрии от венского двора!

ШТУР. А мы — независимости Словакии в Венгрии!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Хватит шутить, Штур! Ты вырос в нашем имении в Угровце. Когда у твоей семьи не было ни гроша, мы снабжали крейцерами твоего отца. И тебя мы взяли на работу писарем, когда твои родителям нечем было платить за учебу!

ШТУР. Я никогда не буду ползать перед вами на коленях! Я уже не слуга вам.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Быть слугой — это судьба Человека. Точно так же, как быть господином.

ШТУР. В XIX веке? Во времена равноправия! Свободы! Братства! Я — ровня с вами! А мой народ — ровня вашему!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Не шути. Покажи мне на карте хотя бы упоминания о твоём народе...

ШТУР. Клянусь вам, что на карте Европы появятся границы государства, в котором будет жить словацкий народ, говорящий на своем языке.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Не появится! Тебя отстранили от должности. (*Штур не понимает*) Тебе дали под зад...

СУФЛЕР. И у графа Зайи есть свои оппоненты. Вена, наконец, дала разрешение на издание «Словацкой национальной газеты».

ШТУР. О, небо! Благодарю тебя за это чудо! Пусть снизойдет на землю манна небесная, наполнит духом благословения человека простого и знатного. Птицы небесные, разносите эту весть! (*трепетание крыльев, чириканье, которое отзывается эхом*) Газеты — это уста народа, с помощью которых он защищает свои права, когда творится беззаконие! (*звуки морзянки, радио, компьютеров*)

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Неисправимый мечтатель! Сумасшедший! Злодей! Отправись в тюрьму! На виселицу!

СУФЛЕР. Пророк...

ШТУР. *(исчезает в темноте, затем торжественно появляется с двумя табличками, на которых написано «Словацкие требования»; ставит их перед публичкой)* Провозглашаю «Требования словацкого народа». *(из репродукторов звучат требования, прибегает помощник режиссера)*

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Разве я тебе не говорил? *(в темноте виднеется виселица)*

СУФЛЕР. Смотри, памятник, который ты себе воздвиг!

ШТУР. Прииди царствие...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА.... словацкое? Твое? Может, ты царь?

ШТУР. «Его хотели сбросить со скалы, но он продолжал проповедовать, потом спустился к ним и ушел».

ЧАСТЬ II ОБВИНЕНИЕ

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. В начале была тьма.

СУФЛЕР. В начале был свет!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Ну, так оставь его! Да будет свет! *(ничего не происходит)*

ШТУР. Я всегда утверждал, что театр — это творчество, однако хаос всемогущ.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Театр — это порядок.

СУФЛЕР. Творчество.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Без порядка театр — бардак.

ШТУР. Отличное представление. Я хотел бы в таком театре играть. Придешь на премьеру поклониться?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Я что, самоубийца? За кого ты меня принимаешь?

ШТУР. За аппендикс.

СУФЛЕР. А что это такое?

ШТУР. Орган. Говорят, что он лишний, однако без него что-то было бы не так.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Да, я нужен театру, пьесе, актерам, технике...

ШТУР. Ну, так зажги свет! *(взрывается)* В конце концов, сделай так, чтобы был свет!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Техника! Вы там? Свет!

ШТУР. Суфлер!

СУФЛЕР. Я что, должен нашептать темноте, чтобы она превратилась в свет?

ШТУР. Попробуй... В этом что-то есть: запасные лампочки светят подобно маячкам романтиков, настоящая магия... *(приветствует публику)*... Сзади выключатель...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Можно разорваться, когда барахлит техника!

СУФЛЕР. Мы понапрасну тратим время, когда некоторые в театре бездельничают!

ШТУР. Да будет свет! Спасибо. Это называется контакт со зрителем.

ПОМОЩНИК РЕЖИСЕРА. На чем мы остановились?

СУФЛЕР. Штур — студент Лицея, профессор, первые шуры-муры с девицами, Германия, режим, женоненавистник... Словацкий язык. Газета. *(слышатся звуки)*

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. ...*(плейбек)* Штур на охоте... перепрыгивал через канаву, нога на промерзшей земле поскользнулась, и он упал. Во время падения ружье выстрелило — пуля вошла в бедро.

ГОЛОСА. — Застрелился на охоте.

— Нет, жандармы не убивали его!

— Он сам себя хотел убить! Не попал...

(конец плейбека)

СУФЛЕР. Продолжим. Депутат. Славянский съезд в Праге.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Нет. *(звучит танцевальная музыка, появляется танцующая женщина)*. Революция.

СУФЛЕР. *(подхватывает)* Прешпорок 1848, весна. Маскарад...

РЕВОЛЮЦИЯ

(звучит танцевальная музыка. Штур танцует с Аделой)

ОНА. Ты так легко танцуешь. Я летаю как птица.

ШТУР. Танец как на вулкане. Танец накануне землетрясения.

ОНА. Я несколько месяцев ждала этот бал...

ШТУР. Адела, ты видела море?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(приносит военный мундир)* Пора...

СУФЛЕР. Еще нет... Море это...

ШТУР. Море завораживающее. Море — в каждом из нас...

ОНА. Я видела море на картинке.

ШТУР. Море — это танец души. Море — это бесконечность мысли, ее бурный натиск и спокойная пена, из которой рождается неожиданное человеческое действо...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Пора. *(подает Штуру мундир)* Час «Х».

ОНА. Дорогой...

ШТУР. *(целует ее рукав)* Любимая...

ОНА. *(прикалывает ему розу на лацкан, помощник режиссера трубит в горн)*

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. О-п-л-я! *(бросает Штуру саблю, у того в одной руке Адела, в другой — оружие)*

ОНА. Новое платье, зал, освещенный множеством свеч, сверкающий паркет, на котором отражаются... *(замолкает)*

СУФЛЕР. ... наши тени, красная роза...

ОНА. Твои красивые длинные пальцы, которые ласкали меня.

ШТУР. *(освобождается от Адель)* Родина. Народ. Действие!

ОНА. Что?!

ШТУР. Приду попрощаться. Вечером.

ОНА. Ты намереваешься меня покинуть? Как и ту чешку?

СУФЛЕР. Время все лечит... *(берет ее под руку, уводит)* Вы ведь прощаетесь не навсегда. *(заставляет ее побыстрее уйти)*

ОНА. Пусть мы были вместе недолго, и пусть это тебя ни к чему не обязывает.

СУФЛЕР. Я рад, что ты так к этому относишься *(Она исчезает в темноте, суфлер возвращается)*

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. И все же ты не устоял перед ней...

ШТУР. Но ведь человек должен планировать свою жизнь...

ТАНЕЦ

ОНА. Когда я впервые увидела тебя, ты был во фраке, облегающих брюках, в руке — цилиндр, на шее — шелковый серый платок, перехваченный под подбородком заколкой. Такая мужественная красота... Коротко подстриженная, темно-каштановая борода. Ясный взгляд, черные, глубоко посаженные, глаза смотрели мне прямо в душу, добрая улыбка... Даже мама сказала, что ты — красавец. А отец отметил, что ты — оригинальная личность.

КРЕСТЬЯНЕ

1-Й КРЕСТЬЯНИН. Урожай будет богатый? *(крестьянин с косой)*

ШТУР. На пороге смерти...? Удар судьбы...

2-Й КРЕСТЬЯНИН. Небо было все кровавое... В течение трех дней. Словно кровью окрашены небеса...

1-Й КРЕСТЬЯНИН. Урожай будет кровавый! Потоки крови! Крови будет по колено!

ШТУР. Нет! Реформы все разрешат, всю несправедливость!

1-Й КРЕСТЬЯНИН. Веди нас! Будь нашим предводителем!

2-Й КРЕСТЬЯНИН. Стань во главе!

1-Й КРЕСТЬЯНИН. Ты ведь нас пробудил...

ШТУР. Идемте, дорогие, вы станете опорой будущего. Я дам вам образование! Все разрешит закон. И просвещение. *(отводит крестьян в темноту; снова звучит танцевальная музыка)* Я видел в твоей библиотеке Гете, Байрона, Скотта, а также Плутарха и Геродота.

ОНА. Тебя это немного удивило. Женщина — и вдруг читает...

ШТУР. Статуэтка в шкафу — это Амур и Психея!

ОНА. Да.

ШТУР. Ты читаешь «Вертера», Фауста?

ОНА. «Вертер» заставил меня прослезиться.

ШТУР. Ради любви стоит жить. Либо от нее надо просто отказаться. Только трусы лишают себя жизни.

ОНА. А Фауст? Страстное желание постичь тайны мира, бытия, космоса?

ШТУР. Даже ценой злых дел и страсти? Гете, Байрон несут на себе отпечаток упадка Запада. Разрушение, отчаяние — что общего это имеет с поэзией? Ты много читаешь?

ОНА. Когда, наконец, ты преодолеешь страх перед образованными женщинами?

ШТУР. Ты меня шокируешь. Женщина может быть гением мужчины, его добрым духом, вдохновителем.

ОНА. Ты против супружества? Человеческий род обречен на гибель.

УЧЕНИКИ

ШТУР. Кто вы, маски?

1-Й УЧЕНИК. Мы — твои ученики.

ШТУР. Вы возвращаетесь раньше времени... И в маске...

2-Й УЧЕНИК. Мы ищем то, что ты требовал от нас, и все никак не можем найти.

3-Й УЧЕНИК. Народ дремуч. Ничего не хочет знать о культуре.

ШТУР. Не говори так! Ведь вы — рыцари, задача которых — пробудить народ! Вы — рыцари духа, которые должны отыскать... найти Грааль — чашу с Христовой кровью, его святейшую сущность, которую ему дал Бог и который ждет от нас, смертных, примем ли мы его, найдем ли!

СУФЛЕР. Драма поисков.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Драма падения...

СУФЛЕР. Драма нахождения!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Драма предательства...

ШТУР. *(одного поддерживает, другого ставит на ноги; одного за другим саблей посвящает в рыцари)* Нет, я не рассчитывал на это, очевидно, это будет неизбежно... Я верю в могущество права, реформ. Но что, если, и в самом деле, предстоит борьба? *(выполняет обряд)* Ты, Йозеф Милослав! Ты, Михал Милослав, — ты рыцарь — вы рыцари духа и оружия: Желислав, Забой, Красислав, Врагобор, Мечислав, отыщите те принципы, по которым будет жить наш народ, а потом — и наше государство!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. А что, если мы отыщем, а их не признают?

СУФЛЕР. А что, если мы найдем, а нас осудят?

ШТУР. Рыцари мои, добьемся своего. Будьте готовы! *(снова звучит танцевальный мотив)* Эта попытка именуется Венгерский сейм!

ОНА. Когда в сейме ты произнес свою первую речь... Твоя статная высокая фигура, которую подчеркивал черный костюм, облегающие брюки, пиджак, отделанный цветной лентой ... Ты поднялся — я не сводила с тебя глаз. Твоя походка была энергичной, гордой. Когда ты шел, полы пиджака слегка развевались, и была видна красная атласная подкладка. Потом ты остановился, опершись о саблю, на чистом венгерском языке с серьезным выражением лица и проницательным

взглядом ты обезоружил недоброжелателей, которые кричали «haljuk», «haljuk» (венг. слышим, слышим). Твоя речь о свободе воодушевила присутствующих. Раздались бурные аплодисменты, послышались крики «браво». И Кошут тебе хлопал.

ШТУР. В самом деле? Тогда у нас еще были нормальные отношения. Позже мы начали враждовать.

ОНА. Да, он признавал тебя, хотя и не во всем с тобой соглашался

ШТУР. Кто вы?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Рыцари Ситна...

1-Й РЫЦАРЬ. Пора?

ШТУР. Нет. *(паника)* Пока еще нет...

2-Й РЫЦАРЬ. Когда страдания станут безмерными, мы восстанем, выберем себе предводителя и установим справедливость! Не так ли?

ШТУР. Нет, еще нет! Еще не время! *(удаляет их со сцены)*

КОЛЕБАНИЯ ШТУРА

ШТУР. Мне тридцать лет. В моей жизни и в жизни моего народа настала решающая минута. Господи, ты определил мое предназначение свершить героическое действие, то, что способен сделать лишь я. Его апостол? (смотрит вверх) Пророк? *(не появляется никаких знамений)* «Все люди созданы равными!» Это касается и всех народов. У меня такое ощущение, что реформы устранят все противоречия.

СУФЛЕР. Революция...

ШТУР. Революция неизбежна? Я должен возглавить боевую колонну, я должен вручить людям оружие, это я должен скомандовать «огонь»? После всех призывов к гуманизму, к непротивлению злу насилием, после веры в силу разума я должен кинуться навстречу насилию?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. В подобных ситуациях обычно не раздумывают!

СУФЛЕР. Нищету народа надо...

ШТУР. Нищету народа необходимо ликвидировать, одних реформ уже не достаточно, нужна революция!

СУФЛЕР. *(шепчет в темноту)* Ну так, чего же ты ждешь?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Буржуазию. Словацкую. Она зарождается. Однако, кто знает, что из нее получится...

СУФЛЕР. Веди нас в бой! Где он?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Удрал. Улизнул!

СУФЛЕР. Он собирал деньги на добровольцев в Хорватии, где-то на Балканах.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. В Вене его ожидает добровольческая часть, а он все не приходит! Бойтись! Наделал в штаны!

СУФЛЕР. Он поведет нас к победе с саблей в руках и на белом коне!

ШТУР. *(появляется в роли командующего добровольцами)* Горькое познание интеллектуала: свободу народа можно добыть только силой. Князь Обренович! И в самом деле, нет иного решения?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(в образе Обреновича)* Вооружите его!

СУФЛЕР. (подает Штуру меч, тот выпадает у него из рук; помощник режиссера поправляет ему форму).

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Держи саблю крепче!

ШТУР. Моя рука больше привыкла к перу.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Я научу тебя военной суровости и жестокости. Мы, сербы, долгие годы защищали юг Европы от турок! Мы научились убивать, чтобы был мир! Мы научились завоевывать мир! Я научу вас принципам балканского стиля! На сердце всегда должен быть мир! Нападение сверху! *(Ударяет в манекена)* Нападение сбоку и снизу, ощущение радости, когда резким ударом отрубашешь голову мусульманину или австрияку, или венгру! Тот прав, тот победит, кто пустит больше крови своего противника. Разве это не ясно? Ну что, вперед, Людовит! Вперед!

ШТУР. *(нападает на манекена)* Время битвы неотвратимо!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Расслабить ноги, резкий удар!

ШТУР. *(имитирует его движения)* Кто вооружит наше войско? Кто оденет его, кто обучит?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(сзади хватая его руку и направляет удары)* Мы поможем тебе, Штур, мы, славяне, должны держаться вместе. Они хотят создать две империи: венгерскую и немецкую. А что будет с нами? Мы, сербы и хорваты, будем наступать на венгров с юга, а вы — с севера! Сделаем все так, как мы договорились на Славянском съезде в Праге, который австрийцы расстреляли из пушек. *(Штур машет саблей)*

ШТУР. Держи мою руку, князь, поддержи меня, чтобы я не сдался и выдержал! Ведь вся моя деятельность была не зря, ведь я правильно все распланировал?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Правильно, правильно! Руби! Режь! Наша правда победит, мы станем еще сильнее.

ШТУР. *(кидается на мишень и в приступе ярости рубит манекена)* Мы будем! Мы должны! Мы добудем для славян гердеровское будущее! Соединенные штаты славян... Воины, перед нами — грандиозная задача. Обещайте при вступлении на священную землю родины, что вы будете мужественно сражаться за наше дело, и, если понадобится, умрете за наши идеалы. Дайте обещание под нашими знаменами, что в боях вы не отступите, что не предадите в опасности. Присягаем!

ХОР. Присягаем.

ТАНЕЦ

ОНА. Я не стану молить о твоей любви! Ты хотел бы видеть меня на коленях... Униженной. На дне. Обнимающей твои ноги... Проникни ночью ко мне. К моему одиночеству. И ты увидишь слезы, мокрую подушку.

ПОБЕДА.

ШТУР. (*держит в руке сгоревшее знамя*) Наше, плохо вооруженное, но отважное войско пробралось по вершинам холмов и напало на неприятеля. Мы отрезали им путь к городу Врбове, гордым гвардейцам хорошо досталось и, убегая, они все, что попадалось им на пути, бросали. Наши ребята, Гурбан, конфисковали возы, коней, бочки вина, оружие и патроны. (*Смех*)

СУФЛЕР. (в образе Гурбана) Пусть память этого дня станет для всех святой. В этот день пролилась кровь словацких сынов за права народа, которые угнетались на протяжении девяти столетий!

ТАНЦУЮТ

ШТУР. Мне угрожала смертельная опасность! Вражеская пуля расщепила ветку дерева, за которым я стоял. Ее куски издавали звуки пшшшхх, пшшшхх...

ОНА. Мой дорогой герой... когда мы с тобой встретимся?

ШТУР. Я не хочу жениться. Чтобы не оставлять после себя вдову! И сирот!

ОНА. Я люблю тебя.

ШТУР. Если бы ты только видела Гурбана! Каждую свободную минуту он пишет своей Анечке и детям. Сплошные тью-тью-тью! Разве я не предупреждал его перед свадьбой: «Не женись, перед нами — великие цели, а значит, нам угрожает смерть!»

ОНА. Людовит, я люблю тебя!

БОЙ

ШТУР. (*размахивает саблей*) Мы начинаем бой (один). Где Гурбан?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Он без сознания. У него лихорадка.

ШТУР. А где войско?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Крестьяне рассеялись — убежали... Сохрани войско! Без тебя мы ничто!

ШТУР. Отступаем организованно! Враг остановился! Не преследует нас! (*оборачивается на Гурбана*) Договорились, командование в твоих руках, Гурбан. (*паника*) Я должен стать во главе войска?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. (*из темноты*) Влево... Вправо... Отступаем! Вперед! Больше влево... Вена приказывает!

ШТУР. Наши незначительные силы в сравнении с венграми и Веной... Наше слабое вооружение... в сравнении с венграми. И Веной... Наши надежды... (*разорванные мундиры, Штур на коленях*) Это — жертвы нашей борьбы. Таков результат моего решения примкнуть к революции... И я отправлял солдат в бой с оружием в руках. Это и мой грех. И моя смерть. Кровь и на мою голову... это мне

следовало вместо них лечь в могилу. В землю... Я должен оплакивать их горячими слезами.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Императорский приказ: сложить оружие всем сражающимся сторонам: венграм, словакам, хорватам, сербам и т. д. Установить мир.

ШТУР. Всеу конец...расходимся. Мы уже не увидим день свободы.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Город и не подозревает, что мы находимся на расстоянии выстрела. Нападем на них ночью... Мсть за то, что они взяли в плен наших сторонников, и за то, что они не примкнули к ним!

ШТУР. Обойдем его.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(неожиданно зажигает факел и командует)* Вперед! *(начало боя, стрельба, звучит тревога, Штур мечется в хаосе)*

ШТУР. Достаточно!

ТАНЦУЮТ

ОНА. Я хочу, чтобы этот танец ты танцевал только для меня.

ШТУР. Я весь твой.

ОНА. Я записала тебя в свое расписание танцев на всю жизнь. У меня будет белая вуаль, белый букет, белая лента.

ШТУР. Вся исключительно белая — белоснежная.

ОНА. Это наш последний танец.

ШТУР. Нет, это дамский танец.

ОНА. Но ты же не уйдешь?

ШТУР. Уйду. Как и много раз до этого.

ОНА. Любимый предатель...

ШТУР. Прощай, лечу навстречу смерти.

ОНА. Не ты! Я!

ГРАБЕЖ

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Победа! *(докладывает Штуру)* Под натиском наших войск враг сдался. Отступая, он поджег город и бежал!

ШТУР. Хватит! *(догоняет воображаемых солдат)* Прекратите!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Ура! Мы победили!

ШТУР. *(ловит одного)* Это обыкновенный грабеж! Почему ты ворует? *(солдат исчезает, потому что это всего лишь военная накидка)*

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Оставь в покое солдат, пусть заберут то, что им принадлежит.

ШТУР. Разве ты не видишь? Все, что не сгорело, разворовали наши солдаты.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Но ведь это победа...

ШТУР. Плохая победа. От такой победы мало толку. В этой победе проявились темные стороны человеческой личности, о которых я прежде ничего не знал. По-

ложительный смысл нашего восстания осквернен. И это народ, который выступит на сцене Европы?!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Мы сформируем войско и постепенно перекинем его на Мораву.

ШТУР. Где остальные? Нас осталась очень мало.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(появляется с завязанной рукой, в другой руке — костыль)* Войско постепенно рассеивается. Солдаты только грабят. Захватили добычу и попрятались по домам...

ШТУР. *(в запале кричит)* Все мы, что выдержали до конца, должны, в соответствии с призывом императора гордо сложить оружие и ожидать справедливого решения нашей проблемы. Это обещал император! *(все исчезают, Штур снимает саблю, пистолет, доломан, приходит помощник режиссера и предлагает ему пистолет. Штур его отталкивает)* Проваливай! *(темнота, раздается выстрел)*

СУФЛЕР. Когда Штур вместе с Гурбаном во втором походе вступили в Турчианский св. Мартин...

ШТУР. Что за текст ты мне шепчешь?! Ведь мы давно его вычеркнули!

СУФЛЕР. Но ведь ты сыграл его отлично! Мне жаль, что мы его вычеркнули! Почет есть почет!

ШТУР. И ты шепчешь мне его сейчас? Прямо перед премьерой?

СУФЛЕР. Я шепчу истории. Ведь уже много раз было, когда я шептал иначе, чем это было в тексте. Не делай, Людовит, это, не делай там-то то-то. Если бы я был актер... если бы я был Штур!

ШТУР. Например.

СУФЛЕР. Например, не стой на коленях перед Веной, куда словаки ходили просить милостыню у императора по поводу словацких дел! Или: не отталкивай Аделу, женись на ней. Ведь что может быть прекраснее, чем семья, когда у тебя рождается сын, который бы продолжил твое великое дело!

ШТУР. Эти глупости можешь нашептывать кому-нибудь другому.

СУФЛЕР. Я могу и уйти...

ШТУР. Это самое лучшее, что ты можешь сделать.

СУФЛЕР. Ты готов уничтожить все премудрости мира! Ты умрешь от красоты! Большой мегаломанией... *(уходит)*

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(приходит)* Землетрясение?

ШТУР. Еще и ты, debil?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Моя задача — успокоить актеров! Ведь кто организует за кулисами все представление?

ШТУР. В самом деле, ведь это не игрушки...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Напрасно иронизируешь. Я — тот глупец, человек на побегушках, задача которого — держать все под контролем.

ШТУР. И притом — это не твоя основная функция.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Точно. В прошлом я — актер, однако теперь у меня большие амбиции: моя мечта стать режиссером. *(раздается звонок, приглашающий)*

зрителей на спектакль; слышны также какие-то советы участников) Все это время режиссер вместе с автором сверху следили за происходящим! *(суфлер возвращается)*

СУФЛЕР. (актеру) Прости.

ШТУР. Ты извини.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Нервы.

СУФЛЕР. Премьера есть премьера. Только...

ШТУР. Я не люблю изображать смерть. А тем более — такую дурацкую смерть.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Закончим. «Штур после окончания революции, в Модре»

В МОДРЕ

ШТУР. К черту! У меня нет кандалов, и я могу свободно перемещаться по городу. Хотя это и относительная свобода. Муки надежды! Все ждем! Кого? Народ... Может, он придет, позовет меня, чтобы я снова возглавил революцию! Ну, так, где же вы? Где все те, что утверждали, будто без меня ничего не смогут осуществить?! Я — бывший революционер. Такова политическая смерть... Что мне остается? Чтение. Сочинительство. Сладостное утешение интеллектуала, который полагал, что он — один из двигателей исторического развития, который, будучи отстранен от дел, никем не выслушанный, взялся за перо, растрачивал свои речи, способные поднять людей. Но уже не современников — те либо трусливо попрятались в норы, либо, подавленные властью, не хотят верить собственным глазам. Все невозможное после революции стало реальным! Я должен об этом кричать! Кричать о том, как пренебрегли святыми идеалами революции! Как осквернили наше дело! Как сделали его посмешищем всей Европы! Как снова выбросили нас на политическую помойку, и как мы в ней задыхаемся!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. (в образе жандарма.) В качестве шефа полиции я спрашиваю тебя: «Кто позволил вам обосноваться в Модре?»

ШТУР. Мой брат Карол умер. Он оставил семеро сирот.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Ваши контакты с бывшими революционерами?!

ШТУР. Никаких.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Вы лояльны к сегодняшней власти?

ШТУР. Разве это не видно по мне? Мне надо посетить библиотеку в Прешпороке.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Покидать город запрещено!

ШТУР. Я бы хотел прочитать лекцию для жителей Модры.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Запрещено! Пиши свои поваренные книжки, говори сам с собой, а вот к политике — ни-ни! *(уходит)*

СУФЛЕР. Чего тебе не хватает? Еда у тебя есть. Ты дышишь. Вот только это пустое помещение...

ШТУР. Я могу жениться? (сзади ОНА)

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Запрещено! Вы требовали государственную службу?

ШТУР. Во время революции я сражался на стороне Австрии — по-моему, я заслужил лучшей судьбы...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Что, должность районного судьи вам кажется слишком незначительной?!

ШТУР. Я рисковал собственной головой, помогал ликвидировать самых заядлых врагов Австрийской империи. И в итоге я должен стать канцелярской вошью районного масштаба?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Радуйся тому, что не сидишь в Шпилберге! На пражских баррикадах ты сражался против Вены! И лишь благодаря императорской милости ты избежал виселицы! Будешь помалкивать и подчиняться приказам! Хотя...

ШТУР. Обзавестись детьми. Попивать пиво. Учить детей верить в светлое завтра?

СУФЛЕР. Все могло бы кончиться гораздо хуже! Тебе грозил арест! Ты едва избежал виселицы... Ты был на волосок от смерти...

ШТУР.

Уже желтеют листья... обнажаются леса, и дуют холодные ветры.

Поля опустели. Туман окутывает вершины. —

Мы вместе с ними грустим.

Тот грустный знак судьбы: мир покинуть должен человек...

Отчизна, мы с болью прощаемся...

Но, прежде чем уйти, родная колыбель, поговорим немного...

Когда-то в Германии — Гегель, философия, время...

СУФЛЕР (кричит в зал) Доктор Майер! Прошу вас, ради Всевышнего, потопливайтесь в Модру! Ваш друг и в прошлом пациент Людовит Штур ранен на охоте. Он лежит дома с температурой! И просит только вас! Он бы сам пришел к вам, но ему после революции запрещено покидать Модру! Полиция...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Пуля проникла в левый тазобедренный сустав...

ШТУР. Как это могло случиться?

СУФЛЕР. Минутку.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Охота на зайцев...

ШТУР. Ружье висело у меня на плече. Перепрыгивая через канаву, я поскользнулся и упал.

СУФЛЕР. Пауза.

ШТУР. Когда я падал, ружье соскользнуло у меня с плеча. Ударилось о землю и выстрелило.

СУФЛЕР. Минутку.

ШТУР. Я хочу встать — и не могу. Когда я поднялся, то увидел прожженное пальто и кровь. Власти будут радоваться, когда узнают о моем несчастье!

СУФЛЕР. Помогите же ему, доктор!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Слегка поверните его.

СУФЛЕР. При малейшем движении простреленные мышцы могут разорваться.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Кровь черная, свернувшаяся...

ШТУР. Доктор! Вы видите рядом со мной семь сирот? Они на моем попечении! Вы должны мне помочь!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Все будет в порядке...

ШТУР. Значит, это еще не конец? Ведь Господь не позволит мне умереть? Как думаешь? Почему, Карол, ты молчишь? Ведь ты здесь... мой брат Карол? Или мама? Харон вас уже перевез на другой берег Леты...

ВИДЕНИЕ

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(в образе Харона, с иронией)* Юноша, я говорю тебе: «Вставай!»

ШТУР. *(встает)* Всю свою жизнь я слышал зов...

ОНА. Людовит, седой Людовит... *(Штур бродит по сцене)*

ШТУР. Сорок лет евреи бродили по пустыне... выбирали для себя вместо одного, посланного им небесами обетованными, лжепророков, идолов, королей. Они его отвергли... Мне сорок лет. Доколе будет еще продолжаться мое блуждание по пустыне жизни?

СУФЛЕР. Твоя активная жизнь!

ОНА. Я умою твои ноги горячими слезами... Однако они не смогут смыть с них пыль. Ты единственный справедливый!

ШТУР. Я был самонадеянным...

ОНА. Ты думал о счастье других!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(на лодке Харона)* Одним помогал, других спасал — помоги теперь себе!

ОНА. Сжался над ним! Дай ему еще время!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Помой ему ногу! Может, она и заживет!

ШТУР. Мое дело благословил Господь? Это он помог мне высечь огонь из скалы?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(суфлеру)* Поддай мне его!

СУФЛЕР. Вера творит чудеса... *(как и помощник режиссера, с иронией)*

ШТУР. *(доверчиво)* Словаки, я дарю вам источник познания! *(ударяет палкой о скалу)*. Боже мой, Боже мой! Почему только ты покинул меня...? Почему меня все покинули?!

СУФЛЕР. Я с тобой, твой слуга, твое добро. Твой день еще придет... *(обнимает его, Штур высвобождается)*

ШТУР. Сколько времени? Революция уже закончилась? За первым наступлением последует второе. А затем и третье. Революцию надо завершить!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. На чьей стороне? На стороне революции? Или контрреволюции?

СУФЛЕР. Он сражается на той самой стороне, которую мы избрали с самого начала.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Против Пешта? Против Вены? С Пештом против Вены? С Веной против Пешта? Словацкая революция против революции венгерской? Австрийская контрреволюция со словацкой революцией против венгерской революции?

ШТУР. В котором из наступлений польская часть перестала сражаться на нашей стороне и перешла на сторону венгров? Наша революция была для них не столь «революционной» как венгерская?

СУФЛЕР. Доктор! Помогите ему, ему еще предстоит столько дел!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Уже не сделает. Температура быстро поднимается...

СУФЛЕР. Надо сменить бинты. Он еще вылечится и сделает много полезного для своего народа.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Не сделает, у него температура.

ШТУР. У Европы тоже температура. Но она еще молодая! Вылечится! И ее здоровье — наша надежда. Да здравствует революция!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(срывает маску, плащ, одежду австрийского офицера)* Тишина! Император на меня положился! Я пообещал ему обеспечить порядок. Полиция! Виселицу! Ищейки излечат любую революцию.

ШТУР. Это ты увлек венские толпы лозунгами: «Братство! Свобода! Равенство!» Это ты ускориł падение Меттерниха, став надеждой революции? И надеждой венгров? Хорватов? Сербов? Словаков? Всех, что проживали в монархии?! Ты, Александр Бах???

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Великие народы даже во времена кризиса не должны забывать о своей программе, о той программе, что дала Европе мир и процветание. Так было и с Австрией.

ШТУР. Ее грязная политика.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Каким образом политика связана с гигиеной?!

ШТУР. Словаки, венгры, хорваты, сербы и румыны просили у императора в Вене милостыню.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Интриги рожают чудеса. Держать в напряжении венгров и хорватов с сербами. Поддакивать словакам и немного поддаться венграм. Извлекать выгоду из их противостояния и укреплять австрийскую монархию!

ШТУР. Предательство революции! Победили старые пердуны! Старики духа. Террор. Запугали людей! Вместо равенства, свободы, братства — абсолютная власть сильной руки! Неуверенность! Доносительство, вымогательство! Вы — свора волков! Диких псов.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА *(смех)* Не мы. Люди... Венгры предали словаков, словаки — венгров. Немцы очень точно описали чехов в своих книгах. А поляков — русские, сербов и хорватов — турки...

ШТУР. Я должен это написать. Вы опозорили святую европейскую революцию молодых. Вы изнасиловали ее ради достижения своих целей как последнюю потаскуху! И установили деспотичный режим, который уже вот-вот рухнет!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Мы выиграли. Наступила желаемая послереволюционная апатия. Идеальная ситуация после революции, которая не во всем удалась. Равнодушие, отупление граждан. Идеальная ситуация для восстановления системы.

ШТУР. Реакционной.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Хорошо действующей, надежной для людей, которые мечтают о стабильности. Мир. Спокойствие. Жизнь...

ШТУР. Людей, которые бы хотели с вами сотрудничать, мало!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Нет, очень много! Человек после окончания войны, человек после окончания революции — это чудо! Хороший полицейский с ним может сделать все, что захочет. Хочешь знать, что рассказывали о тебе твои самые близкие?

ШТУР. Я обо всем напишу! *(выбегает)*

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Уже не напишешь....

СУФЛЕР. Доктор, вы должны его вылечить! Делайте же что-нибудь с его ногой!

ШТУР. Я больше не увижу свою Словакию? Вот бы подняться вверх и пролететь над ней... Я хочу еще раз поплакать над ее страданиями.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Пойдем, вместе со мной это можно будет сделать. Я дам тебе все, что твоя усталая душа требует.

СУФЛЕР. *(кладет его на барку, подает костыль)* Иди, я отвезу тебя к цели...*(звонит перед ним звонком, будто он прокаженный, останавливаются перед стеной)*

ШТУР. Мы где?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Стена плача.

ШТУР. Я что, должен здесь молиться, будто какой-то еврейский либерал?!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Давай, плачь!

ШТУР. О, негодный народ! И почему только ты забыл обо мне? Почему ты так плохо вспоминаешь меня, хотя я намеревался дать тебе все? Кто жарит меня на вертеле как святого Вавринца? И мажет моим жиром рот, петли и дверные косяки?! Это ты, негодный народ, за меня не заступился, когда Александр Мах утверждал, будто я — Гитлер словаков XIX века! Я что, поджарил хоть одного венгра? Или в первый день месяца организовал охоту на невинных младенцев? Наверное, это я аннексировал пусть даже небольшой кусочек чужой земли?! Кто обрушился на Маркса, когда тот ораторствовал в Европе, позорил словаков, которые, мол, растоптали прекрасные идеи революции молодой Европы или, мол, встали на сторону контрреволюции? Я намеревался оживить Европу, преобразовать Словакию. Этого я хотел.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(вырывает у него костыль и бросает его на землю)* Я никакой не Маркс. *(валит Штура на землю, ОНА поднимает его)*

ОНА. Ты всегда так легко танцевал...

ШТУР. Это кадрили?

ОНА. Менуэт.

ШТУР. У меня ноги тяжелые. Они теряют чувствительность. *(вздыхает)*

ОНА. Прикоснись ко мне. К моему лицу, шее, груди... Давай, сделай хотя бы шаг.

ШТУР. *(внезапно видит в ней маму)* Мама!

ОНА. Давай. Снова будешь ходить. Отлично. Видишь, получается.

ШТУР. *(покорно)* Все кончено. Пустота кричит здесь, в Модре.

ОНА. Ты помнишь? Наш последний бал... *(танцевальный мотив)*

ШТУР. В пустых комнатах рождалась мысль. Верни мне, Боже — дай мне мою любовь — ту, которой я пренебрег, которую я проморгал.

ОНА. Людовит! Хромой герой...Седовласый Людовит...

ШТУР. Любовь действительно не умирает? Нет?

ОНА. Это милость небес, посланная тебе...

ШТУР. Я бы был неплохой муж? Или отец наших детей?

ОНА. Давай простимся — ненадолго.

ОНА. Ты знаешь, что я умерла?

ШТУР. Знаю. В тот же самый год, что и моя мама. Меня не пустили на твои похороны. Прости. Ты знаешь, что меня отстранили, и я должен прозябать в Модре? Адела, где ты? Адела, Адела!

СУФЛЕР. Наконец-то, вы пришли в себя.

ШТУР. Еще минуту, я хотел бы помечтать....

СУФЛЕР. *(с миской и тампоном, как и подобает врачу)* Все будет хорошо *(протирает ему ноги)*

ШТУР. Ужасно воняет! Скользкое и зеленое! *(кричит от боли)*

СУФЛЕР. Чтобы не было воспаления, гангрены!

ШТУР. Ужасно горит. Нет ли другого средства для раны?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(в обычной одежде, с кастрюлей)* Это наше народное средство. Издавна у нас умывали раны конской мочой... Принести? *(смеется и уходит)*

ШТУР. *(падает на кровать)* Не могу сидеть... стоять тоже... пусть меня перевернут...

СУФЛЕР. Рана затягивается... заживает... все не так плохо...

ШТУР. Принесите саблю. Вы не поняли?! Саблю! *(Суфлер приносит саблю, Штур, лежа, размахивает саблей в воздухе)* Все кончено? *(Суфлер переворачивает его)* Подай мне Библию.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Возможно, ему это поможет. Трубку тоже надо положить в гроб.

ШТУР. Кайтесь, словаки, в ваших предательствах! Господь дал мне язык, чтобы я говорил! Три дня я провел в брюхе кита по имени Вена и более девяти сот дней в Модре. Однако я не предал себя, не отрекся подобно Йонашу... Заборскому, который после революции уехал в Вену и вместе с Колларом стал издавать «Словенские новины». При этом не на нашем сладкозвучном словацком, а на словакизированном чешском, иначе говоря, на языке, который зовется кошачье-собачьим. И Коллар тоже закончил как конформист! Калинчак предпочел сладкую жизнь, он никогда особо не болел за наше дело! Вы забыли про присягу? Про крещение? Кайтесь, словаки!

СУФЛЕР. Хватит! Достаточно!

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Вот они, душевные муки! Разочарование словацкого интеллектуала, который переживает, что был после революции отстранен. И теперь другие едят кашу, которую он заварил.

ШТУР. *(приходит в себя)* Кто вы?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Вы послали за мной, в Прешпорк, своего слугу. Я — доктор Майер.

ШТУР. Я вижу, доктор, что моя раненая нога с простреленным суставом становится короче...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Рана заживает, она затягивается...

ШТУР. Нет! Она становится короче! Я что, буду хромать?! Я что, должен вот в таком виде предстать перед людьми? Хромым? Исключено! Попробуйте ее потянуть...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Этого нельзя делать!

ШТУР. Знаете, как будут торжествовать все мои недруги, когда увидят меня легкой! Потяните мне ногу! Чего вы боитесь? На мою ответственность. Я вам приказываю! Пожалуйста... *(помощник режиссера делает движение)* Не так осторожно...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Этого нельзя делать...

ШТУР. Ой... немного подождите. Когда боль утихнет, попробуйте еще раз.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Мы можем ее повредить.

ШТУР. Нет.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Вы сходите с ума.

ШТУР. Я вам приказываю! *(помощник режиссера тянет ногу, брызгает кровь, попадает на Штура и помощника режиссера)* Мне плохо... наверное, я умираю...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА *(тихонько)* Сегодня ночью.

ШТУР. Умру? Теряю сознание.*(помощник режиссера зажигает свечи на барке. Неожиданно Штур поднимается)* Это еще не конец! Дух сильнее тела. Дух преодолевает телесность. Здесь ничего до этого не было. Ни народа. Ни языка. Ни территории. Ни государственности. Ни культуры. Не было ни Словакии, ни словацкого языка, ни словацкости.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Но что же осталось? Где эти твои словаки? Ты умираешь одиноким в Модре... Какой же смысл был во всем этом?!

ШТУР. Если бы я не выступил! Если бы мой народ не поднялся в переломный момент европейской революции, где бы был этот народ через десять лет? Через сто? Кто бы вспомнил о нем, годы спустя? Они вспомнят о нас... Придет царствие божье... И словацкое... Обопрутся на нас... Обопрутся? Так должно было быть, так должно было случиться, чтобы все узнали — хотя, возможно, на сто процентов это и не получилось — чтобы было ясно: такая попытка уже была, что в историческом плане есть на что опереться — может, через десять лет, может, через пятьдесят. Такова надежда интеллектуала и его обязанность: использовать возможности, логику истории, нарушать привычный порядок, быть опорой режима или же его совестью, постоянно его корректировать, теревить. И постепенно — двигать мысль дальше, делать ее более человеческой *(сгъживишись, падает на колени)*

СУФЛЕР. Ты должен подняться! *(поднимает его, поддерживает)*

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(заставляет Штура взять костыль)* Ты тот, кто рождает бурю, а после бессильно мечется в ее порывах, словно сломанная ветка в бурлящей воде... бедняга...

ШТУР. Я чувствую, что теряю сознание.

СУФЛЕР. Ты не должен умирать из-за этой ерунды.

ШТУР. Кто ты? Мой ангел хранитель. Дай мне еще минуту...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(двигает его словно куклу)* Твои последние минуты.

ШТУР. Мое творение... Мое завещание последующим поколениям...

СУФЛЕР. *(приносит рукопись)* Перо, смоченное в крови сердца...

ШТУР. *(собирается с духом)* Слушайте!

СУФЛЕР. Пророк!

(Штур произносит отрывки из своего произведения «Славянство и мир будущего»)

«СЛАВЯНСТВО И МИР БУДУЩЕГО»

ШТУР. Братья! Настало время нам понять друг друга. В самом деле, раздирает душу зрелище, представляемое народом, самым многочисленным в Европе, разделенным, разбитым, разорванным. Там он томится под игом турок, здесь веками служит немцам, прежней Священной Римской империи, теперь — австрийцам, пруссакам и саксонцам; там он поглощается и поработщается итальянской, здесь мадьярской стихией, повсюду он запряжен в триумфальную колесницу чужеземцев, только предлагает материал для чужих проектов и, в награду за все это, еще и подвергается насмешкам, стыду и позору. Настанет новое время для славянства. Для ведущей роли в западной культуре созрели, прежде всего, русские.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Опять?

СУФЛЕР. Так вот в тексте.

ШТУР. Русские принесут стареющей Азии просвещение, поддержку; наступит обратное движение — с Запада на Восток. На то, что наступает время идеального объединения славян, указывал еще Коллар. Я развиваю его идею славянской взаимности — предлагаю отдельным словацким племенам утвердиться с помощью своих языков. Для этого и словаки должны иметь свой собственный язык. Там, где брат угнетает брата, невозможна взаимность. При этом славянские народы должны иметь свою государственность. В канун революции я был против Австро-Венгрии, мечтал о том, чтобы славянские народы имели самостоятельное соединенное государство славянства, под единой Австрийской империей, так называемый автрославизм. Однако после революции я увидел, что обещания, данные нам в ходе революции, никто не выполняет, и коль скоро нельзя создать Славянскую Австрию, я вижу и предсказываю...

ПРОМОЩНИК РЕЖИССЕРА *(с иронией)* Он видит! Он предсказывает!

СУФЛЕР. Он — пророк! Проповедник и священник!

ШТУР. Неотвратимый распад Австрийской монархии и освобождение славян. Это освобождение осуществится под руководством русского самодержавия и его православной религии.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Это и есть решение? Русские? Попы?

ШТУР. Один русский язык для всех нас. Азбука в качестве письменности, одно общее православие.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Bravo! Спасение Европы — в русских!

СУФЛЕР. А кто пришел на помощь славянам на Балканах в борьбе с турками? Русские! Они спасли Европу от варваров.

ШТУР. Человеческая самовлюбленность не позволит нашим народам решить-ся на этот объединительный шаг добровольно. В ситуации, когда они все еще находятся под чужим правлением, это вообще невозможно осуществить. Это вели-

кое дело может быть реализовано лишь в результате серьезных политических событий. Пока что достаточно проявлять к этому вопросу интерес, говорить о нем и готовить себя к этому.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ШТУР. *(помощнику режиссера)* Спроси у режиссера, состоится ли премьера. *(помощник режиссера уходит)*

СУФЛЕР. *(звонит телефон, передает Штуру)* Звонит парикмахер. Ему надо приготовить парик, который был у Штура на голове. Или потом?

ШТУР. Сейчас. *(помощнику режиссера)* Ну, так что? Представление состоится?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. *(комментирует слова режиссера)* Говорят, что спектакль уже давно начался, уже идет...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Да.

ШТУР. Ну и как?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА. Если бы я был режиссером, я бы вставил туда следующие слова: «Я обвиняю тебя, Штур, вместе с Гурбаном, Годжей, но обвиняю и тех, кто был на противоположной стороне, — Кошута и Баха, обвиняю всех тех, кто вселял надежду, европейских интеллектуалов, в том, что вы предпочли частные интересы своих народов и таким образом помогли задушить надежды европейской революции 1848 года, которая была способна, могла бы оставить иной след в истории Европы XIX века». *(уходит)*

ШТУР. Ну, так как же все это сыграть?

СУФЛЕР. Кто пророк? Чего я о тебе еще не знаю? Кто послал тебя, пророк? С тебя это все началось? Или все началось с тебя и вскоре тобой же и закончилось, с тем, чтобы, спустя десятилетия, возродиться: Народ может назначить короля, но пророка не может, не так ли?!

ШТУР. *(снимает маску)* У меня совсем пустая голова, забываю текст. Я уже никакой не артист, мне надо еще раз войти в роль. *(задумывается, совсем обычно, современно)* Я отвел Штура к сексологу, так как он не знает, как быть! Тот занимался им полдня и, в конце концов, сказал: «Все в порядке, он в этом плане вполне нормальный». Как отец он мог бы иметь кучу детей, но он, будто мать, родил народ — собственно говоря, он — его отец, мать, дед и бабка. Что вы еще от него хотите? После революции вы его отстранили, и он там, в Модре, постится. Он вынужден был оставить всю политику и философию жизни. Народ у него отобрали, его отобрали у народа, поэтому он решил посвятить себя семейной жизни... Вот-вот это уже должно было случиться, все получалось, Адела уже отцветала, он уже не был юношей, однако что такое для мужчины сорок лет? Для мужчины это самое время начать новую жизнь! Однако Адела подхватила тиф, затем воспаление легких... Я взял Людовита Штура в Матицу, он вынужден был все, что у него было с собой, оставить у швейцара, а когда он увидел эту историю за витринами, когда увидел бюсты мужчин, которые похожи на знакомых, рассмеялся. Потом

он достал листовку и пластырем приклеил ее на лоб одному из так называемых отцов так, что тот сморщился в своей гипсовой гримасе. Вот этот текст: «Человечество, казалось, уже приходит в упадок, однако оно не может надолго само себя предавать, особенно учитывая гигантский прогресс нового времени. Человечество постоянно идет дальше, и куда оно придет, никто не может предсказать. Однако плохим оно может стать только на время. Откройте свои удрученные сердца, славяне, и с помощью Бога действуйте! Никчемно каждое национальное тщеславие, которое не имеет под собой серьезного основания. В конце концов, речь идет о человечестве, которое неразрывными узами связано между собой». Когда мы выходили из здания, двое служащих счищали со стенгазеты портрет какого-то неугодного деятеля. И для того, чтобы это у них лучше получились, они плевали на него. Думаю, что это был франкский купец Само. А, может, Святополк? Может быть, портрет Глинки или Штефаника, Дубчека или Гусака? И на кого только этот народ ни плевал? Я слышал, как коммунисты говорят о Сладковиче, что, мол, он был священником и при этом наплодил двенадцать детей! Другие упрекали Халупку в том, что у него были интрижки с Боженой Немцовой, Янко Краля — в том, что он пил и колотил жену, Гробоня — в том, что он был франт, Годжу — что он удрал от революции, Калинчака — в том, что он спрятался от революции... После меня Штур забрал — собственно говоря, я забрал Штура, нет, это было не так. Меня забрали двое неизвестных, за театром оттащили в близлежащую улочку, скрутили мне руки и сквозь зубы прошипели: «Кто ты такой, чтобы напоминать нам о наших поражениях? Для чего ты тут обсуждаешь вопрос о сложении оружия? Хочешь сбить нас с толку? Зачем ты упрекаешь нас в том, что мы испортили словацкую революцию? Ты знаешь о том, что с венграми нельзя было договориться, потому что они пренебрегали нами и что австрийцы были ловкачи — они всегда ладили с малыми народами в империи, ибо они умели поссорить их друг с другом?!» Я бы завел его в поезд в туалет с украденным зеркалом и показал надпись: «Словакия — для словаков — Штур — наш президент!» — и сделал бы с ним интервью:

— Разве допустимо писать что-то подобное в сортире?

— Разве все пришло в такой упадок, что словаки пишут свои требования нового государства после того, как они уже его имеют ...?

— Что скажешь по поводу написанного красным?

— Что скажешь по поводу того, что это написано без знаков препинания и с грамматическими ошибками?

— Можно ли о человеческой судьбе рассказать средствами классического театра? И разве театр не умер? И не пыжусь ли я понапрасну?

КОНЕЦ

Перевод Аллы Машковой

ИСТОРИЯ СЛОВАКИИ

Ян Чарногурский

СЛОВАЦКОЕ ГОСУДАРСТВО ГЛАЗАМИ РУССКИХ

Ян Чарногурский (р. 1944) — словацкий политический деятель, один из основателей Христианско-демократического движения (ХДД). Во второй половине 1980-х гг. он стал активным диссидентом, после «бархатной революции» 1989 г. занимал должности премьер-министра Словацкой республики (1991–1992), затем министра юстиции (1998–2002). В настоящее время — адвокат, председатель Общества словацко-российского содружества. В 2010 г. награжден российским Орденом дружбы.

В Москве вышла новая книга, посвященная отношениям между Советским Союзом и Словацким государством в годы II мировой войны, под названием «СССР — Словакия 1939–1945. Военно-политические аспекты» (Москва, ИСЛ РАН, 2017). Ее автор — Валентина Владимировна Марьина, известный ученый, много лет проработавший в Институте славяноведения Российской академии наук. Книга В.В. Марьиной — это важное звено в изучении Словацкого государства (Словацкой республики) военных лет.

Автор использовал материалы словацких исследований и архивов, а также источники из российских дипломатических и военных архивов. Словацкое государство поддерживало дипломатические отношения с Советским Союзом вплоть до нападения Германии на СССР в июне 1941 г. К этому периоду относятся приведенные в книге выдержки из рапортов посла Г.М. Пушкина, которые он направлял из Братиславы в Москву. Документы, относящиеся к периоду после начала войны, взяты из материалов диплома-

тических переговоров, прежде всего, между чехословацким правительством в Лондоне и советским руководством, а также из переписки военного характера между советским руководством и партизанами, деятелями компартии в Москве и командирами повстанческих армейских подразделений. Книга отличается научной глубиной и обстоятельностью доказательной базы.

Первоначально планы Германии состояли в том, чтобы вызвать в Словакии волнения и заставить некоторых словацких политиков просить помощи у германской армии и одновременно — провозгласить независимость Словакии. Такой сценарий дал бы Германии повод отказаться от наложенных на нее Мюнхенским соглашением обязательств уважать в дальнейшем суверенитет Чехо-Словакии. Парадоксально, но осуществлению планов Германии способствовало пражское правительство посредством путча Гомолы. Однако Словакия к 12 марта 1939 г. сама справилась с волнениями, инспирированными немецкими агентами. Гитлеру пришлось менять свой план. Он вызвал словацких политиков в Берлин, чтобы

они там провозгласили создание Словацкого государства. Вначале это должен был сделать Карол Сидор, однако он отказался. Тогда Гитлер пригласил к себе Йозефа Тисо. Он сообщил ему о плане раздела Словакии между Венгрией и Польшей в случае, если Словакия не провозгласит независимость в ближайшее время. Тисо направил из Берлина обращение к Эмилу Гахе с просьбой созвать словацкий сейм. И 14 марта сейм провозгласил независимость Словакии.

Поначалу Советский Союз колебался в вопросе признания Словакии, несмотря на то, что министр иностранных дел Фердинанд Дюрчанский призвал десятки государств, в том числе, и СССР, заявить о ее признании. Молотов согласился на это лишь 15 сентября 1939 г. Признание со стороны Советского Союза было косвенным следствием пакта Молотов — Риббентроп. Проведенный в Германии еще в октябре 1938 г. анализ показал, что как независимое государство Словакия будет слабой и окажется под политическим влиянием Германии, а Чехия без Словакии будет полностью зависеть

от милости рейха. В.В. Марьина цитирует документ из архива Российского МИД, касающегося, по всей видимости, переговоров советского дипломата с Густавом Гусаком. Президент Тисо характеризуется в нем как сильный тактик, которому удалось закрепить в правительстве умеренных политиков и вытеснить оттуда прогерманских радикалов. Судя по документу, Гусак указал советскому дипломату на неуместность использования советским радио названия «Чехословакия», что наносит ему вред в общественном мнении Словакии. Советский посол Григорий Максимович Пушкин позднее в своем донесении в Москву назвал Тисо наиболее авторитетным словацким политиком, который смягчает немецкое влияние, однако не способен на решительные шаги.

Немецкий дипломат Бернард иронизировал над притязаниями словаков на суверенитет. Он чувствовал себя в Словакии как хозяин и заявлял, что Словакия нужна Германии лишь как ворота на Балканы.

Словацкие политики в разговорах всякий раз упоминали об СССР как о защитнике своей страны от Венгрии. Пушкин записал в своем дневнике, что министр иностранных дел Дюрчанский спросил его, когда Советский Союз займет территорию Подкарпатской Руси (на тот момент она принадлежала Венгрии), поскольку Словакия хотела бы иметь общую границу с Советским Союзом. Дюрчанский не скрывал своих взглядов от немцев, что привело к его отставке в июне 1940 г.

Посол Германии Киллингер в беседе с Пушкиным подчеркивал, что Словакия находится в немецкой сфере влия-

ния, и что Советскому Союзу не следует проявлять в этой стране излишнюю активность. В качестве наиболее реакционной фигуры в словацкой политике Пушкин упоминал председателя правительства Войтеха Туку. По словам посла, он полностью продался немцам и в своих речах заходит куда дальше, чем даже немецкая газета «Гренцботе», издававшаяся в Словакии. По итогам переговоров в Зальцбурге центрально-европейское отделение советского ведомства иностранных дел характеризовало Словакию как марионеточное государство, играющее роль передового отряда Германии на Юго-Востоке Европы. Вместе с тем, население Словакии проявляло явную симпатию по отношению к советским дипломатам. Описан случай, когда во время одного из дипломатических приемов к припаркованным возле здания машинам подошла молодая женщина и поцеловала флажок на автомобиле советского посла.

Накануне нападения Германии на СССР в Словакии находилось большое количество немецких военных транспортных средств, направляющихся на Восток. 21 июня немецкий посол в Братиславе Лудин нанес визит президенту Тисо в присутствии министра обороны Чатлоша. Лудин потребовал, чтобы президент безотлагательно заявил о поддержке Германии. Тисо медлил с ответом, и тогда Лудин предупредил, что если Гитлер сегодня же не получит согласия, Словакию ждут серьезные последствия. Тисо в итоге высказался не за объявление войны СССР, а за присоединение словацкой армии к германской, показав тем самым, что Словакию вынудили к этому шагу.

В то же время Словакия, приняв решение об участии в войне, хотела привлечь на свою сторону Германию в спорах с Венгрией. Словацкая армия в итоге вместе с вермахтом начала войну против Советского Союза. Автор приводит в своей книге случай, когда словацкие военнослужащие участвовали в казни мирных жителей.

После начала войны в СССР и особенно — после переломной Сталинградской битвы центр тяжести в дипломатических контактах переместился в сторону переговоров с Эдуардом Бенешем и лондонским правительством в эмиграции. Во время визита Бенеша в Москву в декабре 1943 г. в ходе переговоров с Молотовым Бенеш настоятельно просил, чтобы советская военная авиация провела бомбардировки оружейных предприятий, прежде всего — в Словакии.

В протоколе переговоров советской стороной это требование было зафиксировано, в чешском протоколе оно отсутствует. Сталин во время встречи отметил, что словаки — хорошие солдаты, но являются орудием в руках своих правителей. Дома их следует сдерживать и не допускать сепаратизма ввиду их малочисленности.

Летом 1944 г. советское руководство начало направлять в Словакию десантные группы для организации партизанских отрядов, подчинявшихся Украинскому штабу партизанского движения в Киеве. В это же время в Москву из Лондона стали поступать излишне оптимистические сообщения о подготовке восстания в словацкой армии. В Центральном архиве ФСБ в Москве находятся три тома следственного дела в отношении Фердинанда Чатло-

ша (генерал Ф. Чатлош — министр национальной обороны СР в 1939–1944 гг., *прим. пер.*). Из показаний Чатлоша следует, что армия поставляла оружие создаваемым партизанским группам, однако их действия были хаотичными, что отразилось на всем ходе восстания. Отрядами руководили преимущественно советские командиры, которые подчинялись Киеву и имели целью осуществлять как можно больше боевых операций. Лондонское правительство также призывало к активизации партизанских действий. В свою очередь Словацкий национальный совет и военное руководство в своих распоряжениях предостерегали от проведения партизанских операций, чтобы не спровоцировать оккупацию Словакии немецкими частями.

Что касается Лондона, то он запретил подключать к подготовке восстания некоторых генералов (например, Густава Малара), которые выказывали явную лояльность по отношению к Словацкому государству. Это нашло свое подтверждение сразу же после начала восстания. Партизаны все же продолжили проводить диверсионные операции и спровоцировали немцев на оккупацию Словакии. В ответ на это командующий армейскими повстанческими частями объявил о начале Восстания. Единственными боеспособными подразделениями в это время были две дивизии на востоке Словакии. Однако их командир, генерал Малар был отозван в Братиславу президентом Тисо. Малар поручил руководство дивизиями в свое отсутствие полковнику Талскому. Тот вскоре оставил дивизии без командования и улетел за советскую линию просить поддержки. Тем

временем меньшие по численности немецкие части без боя захватили и обезоружили обе словацкие дивизии.

При этом советское командование продолжало получать сводки о том, что две дивизии удерживают карпатские перевалы и откроют их перед наступающей Красной армией. Сталин распорядился ускорить подготовку к наступлению через перевалы и поручил командование маршалу Коневу. Конев подготовил наступательную группировку за неделю. Карпатско-Дуклинская операция началась 8 сентября, когда перевалом уже полностью овладели немцы. Эта операция стала для Словакии и ее приграничья самой кровавой вследствие противоречивости сводок, посылаемых из Словакии и из Лондона и недостаточной согласованности действий армейского повстанческого командования. В Карпатско-Дуклинской операции участвовал и Чехословацкий армейский корпус, возглавляемый вначале генералом Кратохвилем, которого затем уже в ходе операции из-за его неспособности к руководству заменили на другого командующего, генерала Людвига Свободу.

Во время операции в армейском корпусе был задействован так называемый «заградительный отряд», который имел приказ стрелять в собственных солдат в случае их бегства с поля боя. Наступательная группировка в итоге пробилась через Дуклинский перевал и вступила на территорию Словакии. Бои продолжались до 28 октября, когда Словацкий национальный совет на Доновалах заявил об окончании Восстания. Наступательная операция Красной армии утратила тем самым свою цель и была остановлена. В ходе Кар-

патско-Дуклинской операции Красная армия потеряла убитыми и ранеными 86 000 военнослужащих, а Чехословацкий армейский корпус — 6 500 (данные о потерях разнятся). Однако операция перетянула на себя немецкие дивизии, которые выдвинулись бы на подавление Восстания.

Несо согласованность в действиях партизан и в дальнейшем осложняла ход Восстания. Партизаны отказывались подчиняться военному командованию и фактически не участвовали в боях на фронтах Восстания. Споры между военными и партизанами дошли до маршала Конева. Он издал приказ, согласно которому партизанам вменялось двойное подчинение: в оперативных действиях они должны были подчиняться военному командованию, то есть, генералу Виесту, а организационно и политически — штабу партизанского движения 1-го Украинского фронта. Карол Шмидке, Рудольф Сланский и Ян Шверма не согласились с приказом Конева и донесли свою позицию сначала до Георгия Димитрова, а через него — и до Сталина. Сталин якобы предложил некий компромисс, однако автор книги ссылается на слова Густава Гусака, который писал, что в результате этого ничего не изменилось.

Незадолго до окончания войны переговоры в Москве между чехами и словаками касались преимущественно будущего внутреннего устройства республики. Однако еще в декабре 1943 г. во время своего приезда в Москву Бенеш попросил Молотова о том, чтобы советское правительство «по-дружески» рекомендовало чехословацкому правительству наказать в Словакии

всех виновников войны против СССР. За словаков вступился Молотов. Он сказал, что было бы несправедливо со стороны советского руководства ставить словаков в один ряд с немцами и венграми. Бенеш во время переговоров продолжал подчеркивать необходимость сохранения идеи единой чехословацкой нации, аргументируя это тем, что чехи в цивилизационном плане ориентированы на Запад, тогда как словаки — на Восток. Если допустить существование двух наций, то республика со временем была бы разорвана надвое, поскольку словаки тяну-

ли бы ее на Восток, а чехи — на Запад. В конце концов, словацкая делегация настояла на принципе существования двух наций, однако положение о внутреннем устройстве республики (асимметричная модель) оставило спорные вопросы открытыми.

Читатель книги В.В. Марьиной уже знает, как шло дальнейшее развитие Чехословакии и может оценить, в какой мере подтвердились или не подтвердились исторические наблюдения исследователя.

Бесспорно одно: эта книга для нас весьма поучительна.

Перевод Людмилы Широковой

СССР — СЛОВАКИЯ. 1939–1945 ГГ.: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В книге использованы материалы следующих российских архивов: Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ); Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ); Архив Президента Российской Федерации (АП РФ); Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ РФ).

Валентина Владимировна Марьина (р. 1927) — выпускница МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор исторических наук, автор более 300 научных публикаций и 10 монографических трудов. Она является одним из самых известных специалистов в области современной российской историографии и русско-словацко-чешского научного сотрудничества. Ее научные интересы лежат в области современной истории славянских стран, прежде всего — Словакии и Чехословакии. Удостоена нескольких наград, в 2006 году получила медаль Франтишека Палацкого Чешской Академии наук.

Начнем с АВП РФ. В сентябре 1939 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Словацким государством, возникшим по воле Гитлера 14 марта 1939 г. Признание Словакии де-юре со стороны Москвы фактически означало её отказ от заявления (советская нота Германии от 18 марта 1939 г.) о непризнании расчленения Чехословакии. Установление дипломатических отношений СССР со Словакией шло в русле нового советского внешнеполитического курса, обозначенного пактом Молотова-Риббентропа от 23 августа 1939 г. Советско-словацкие отношения 1939–1941 гг. в свое время выпали из поля зрения советских и чехословац-

В.В. МАРЬИНА

СССР — СЛОВАКИЯ 1939–1945 гг.: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

ких историков по идеологическим соображениям. В советской литературе либо вообще стыдливо замалчивался факт установления дипломатических отношений СССР с клеро-фашистским (по терминологии того времени) Словацким государством, либо в лучшем случае просто без объяснений констатировалось наличие этих отношений.

В чехословацкой исторической науке еще в 50-е годы XX века был сфабрикован идеологический миф, якобы объяснявший и оправдывавший дипломатическое признание Словакии Советским Союзом как независимого государства. СССР будто бы пошел на этот шаг, стремясь оказать помощь словацким коммунистам в их борьбе против установленного режима; а словацкие власти вопреки своему желанию вынуждены были установить отношения с Советским Союзом под нажимом трудящихся и требований компартии.

Документы АВП РФ решительно опровергают все эти «выдумки» историографии коммунистического периода. Имеющиеся материалы с достаточной степенью точности дают возможность реконструировать советско-словацкие отношения в 1939–1941 гг., показать, как оценивалась советской дипломатией политика Германии в отношении Словакии, выяснить, какую роль играла Словакия в советско-германских отношениях той поры и как они экстраполировались на советско-словацкие отношения. Известные автору документы отражают позицию руководства СССР, которое, как представляется, исходя из сложившейся обстановки, пошло на установление официальных отношений со Словакией, инициатором которых, видимо, с одобрения и по подсказке Берлина, являлась словацкая сторона.

«Ворота на Балканы», «окно в юго-восточную Европу» — так схоже, как свидетельствуют документы, именовалась Словакия немецкими и советскими дипломатами в 1939–1941 годах, что, по существу, и определяло заинтересован-

ность Германии и СССР в укреплении тогда своих позиций в этом, по сути, номинально самостоятельном государстве. Очевидно, Германия в конкретных условиях сентября 1939 г. была заинтересована в нормализации советско-словацких отношений, в признании Словакии со стороны СССР де-юре, так как фактически это означало ревизию советской позиции в чехословацком вопросе и являлось показателем укрепления курса Москвы на упрочение советско-германского сотрудничества. Вместе с тем, Берлин вовсе не желал усиления влияния СССР в Словакии, не без основания полагая, что здесь традиционно сильны русофильские настроения.

Как следует из материалов советского полпредства в Братиславе, часть влиятельных в ту пору словацких государственных руководителей, стремясь создать противовес, по сути, монопольному влиянию Германии в Словакии, также была заинтересована в официальном признании со стороны СССР. Сторонником этого курса являлся пользовавшийся большим авторитетом у Й. Тисо высокообразованный и амбициозный, но политически малоопытный министр иностранных дел Словакии Ф. Дюрчанский. Он и группа молодых словацких политиков питали иллюзии относительно того, что Словацкое государство, используя традиционную для стран Восточной Европы тактику лавирования, может достигнуть определенной степени самостоятельности, овладеть искусством выживания путем балансирования между Германией и СССР, претендовавшим на упрочение своего влияния в Словакии.

Наконец, для Москвы, по свидетельству документов АВП РФ, этот шаг тоже представлялся тогда выгодным: он давал возможность (по крайней мере, теоретически, предположительно) противодействовать укреплению позиций Германии в регионе, небезразличном для интересов СССР. Установление дипломатических отношений со Словакией было заявкой на активизацию советской политики в юго-восточной Европе, за Карпатами, на Балканах.

В АВП РФ имеются документы о подготовке обмена дипломатическими представителями между СССР и Словакией: характеристика словацкого посланника Ф. Тисо, прибывшего в Москву в декабре 1939 г., информация о его официальных встречах с руководством Народного комиссариата иностранных дел СССР (НКВД), материалы, касающиеся назначения полпреда в Словакию молодого, ему было 33 года, дипломата Г.М. Пушкина. Чрезвычайный интерес с точки зрения исследования вопроса о состоянии и развитии советско-словацких и словацко-германских отношений в 1940 г. — первой половине 1941 г. представляют дневниковые записи полпреда, которые он вел по прибытии в Братиславу с февраля 1940 г. В дневнике дипломата описаны его встречи и беседы со словацкими политическими деятелями (Й. Тисо, Ф. Дюрчанским, В. Тукой, Ф. Чатлошем, А. Махом и др.) и с дипломатическими представителями других стран, аккредитованными в Словакии, в частности, с германскими: Г. Бернардом, М. Киллингером, Г.Э. Луудином.

Через все документы, касающиеся советско-словацких контактов в первой половине 1940 г. красной нитью прохо-

дят два вопроса: во-первых, развитие экономических связей между обеими странами, во-вторых — стремление словаков побудить СССР оказать им поддержку в территориальных претензиях к Венгрии, т. е. в возвращении территорий, отошедших к Венгрии в результате Первого венского арбитража (южная часть Словакии) и захваченных ею в период расчленения Чехословакии и создания Словацкого государства (восточная часть Словакии). В связи с этим словаки неоднократно и настойчиво проводили мысль о желательности присоединения к Советскому Союзу «Карпатской Украины» и установлении, таким образом, непосредственной советско-словацкой границы, но тогда этот вопрос Москва не считала актуальным.

В дневнике Пушкина много внимания уделено развитию кризиса в словацких верхах, связанного с недовольством германофильской группировки В. Туки и А. Маха замедлением процесса сближения Словакии с Германией, возможным усилением советского влияния, ростом в стране русо- и славянофильских настроений при одновременном усилении критического отношения к политике Берлина. Однако в словацком руководстве укрепились позиции прогерманских элементов, и новая креатура Гитлера активно принялась за дело приспособления словацкого режима к германскому.

Дневниковые записи Пушкина и других сотрудников советской миссии в Словакии свидетельствуют о том, что с августа 1940 г. Германия начала активно приспособлять территорию Словакии к своим военным потребностям. По определению НКВД, Словакия начала безоговорочно играть роль «гер-

манского плацдарма в Юго-Восточной Европе». Во второй половине 1940 г., по свидетельству документов, активизировались советско-словацкие торговые переговоры, которые завершились 6 декабря 1940 г. подписанием Договора о торговле и судоходстве. Однако он фактически не был реализован из-за разрыва дипломатических отношений Словакии с СССР 22 июня 1941 г. В первой половине 1941 г. полным ходом шло превращение Словакии из «окна в Юго-Восточную Европу» в важный «плацдарм» для реализации гитлеровских планов нападения на Советский Союз. Внешнеполитически Словакия, присоединившаяся к Тройственному пакту, в это время шла полностью в фарватере Германии. Г.М. Пушкин сообщал в НКВД о широко распространенных в Словакии слухах о близком нападении Германии на Советский Союз, но спешил оговориться, что этим слухам он мало верит. Это свидетельствовало о политической ангажированности советского дипломата и его нежелании (боязни?) признать очевидные факты и соответствующим образом их оценить. Впрочем, это было свойственно и другим советским дипломатам той поры.

В информационных письмах, направленных Пушкиным в НКВД, сохраняются весьма любопытные характеристики ряда политических деятелей Словакии, которые отличаются большей нюансированностью и разносторонностью, чем более поздние прямолнейные советские оценки и характеристики этих политиков. В архиве есть материалы об отзыве из СССР словацкого посланника Ф. Тисо, назначении нового полпреда Ю. Шимко (прибыл

в Москву 2 июня 1941 г.), его официальных встречах с сотрудниками НКВД, беседе с В.М. Молотовым 23 июня, касающейся разрыва дипломатических отношений Словакии с Советским Союзом и её вступления в войну на стороне Германии. В информации советского дипломата С.А. Афанасьева описываются погромные действия прогермански настроенной толпы в отношении советской миссии в Братиславе 22 и 23 июня 1941 г.

Далее, вплоть до осени 1944 г., т. е. до начала Словацкого национального восстания, материалов, исходящих из Словакии и касающихся положения в ней, мною в АВП РФ не обнаружено. Все имеющиеся здесь сведения о событиях в Словакии исходили в основном от чехословацкого эмигрантского правительства, находившегося в Лондоне. Словакия принимала участие во Второй мировой войне на стороне «третьего рейха». Её армейские подразделения, как находившиеся на передовой, так и охранные части, оперативно подчинялись командованию вермахта. Словаки сражались на советско-германском фронте с первых дней войны. Однако союзники по антигитлеровской коалиции формально не признавали Словакию воюющим государством. Словакия и словаки в документах АВП РФ, относящихся к периоду после 22 июня 1941 г., рассматриваются, как правило, в рамках общей чехословацкой проблематики. По всей вероятности, в АВП РФ существуют материалы, касающиеся Словацкого национального восстания 1944 г. и отношении к нему со стороны СССР, но автор с ними мало знаком, поскольку в её распоряжении имелись документы по

этому вопросу, хранящиеся в АП РФ, о чем речь пойдет далее.

Нашли отражение в документах Архива внешней политики и события, происшедшие осенью 1944 г. в Закарпатье (Подкарпатской Руси), а также трудности, возникшие в советско-чехословацких отношениях на завершающем этапе войны. Сравнительно большой массив документов касается первого (декабрь 1943 г.) и второго (март 1945 г.) за время войны визита Бенеша в СССР. Цикл дневниковых записей В.А. Зорина, назначенного советским послом в Чехословакии, относится к его беседам с чешскими и словацкими политиками в апреле-июне 1945 г.

Далее — об известных автору документах АП РФ. В журнале «Новая и новейшая история» опубликованы те из них, которые касаются Словацкого национального восстания 1944 г. и отношения к нему СССР. Материалы архива из Фонда тематических документов, поступивших в Политбюро ЦК ВКП(б) из Наркомата госбезопасности СССР, Наркомата иностранных дел (НКИД), Генштаба Красной армии и других государственных и партийных органов, проясняют ряд деталей в картине подготовки и хода восстания. Это касается в целом советской политики в отношении Словакии, содействия развитию там партизанского движения, установления взаимодействия Красной армии с повстанческими силами, возможностей оказания материальной помощи восстанию со стороны СССР. Документы, направленные в большинстве случаев на имя И.В. Сталина, свидетельствуют, во-первых, о том, что советское высшее политическое и военное руководство держало относящиеся к Сло-

вакии события в поле своего постоянного внимания; во-вторых, о том, что на стол Сталина ложились и материалы, имевшие, на первый взгляд, частный характер; в-третьих, о том, что без сталинского одобрения не решался ни один вопрос, каким бы мелким он не казался. «Прошу Ваших указаний» значится в конце всех сопроводительных к документам писем. К сожалению, эти, ныне опубликованные, документы не дают возможности отследить реакцию Сталина на поставленные вопросы или полученные им материалы. Вполне вероятно, что указания давались либо в устной форме, либо по телефону.

Среди документов, направленных Сталину (всего их 22), многие и, думается, самые важные, относятся ко времени подготовки восстания. Эти материалы, отражающие в основном позиции и оценки представителей советского военного руководства и наркомата госбезопасности, свидетельствуют, что до августа 1944 г. советские власти, сохраняя в поле зрения ситуацию в Словакии, не придавали пока особого значения событиям здесь. Положение серьезно изменилось в начале августа 1944 г. после прибытия в СССР двух самолетов с представителями словацких военных, оппозиционных режиму Тисо, и Словацкого национального совета (СНС), готовившего восстание. Особый интерес представляют записи бесед начальника Отдела спецзаданий Генерального штаба Красной армии генерал-майора Славина с одним из тайно прилетевших в СССР представителей СНС коммунистом К. Шмидке. Из привезенных им документов Сталину было передано (в переводе на русский язык) и письмо

военного министра Словакии Ф. Чатлоша о том, как, по его мнению, может быть использована вся словацкая армия в борьбе против гитлеровской Германии. Имеются также документы, подписанные первым секретарем ЦК КП(б) Украины Н.С. Хрущёвым о помощи Украинского штаба партизанского движения в развитии освободительной борьбы в Чехословакии (точнее в Словакии), Венгрии и Румынии, а также об обстоятельствах пленения Ф. Чатлоша. В 1995 г. фотокопии 25 документов из АП РФ, касающиеся СНВ, президент РФ Б.Н. Ельцин передал как дар президенту Чешской республики В. Гавелу. Ныне эти документы хранятся в Национальном архиве ЧР. 10 из них переведены на чешский язык и опубликованы В. Пречаном.

В ЦА ФСБ РФ, по всей вероятности, также имеются, хотя и недоступные пока исследователям, материалы, относящиеся к истории Словацкого национального восстания (СНВ) 1944 г. Автору удалось познакомиться с одним из трех томов «Уголовного дела по обвинению бывшего главнокомандующего словацкой армией Чатлош Фердинанда». Чатлош в начале восстания перешел на повстанческую территорию, был переправлен в Москву, где содержался в Бутырской тюрьме, а в конце 1946 г. был передан чехословацким властям. Первый том дела словацкого военного министра содержит, в основном, материалы, относящиеся к самому Чатлошу: его собственноручные показания, некоторые изъятые у него документы (письма, заявления, личные бумаги), допросы генерала, произведенные в январе и декабре 1946 г.

Собственноручные показания Чатлоша датированы 15, 26 и 28 сентября 1944 г., т. е. были даны сразу и в течение первых двух недель после его доставки в Москву. Они содержат основные биографические данные Чатлоша, вопросы, касающиеся войны Словакии против СССР, отношение генерала к словацкому восстанию. Обращает на себя внимание выгодная для Чатлоша интерпретация изложенного материала, акцентирование моментов, представляющих его автора как словацкого патриота и русофила, опущение фактов, могущих нанести вред его имиджу, стремление предложить свои услуги советским властям. Другой вопрос, что они не были приняты, прежде всего, по политическим соображениям, поскольку исходили от человека, скомпрометировавшего себя деятельностью в правительстве Тисо, а также потому, что это вступило бы в противоречие с «курсом» СССР на восстановление Чехословакии во главе с Э. Бенешем, считавшим Чатлоша одним из словацких «квислингов». В деле имеются характеристики Чатлоша, подготовленные НКГБ и Главным разведуправлением Генштаба Красной армии, кстати, весьма несхожие друг с другом. В январе и декабре 1946 г. Чатлош был подвергнут допросу. В первом случае это, очевидно, понадобилось для начавшегося в ноябре 1945 г. Нюрнбергского процесса, во втором — для готовящегося в ЧСР процесса по делу Й. Тисо. Протоколы обоих допросов, особенно последнего, свидетельствуют о том, что Чатлош отказался от многих своих прежних показаний и оценок.

В деле ЦА ФСБ, с которым знакомилась автор, есть также материалы, каса-

ющиеся формирования чехословацких воинских частей в СССР: ряд протоколов заседаний смешанной советско-чехословацкой комиссии с участием генерала А.П. Панфилова, ответственного за связи с чехословацкой военной миссией в СССР, и начальника чехословацкой военной миссии полковника (затем бригадного генерала) Г. Пики. В деле есть также данные о поставках советского вооружения на повстанческую территорию осенью 1944 г.

Сведения о Словакии и словаках имеются и в РГАСПИ, прежде всего в фонде Г. Димитрова, который до роспуска Коминтерна (1943 г.) возглавлял его исполнительный комитет (ИККИ), а затем — созданный на основе его формально ликвидированных структур Отдел международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б). Многие руководители КПЧ в годы Второй мировой войны находились в СССР, где было создано Заграничное бюро ЦК КПЧ (московское руководство КПЧ). Его представители, особенно К. Готвальд, В. Копецкий, Я. Шверма, тесно сотрудничали с Димитровым, при посредничестве которого контактировали как с советскими государственными структурами (НКВД, НКГБ, НКО), так и с секретарями ЦК ВКП(б) — А. Ждановым, А.С. Щербаковым, а также с советскими руководящими деятелями — И.В. Сталиным, В.М. Молотовым. Это общение на основе единой идеологической платформы не могло не оказать влияния на формирование концепции Загранбюро ЦК КПЧ, касающейся послевоенного развития восстановленной Чехословакии. Материалы фонда Димитрова РГАСПИ дают возможность понять, как коррелировалась

политическая линия советских и чехословацких коммунистов и как в 1944–1945 гг. вырабатывался общий политический алгоритм КПЧ/КПС и ВКП(б).

Вместе с тем в фонде есть и материалы, непосредственно относящиеся к Словакии и словакам. Это, например, документы, связанные с визитом в Москву в 1943 г. Э. Бенеша. Тогда московское руководство КПЧ серьезно обсуждало вопросы, связанные с развитием национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов, а также с государственно-правовым устройством восстановленной ЧСР и статусом Словакии в ней. Эти вопросы оно намеревалось поставить и перед Бенешем. Выработанная коммунистами политическая платформа, согласованная с Димитровым, была предложена ими президенту в качестве основы для обсуждения. Проект коммунистов был первым шагом на пути формирования их концепции послевоенного устройства ЧСР. Согласованная с президентом, она, по сути, содержала все основные принципы первой послевоенной программы правительства. Димитров получил (в переводе на русский язык) и записи шести бесед Готвальда, Швермы, Копецкого и Сланского с Бенешем, которые Димитровым сразу же были направлены в НКВД СССР.

С Димитровым согласовывались и предложения Загранбюро ЦК КПЧ о некоторых переходных мероприятиях на освобожденной территории Чехословакии. Уже осенью 1944 г. коммунисты начали размышлять о составе будущего правительства ЧСР. Именно тогда ими были подготовлены и представлены в ОМИ ЦК ВКП(б) характе-

ристики членов чехословацкого правительства в Лондоне, в которых особое внимание уделялось вопросу об отношении того или иного деятеля к коммунистам и СССР. На основе данных, полученных от В. Копецкого, были подготовлены характеристики и на членов Словацкого национального совета — К. Шмидке, Л. Новомеского, Г. Гусака, Й. Леттриха, П. Затько, Д. Эртла. Все они характеризовались положительно как участники национально-освободительной борьбы в Словакии.

Во время Словацкого национального восстания ОМИ ЦК ВКП(б) получал разнообразную информацию из Словакии, в том числе и материалы, подготовленные Загранбюро ЦК КПЧ о развитии партизанского движения в Словакии, ходе восстания, предложения о помощи повстанцам со стороны Советского Союза. На столе у Димитрова оказались и два связанных с именем Г. Гусака документа о положении в Словакии, настроениях её населения и позициях КПС: первый — информация на немецком языке (в переводе на русский язык), написанная, очевидно, для политуправления штаба 2-го Украинского фронта в январе 1945 г., второй — обширное сообщение (90 страниц), подготовленное Гусаком для Загранбюро ЦК КПЧ во время его пребывания в Москве в январе-феврале 1945 г. Судя по пометкам Димитрова, его наиболее интересовали места, касающиеся позиций и влияния КПС в Словакии.

Советские органы получали и некоторые важные документы, касающиеся организации жизни на освобожденной территории Словакии. Член Военного совета 4-го Украинского фронта Л.З. Мехлис прислал, например, в ЦК

ВКП(б) проект распоряжения СНС о земельной реформе со своими критическими оценками. Затем с ним знакомились Молотов, Зорин, Панюшкин (заместитель Димитрова), Готвальд. Они также оценили проект как чересчур радикальный, о чем и было сообщено в Словакию Гусаку. Возникали и другие вопросы, свидетельствующие о расхождении взглядов и оценок Загранбюро ЦК КПЧ и словацких коммунистов на некоторые моменты организации жизни на освобожденной территории Словакии. В связи с приездом Бенеша в Москву в марте 1945 г. Загранбюро ЦК КПЧ представило Димитрову проект организации и структуры правительства национального фронта чехов и словаков. Среди двадцати намеченных кандидатов восемь во время войны находились в Лондоне, 6 — в СССР, 6 — в Словакии. Были подготовлены и характеристики министров-некоммунистов, в том числе словаков В. Шробара, Я. Урсини, Й. Леттриха.

В сопроводительном письме к проекту программы Готвальд писал, что наиболее спорными при его обсуждении будут вопросы о Словакии, о Закарпатской Украине и о наказании преступников и коллаборационистов. Судя по пометам Димитрова, и письмо Готвальда и проект программы были направлены Сталину, получил проект и Молотов. Выработанная коммунистами платформа стала основой Кошицкой правительственной программы. Структура и персональный состав правительства были приняты в том виде, как это предлагали коммунисты. С национальной точки зрения 16 было чехов и 9 словаков.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что автор ознакомился только с частью документов четырех российских архивов. Представляется, что помимо указанных, материалы о Словакии и словаках периода Второй мировой войны имеются еще в ГА РФ, РГВА и других российских ведомственных архивах. Автор надеется, что приведенные сведения о материалах российских архивов, относящихся к истории Словакии 1939–1945 гг. и советско-словацких отношений этого времени, помогут российским исследователям, которые вознамерятся заняться изучением указанной темы.

Что касается словацких архивов, то автору удалось поработать только в Словацком национальном архиве и ознакомиться с материалами, касающимися деятельности Словацкой миссии в Москве в 1939–1941 гг. Знакомство с этими материалами свидетельствует о чрезвычайной скудости поступавшей в Словакию информации о положении дел в СССР и о его внешней и внутренней политике. Словацкие дипломаты были более обеспокоены обустройством своего нового местожительства и связанными с этим трудностями. Никаких аналитических либо содержащих оценки советской внешней политики документов, судя по известным автору материалам, из Москвы в Братиславу не поступало. Возможно, это было следствием неопытности словацких дипломатов или нехватки времени для их адаптации к условиям жизни в СССР, возможно, объяснялось тем, что, по словам сотрудников словацкой миссии, круг их общения в Москве был чрезвычайно ограничен.

Важным источником исследований о Второй мировой войне являются воспоминания и дневники видных государственных и военных деятелей того времени. В 1989 г. были переизданы хорошо документированные мемуары начальника (1943–1945 гг.) Оперативного управления Генерального штаба Красной Армии С.М. Штеменко. Из второй книги мемуаров можно много узнать, в частности, о подготовке и ходе Карпатско-Дуклинской операции Красной армии (сентябрь–октябрь 1944 г.), предпринятой исключительно по политическим соображениям в целях помощи СНВ. Об этой же военной операции много пишут в своих мемуарах командующий 1-м Украинским фронтом И.С. Конев и командующий 38 армией 1-го Украинского фронта генерал-полковник К.С. Москаленко. В воспоминаниях командующего советской авиацией дальнего действия в 1944 г. (позже — главкома ВВС СССР) А.Е. Голованова приведены конкретные данные о материальной помощи СССР Словацкому национальному восстанию 1944 г., выдержки из донесений Сталину с указанием дат и числа рейсов самолетов военно-транспортной авиации, а также доставленных или не доставленных по тем или иным причинам грузов и людей.

Если говорить о мемуарах, то нельзя не упомянуть о книге Г. Гусака «Свидетельство о Словацком национальном восстании». Написанная им в начале 1960-х годов в период реабилитации так называемых словацких буржуазных националистов работа была направлена главным образом на восстановление честного имени коммунистических руководителей СНВ — К. Шмидке, Г. Гу-

сака и Л. Новомеского. Книга — сплав мемуаров и научного труда (в ней использовано много документов), позже была защищена автором на степень кандидата исторических наук. В 1969 г., когда Г. Гусак сменил А. Дубчека на посту первого секретаря ЦК КПЧ, работа в срочном порядке была переведена на русский язык. В Чехословакии книга неоднократно переиздавалась. Много конкретных сведений и подробностей об участии 1-го Чехословацкого армейского корпуса в Карпатско-Дуклинской операции Красной армии и боях за освобождение Словакии можно узнать из книги Л. Свободы об истории чехословацких воинских формирований на территории СССР.

Теперь — о некоторых российских документальных публикациях последних лет, имеющих отношение к истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Дело в том, что глубокое изучение всякой темы, а темы советско-словацких отношений в период Второй мировой войны в особенности, невозможно вне глобального, или хотя бы европейского, политического контекста. Документы, о которых пойдет речь, дают возможность уяснить тренды внешней политики СССР, Германии, стран Антигитлеровской коалиции, представить развитие событий на советско-германском («Восточном») и Западном фронтах и т. д. Взаимоотношения внутри треугольника СССР — Словакия — Германия, советско-словацкие отношения того времени можно понять, рассматривая их только через призму международной, особенно европейской, обстановки тех лет, а также внешней политики СССР и истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Здесь важно учитывать

курс Советского Союза (после нападения Германии на СССР) на восстановление Чехословакии в домюнхенских границах и обоюдное желание установить союзнические отношения.

Начнем с того, что в России в конце XX века продолжилось издание документов внешней политики СССР, прерванное в 1970-е годы из-за неясности вопроса о том, как трактовать события 1939 г. Последний из изданных в советское время XXI том заканчивался 1938 годом. На Западе, да и в СССР тоже, было хорошо известно о наличии секретного протокола к Договору о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г. (так называемому Пакту Молотова-Риббентропа). Но признавать это тогдашнее советское руководство никак не хотело, вот и решено было приостановить на время издание документов внешней политики СССР. Молчание затянулось на полтора десятка лет. Публикация возобновилась только в начале 1990-х годов уже при новой внутривластной ситуации изданием XXII, XXIII, XXIV и XXV томов. В первый из указанных томов вошли и записи бесед посла СССР в Великобритании И.М. Майского с экс-президентом ЧСР Э. Бенешем. Эти материалы имеются также во второй книге (часть 1) дневниковых записей И.М. Майского, охватывающей период с 1939 по 1941 г. Увидела свет и документальная публикация (два тома) о международном политическом кризисе 1938–1939 гг., содержащая огромное количество новых документов из Архива МИД РФ.

Особо следует отметить уникальную серию «Русский архив. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

Документы и материалы», работа над которой с 1993 г. велась в Институте военной истории МО РФ. За прошедшие двадцать лет было издано несколько десятков томов. Они по-разному значимы с точки зрения освещения вопроса о советско-словацких отношениях периода войны. Особый интерес, как представляется, имеют тома, хронологически охватывающие период конца войны — 1944–1945 гг. Ряд неизвестных и менее известных документов, относящихся к 1944–1945 гг., включены в публикации о советской политике в странах Восточной Европы, подготовленные в Институте славяноведения РАН. Большой интерес для историка представляет вышедшие в серии «Россия. XX век. Документы» два тома материалов, касающихся 1940–1941 гг. В них включены, многие впервые, не только политико-дипломатические документы, но и разведанные, в том числе и о положении дел в Словакии. Опубликован очередной цикл документов (219 документов) о советско-германских отношениях в 1933–1941 гг., хранящихся в Архиве Президента Российской Федерации. Несомненно, важны для исследования начального периода войны публикации документов о советско-германских отношениях накануне нападения гитлеровской Германии на СССР, включающих материалы российских, в том числе и Архива ФСБ РФ, и германских архивов.

Что касается работы разведслужб, то тут чрезвычайно интересна открывшая публикация многотомного сборника «Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне», который в 1980-х годах был издан небольшим тиражом для служебного

пользования. Центральный Архив Федеральной службы безопасности РФ опубликовал и многие другие документы, в том числе донесения разведки и контрразведки о подготовке гитлеровской агрессии против СССР (материалы Народного комиссариата государственной безопасности — НКГБ и Народного комиссариата внутренних дел — НКВД). В последние годы стали известны некоторые документы из Архива И.В. Сталина, касающиеся его взаимоотношений с органами государственной безопасности.

Увидели свет некоторые рассекреченные документы Политбюро ЦК РКП(б)-ЦК ВКП(б) по вопросам европейской политики 1923–1939 гг., хранившиеся ранее под грифом высшей формы секретности «особая папка». Документы отражают развитие двусторонних отношений СССР с ведущими государствами Европы, а также общие тенденции советской внешней политики, механизмы принятия важнейших внешнеполитических решений.

Несомненный интерес для исследователей истории Второй мировой войны представляет публикация документов Коминтерна. В ряде сборников на эту тему показаны не только взаимоотношения ИККИ с зарубежными компартиями, но и решающее влияние советского руководства на политику КИ. Опубликованы постановления, резолюции КИ, дневниковые записи его руководителя Г. Димитрова, переписка членов советского высшего руководства по вопросам деятельности КИ.

Увидели свет в переводе на русский язык дневники министра пропаганды «третьего рейха» Й. Геббельса, воспоминания министра иностранных дел

Германии И. Риббентропа, начальника штаба верховного главнокомандования вермахта В. Кейтеля. Эти издания дают материал для дальнейших размышлений и уточнений оценок внешней политики гитлеровской Германии накануне и в начальный период Второй мировой войны.

Из вышеуказанного следует: за истекшие четверть века в России было введено в научный оборот большое количество новых документальных материалов, что позволило под иным углом зрения, чем прежде, взглянуть на многие события Второй мировой войны, уточнить, а то и кардинально пересмотреть существовавшие в советской историографии оценки.

Немаловажное значение имеет также обращение и внимательное прочтение документов, изданных еще в СССР и Чехословакии. Это — совместно подготовленные в Москве и Праге документы и материалы о советско-чехословацких отношениях в годы Великой отечественной войны и совместная (СССР и ЧССР) многотомная публикация документов и материалов о советско-чехословацких отношениях в 1918–1948 гг., и особенно две книги её 4-го тома, посвященного периоду Второй мировой войны. До сего времени сохранили свою значимость прекрасно изданные в Чехословакии документы, касающиеся Словацкого национального восстания 1944 г., последних лет войны и преобразований, начавшихся на освобожденной словацкой и чешской территории, а также истории Коммунистической партии Словакии.

Немало опубликовано документов за последние четверть века также в Чехии и Словакии. Здесь следует упомя-

нуть, прежде всего, двухтомник о чехословацко-советских отношениях, отраженных в дипломатических документах 1939–1945 гг. В издание включены как уже ранее опубликованные, так и новые документы. Чешский историк В. Пречан, крупнейший специалист по истории СНВ, опубликовал два обширных относящихся к 1944–1945 гг. документа, автором которых являлся Г. Гусак. Это — информация, предназначенная для советского руководства и Заграничного бюро КПЧ в Москве о Словацком государстве, его политическом режиме и экономическом положении, о подготовке и ходе Словацкого национального восстания, о партизанском движении в Словакии, настроениях словацкого населения, его отношении к СССР и Красной армии и т. д.. Словацкий военный историк Йозеф Быстрицкий опубликовал военный дневник 1-го Чехословацкого армейского корпуса (ЧАК), участвовавшего в Карпатско-Дуклинской операции Красной армии. Органичным продолжением этой публикации является сборник документов с большим предисловием Й. Быстрицкого: военный дневник 1-го ЧАК в период освобождения Словакии (1944–1945 гг.). Усилиями этого автора опубликованы также записки штабс-капитана В. Павловича и ряд других документов, касающихся истории перехода словаков на сторону Красной армии под Мелитополем 30 октября 1943 г. и формирования 2-й чехословацкой воздушно-десантной бригады в СССР. Судить о настроениях населения Словакии в первой половине 1944 г., т. е. незадолго до начала СНВ, и в словацкой армии на «Восточном» фронте в 1941–1944 гг. позволяют

документы, опубликованные М. Лацко. Издан сборник речей и статей президента Словацкой республики монсеньора Й. Тисо за период 1938–1944 гг. Дополнительные сведения о возникновении Словацкого государства даёт

двухтомная публикация документов из архивов ФРГ, Чешской республики и Словацкой республики, проливающих новый свет на политику гитлеровской Германии в вопросе расчленения Чехо-Словацкой республики.

Архивные документы, опубликованные в книге В.В. Марьиной «СССР — Словакия. 1939–1945 гг.: военно-политические аспекты». М., 2017

1. Из информационного письма полномочного представителя СССР в Словакии Г.М. Пушкина в НКВД СССР о ситуации в Словакии

7 сентября 1940 г. Братислава

В последнее время немцы проявляют особый интерес к Словакии [...]

В Словакии открыто проводятся серьезные приготовления военного порядка. В 20-х числах августа т. Афанасьевым, Зайцевым и мной были предприняты поездки по Словакии. Ими была охвачена почти вся страна, исключая лишь самые восточные её районы. Вот некоторое обобщение этих поездок:

1. В стране начато широкое строительство новых аэродромов, абсолютное не соответствующих нуждам самой Словакии. Эти аэродромы строятся под руководством немцев. К этим строительствам относятся аэродромы в восточной Словакии: во Вранове, Михаловцах, Гуменне, Прешове, Бардейове, Каменице н/Цирохе, Требишове; в центральной и западной Словакии: в Мурани, Св. Петре, Банской Быстрице, Слияче и под Малацками.

2. По всей Словакии проводится строительство новых асфальтированных дорог. Всюду идет замена старых мостов новыми железобетонными. Это опять-таки не вызвано хозяйственной необходимостью, а имеет чисто военно-стратегическое значение. Особенно большое дорожное строительство развернуто в восточной Словакии.

3. Идет строительство новых железнодорожных путей в таких районах как восточная Словакия и прокладка вторых путей в северной Словакии. Старые железнодорожные пути реконструируются [...]

Симпатии народа к Советскому Союзу проявляются совершенно открыто [...] Немцы позволяют в Словакии такую пропаганду против Советского государства, которую они не могут при нынешней международной обстановке проводить открыто у себя [...] Антисоветская пропаганда в Словакии проводится не всюду в одинаковой степени. В Братиславе она менее заметна. Но на востоке Словакии (район Прешов и пограничные районы с Карпатской Украиной) она особенно сильна [...] Господство немцев особенно велико на востоке Словакии. Причем действуют они там совершенно самостоятельно, абсолютно не подчиняясь словацким властям [...] Только

что получены сведения об организации германского консульства в Прешове. Это должно для нас представлять особый интерес. В Прешове возникает таким образом центр по организации работы против Советского Союза [...]

По моему мнению, немцы не прочь были бы совсем выжать нас из Словакии, тем более, что эта страна приобретает теперь для них особое значение в плане усиления своего господства в Румынии и Венгрии. Мне представляется, что немцы попытаются сейчас даже сорвать затянувшиеся торговые переговоры СССР со Словакией. Стремясь завязать с нами экономические связи вскоре после установления дипломатических отношений между нашими странами, словаки, бесспорно, хотели укрепить свои внешнеполитические позиции и чувствовать себя более независимыми от немцев [...] Немцы, бесспорно, могли бы пойти на торговое сотрудничество СССР со Словакией, но только лишь в том случае, если они сами будут получать известные выгоды от этого сотрудничества. Но вряд ли они могут рассчитывать таким образом обмануть нас. Отсюда я полагаю, что перспективы наших экономических связей со Словакией весьма ограничены.

Архив внешней политики РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 288. Л. 26, 28, 30, 31, 32.

2. Из отчета полпредства СССР в Словакии за 1940 г.

Март 1941 г.

[...] Вплоть до конца 1939 г. словацкая пресса выступала против СССР. Не подлежит никакому сомнению, что такая позиция словацких правящих кругов инсценировалась из Берлина [...] В конце 1939 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Словакией в результате переговоров словацкого посланника в Берлине с полпредом Советского Союза. Это событие следует записать в актив группы Дурчанского, которая стремилась всеми мерами ослабить германское влияние в Словакии и укрепить положение этого малоустойчивого государства. Не исключена возможность, что поведение немцев сегодня в отношении Словакии было бы иным, если бы не были установлены дипломатические отношения между СССР и Словакией. Немцы вынуждены были считаться с Советским Союзом. В этой части расчеты группы Дурчанского были совершенно правильны [...] В течение всего 1940 г. наши отношения со Словакией ограничивались чисто формальными связями: пребывание советского полпредства в Братиславе и словацкой миссии в Москве. Как ни странно, но в течение 1940 г. в наших отношениях со Словакией не возникло ни одного практического вопроса, если не считать поездку советской научной делегации в Братиславу в январе 1940 г. на торжества, связанные с открытием Братиславского университета, ответного визита словацкой научной делегации в Москву в мае того же года и подписания советско-словацкого торгового договора в Москве 6 декабря 1940 г. [...]

В течение 1940 г. словацкая пресса не опубликовала ни одной правдивой статьи о Советском Союзе. Но зато весьма часто публиковала статьи, или открыто враждебные нам, или сознательно искажающие существо нашей внешней и внутренней политики: характерным было отождествить советскую политику с политикой дореволюционной России [...] В начале сентября словац-

кое правительство организовало блокаду нашего полпредства. Все посетители задерживались полицейскими агентами и отводились в полицию для допроса. Дежурили одна-две полицейские машины беспрерывно. За сотрудниками полпредства установилась тщательная слежка [...] Само собой разумеется, что ухудшение отношений между СССР и Словакией в этот период произошло не по инициативе словаков, а по инициативе немцев и, возможно, здешних немцев. Не исключена возможность, что Киллингер (посол Германии в Словакии — В.М.) стремился добиться разрыва дипломатических отношений между СССР и Словакией (такие слухи позднее доходили до нас): во всяком случае, ясно, что даже одного лишь пребывания советского полпредства в Словакии создавало для немцев большие неудобства. Во-первых, мы являлись живым свидетельством их хозяйничанья в Словакии; во-вторых, наше присутствие в Словакии имело влияние на словацкий народ, настроенный в подавляющей своей массе резко антигермански. Чем больше усиливается германский гнет в Словакии, тем шире становятся ряды симпатизирующих Советскому Союзу. Немцы очень боятся нашего влияния в этой стране [...] Немцы в Словакии, как огня, боятся панславизма, который особенно характерен для словацкой интеллигенции [...] Словакия имеет для немцев большое значение, особенно на случай резкого ухудшения отношений между СССР и Германией. На этот случай немцы проводят в Словакии исключительно большую подготовительную работу. В частности, организуют белоэмигрантские круги, украинских националистов, начали проводить широкую обработку русинов из Прешовской Руси, организуют там фашистские группы. В Прешове в конце 1940 г. было открыто германское консульство. Можно с уверенностью сказать, что основная деятельность этого консульства будет направлена против Советского Союза. Учитывая изложенное выше, становится понятным, почему словаки не идут на развитие с нами широких хозяйственных и культурных связей. Надо полагать, что 1941 г. не сулит нам каких-либо существенных изменений в отношениях между СССР и Словакией, если последняя будет находиться в такой же зависимости от немцев, как сегодня.

Архив внешней политики РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 130–134

3. Донесение И.В. Сталину и Г. К. Жукову о ходе Карпато-Дуклинской операции

*38-ой армии 1-го Украинского фронта
Действующая армия 27 сентября 1944 г.*

Операция 38-ой армии первоначально была запланирована с целью выхода на словацкую границу и соединения со словацкими дивизиями и партизанами Словакии. Выход на границу Словакии был выполнен, но обстановка в восточной Словакии, ко времени выхода наших войск на границу, резко изменилась. Словацкие дивизии рассыпались.

В связи с задачами 2-го и 4-го Украинских фронтов сейчас характер операции 38-ой армии изменился — переросла в операцию, взаимодействующую со 2-ым и 4-ым Украинскими Фронтами*.

В связи с этим дальнейшие операции 38-ой армии в Словакии принимают затяжной характер по причинам:

1. Недостаточное количество привлеченных к операции сил и средств. Фронт выделить больше сил не в состоянии, учитывая отправку двух стрелковых корпусов и двух танковых армий в резерв Ставки и напряженность боев на плацдарме на р. Висла.

2. Горный характер местности не позволил со всей эффективностью в начале операции, после совершенного прорыва, использовать танковые и кавалерийские войска, и первоначальный полный прорыв обороны противника не получил поэтому глубокого развития.

За время операции [части] 38-ой армии, продвинувшись в глубину на 40 км, вынуждены были преодолеть с напряженными боями три хребта (отроги Карпат), идущих перпендикулярно фронту нашего наступления.

3. Неприспособленность и необученность нашей пехоты вести бои в горах, а также организация и вооружение, не рассчитанные на действия в горах, затрудняют и снижают темпы наступления.

4. Медленность наступления позволила противнику перебросить на участок нашего наступления дополнительно значительные силы — три пехотные и три танковые дивизии со средствами артиллерийско-минометного усиления. Всего же перед фронтом 38-ой армии действует шесть пехотных и три танковые дивизии.

В связи с этим бои приняли еще более напряженный характер, а темпы наступления снизились.

5. Материально операция обеспечена слабо. Фронт считается в обороне, поэтому лимит расхода боеприпасов, авиагорючего центральными довольствующего управлениями дается фронту только на оборону. Нет возможности использовать достаточно мощную артиллерию фронта, особенно гаубичную, а это основные предпосылки для действия в горах.

6. Малочисленность пехоты. Операцию 38-ая армия начала при укомплектованности дивизиями 4,5–5 тысяч.

За время операции армия потеряла около 20 тыс. человек, дивизии стали 3–3,5 тыс. человек.

Мало танков. Привлеченные для операции три танковых корпуса, в среднем по 60 танков на корпус, были укомплектованы почти исключительно ремонтными танками, которые в условиях гор быстро выбывали из строя и разбивались огнем противника. Потери в танках около 150 штук.

Противнику нанесены большие потери в людях и материалах. Противник вынужден в связи с большими потерями, чтобы остановить наше наступление, бросать с других направлений дивизии и давать пополнение.

Проводимая операция оттянула у противника все силы из Словакии, которые он бросил для подавления повстанческого движения, что дало время и возможности повстанческому движению в Средней Словакии организационно окрепнуть и собрать силы для дальнейшего сопротивления немцам.

Для фронта направление на Словакию является второстепенным — главное направление на Краков и севернее, где фронт и должен держать главные силы и средства и соответственно их готовить.

На второстепенное — словацкое направление в связи с затяжкой операции фронт, помимо запланированных сил и средств, вынужден был дополнительно израсходовать две стрелковые дивизии и два танковых корпуса и материальные средства, ослабив тем самым главное направление.

Для 4-го Украинского фронта правый фланг его — направление Прешов, Мишкольц — является главным, однако решительного характера операция на правом фланге 4-го Украинского фронта до сих пор не имеет.

Дополнительно привлечь еще силы и средства за счет главного направления 1-го Украинского фронта [командующий] не может. В этих условиях вытекает необходимость или прекратить операцию 38-ой армии или, если будет Ваше решение, продолжать операцию, выделить необходимые силы и средства: два стрелковых корпуса, пополнение, три боекомплекта боеприпасов для 38-ой армии со средствами усиления, 300 штук танков для восполнения потерь трех танковых корпусов и четыре тысячи тонн авиационного горючего.

*Конов***, *Соколовский****, *Крайнюков*****

*Карпато-Дуклинская операция 38-ой армии 1-го Украинского фронта и 1-ой гвардейской армии 4-го Украинского фронта переросла в Восточно-Карпатскую стратегическую операцию.

** И.С. Конов — маршал, командующий 1-ым Украинским фронтом

*** В. Д. Соколовский — начальник штаба 1-го Украинского фронта

**** К.В. Крайнюков — член Военного совета 1-го Украинского фронта

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 121–125 (Опубликован: Великая Отечественная война 1941–1945. Книга 3. Освобождение. М., 1999. С. 465–466).

4. Из докладной записки военного корреспондента «Комсомольской правды» С. Крушинского «К положению в Средней Словакии»*

Октябрь 1944г.

Повсюду царил порядок [...] По железной дороге в долине реки Грон от Зволена почти до самого Телгарта ходили поезда, в частности — пассажирские. В городах были открыты все магазины, включая цветочные; действовали электрические станции, водопровод, крестьяне убирали кукурузу и картофель. В Банской Быстрице издавалась часть газет и действовала радиостанция, в десятке мест рылись противотанковые рвы и сооружались другие укрепления, на дороге военные патрули проверяли документы, движение в освобожденном районе не только днем, но и ночью было безопасным [...] Для царившего здесь политического настроения самым характерным было чувство дружбы к Советской России и Красной Армии. Здесь видят в нас естественного, желательного и единственно возможного освободителя. Имеющихся здесь советских офицеров предупредительно приветствуют не только все военнослужащие, но также и жители (многие поднятием сжатой руки) [...] Я видел на улице американских и английских офицеров, они безусловно не встречали такого выражения симпатий. Офицерская столовая в Банской Быстрице украшена многочисленными флажками — чехословацкими, советскими, американскими, английскими. Наши флажки на самых видных местах. С несомненной искренностью население и солдаты ждут прихода частей Красной Армии. Если говорить об отдель-

ных частных политических заботах, как и сомнениях, то следует, прежде всего, указать на опасения многих интеллигентов, что они будут лишены материальных удобств. Предвидя будущую близость Чехословакии Советскому Союзу и не зная положения, какое у нас существует в действительности, думают, что произойдет немедленное и механическое уравнивание по беднякам, что будут пересчитаны скатерти, простыни и т. д. Крестьяне ждут выселения немцев и много говорят о прирезке земли за их счет. Здесь малоземелье, а немецкие колонии владеют лучшими землями [...]

Общее руководство вооруженными силами осуществляет генерал Голиан, осуществляет, как мне кажется, недостаточно энергично и властно, как бы стесняясь тех, кто считает его некомпетентным. Армия располагает несколькими десятками танков, точнее — танкеток устаревшего образца с устаревшими моторесурсами, при плохой броне и низких огневых качествах. Есть также авиационный истребительный полк (материальная часть — наша) и легкие бомбардировщики, вроде наших «У-2» с некоторым запасом 10 килограммовых бомб. Летчики — хорошие [...] Действия авиации были стеснены отсутствием авиабензина. Артиллерия и минометы — слабое место [...] Проходит мобилизация новых возрастов, уклонений от явки нет, если не считать единичных случаев [...] новые контингенты не обеспечены ни стрелковым оружием, ни обмундированием. Боеспособность словацких частей пока что была низкой. Солдаты оставляли позиции и разбегались под воздействием минометного огня. Первой причиной этого, после отсутствия боевого опыта, является слабость офицерского корпуса. Офицеры получили салонное воспитание. Слишком учтивы, слишком часто повторяют «нехсапачи» (пожалуйста), старшие не умеют приказывать младшим [...] Это зависит также от засоренности офицерского корпуса. Среди старшего офицерского состава (майор и выше) много таких, кто пытался сделать карьеру в войне против нас и изменил позиции не по внутреннему убеждению, а в силу необходимости (все равно Гитлеру уже не поможешь) [...] Люди этого типа все еще размышляют, а не слишком ли они поспешили со сменой вех. В среднем офицерском звене есть люди, связанные различными узами с черносотенцами — гардистами, поживившимися, в частности, за счет еврейского имущества. Рассадником вялости и так сказать «бледной немочи» является офицерский корпус Банской Быстрицы. Здесь много офицеров, свободных от каких бы то ни было занятий. Три раза в день они заполняют столовую Велительства Армады**, а обширный досуг отдают колебаниям [...] В Банской Быстрице, безусловно, больше офицеров, чем на всех секторах фронта [...] О событиях на линии фронта штаб в Банской Быстрице узнает с большим опозданием [...]

* С. Крушинский находился в служебной командировке на повстанческой территории Словакии с 27 сентября по 6 октября 1944 г.: побывал в городах Банска Быстрица, Зволена, Телгарт, в ряде сел, на передовых позициях, занимаемых частями словацкой армии, и у партизан, разговаривал с офицерами, солдатами, партизанами, крестьянами, представителями интеллигенции.

** Командование Армии

*Российский государственный архив социально-политической истории.
Ф. 17. Оп. 128. Д. 708. Л. 11–18*

5. Выступления И. В. Сталина на обеде в честь чехословацкого президента Э. Бенеша, записанные секретарем В.М. Молотова Б.Д. Подцеробом

Москва 28 марта 1945 г.

Первое выступление тов. И.В. Сталина.

Тов. Сталин сказал, что он слышал много славословий по адресу Красной Армии. Конечно, можно признать, не хвастаясь, что это действительно доблестная, храбрая и славная армия, но она имеет еще много недостатков. Это армия большая, она ведет большую войну. Вместе с людьми, обслуживающими её непосредственные тылы, она насчитывает приблизительно 12 миллионов человек. Эти 12 миллионов человек — разные люди. Не следует думать, что все они ангелы.

Красная Армия вступила в Чехословакию, и теперь чехословаки лучше узнают её, узнают и её недостатки. Красная Армия идет вперед, одерживая большие победы, но у неё еще много недостатков. Красная Армия прошла с боями большой путь от Сталинграда до ворот Берлина. Её бойцы прошли этот путь не как туристы, они прошли этот путь под огнем, и они победили немцев. Они думают, что они герои. Так думают почти все бойцы Красной Армии, во всяком случае большинство бойцов Красной Армии. Чем люди менее культурны, тем более они об этом думают.

Они считают себя героями и думают, что они могут позволить себе излишества. Они считают, что им простят эти излишества потому, что они герои. Они прошли под огнем неприятеля большой и тяжелый путь, и каждый из них думает, что может завтра его сразит вражеская пуля. Тов. Сталин сказал, что эти бойцы зачастую делают безобразия, насилюют девушек. Тов. Сталин сказал, что он хочет, чтобы чехословаки не слишком очаровывались Красной Армией, чтобы затем им не слишком разочаровываться. Он, тов. Сталин, хочет, чтобы чехословаки поняли психологию, поняли душу рядового бойца Красной Армии, чтобы они поняли его переживания, что он, рискуя все время своей жизнью, прошел большой и тяжелый путь. Тов. Сталин сказал, что он поднимает бокал за то, чтобы чехословаки поняли и извинили бойцов Красной Армии.

Второе выступление тов. И.В. Сталина

Тов. Сталин сказал, что он поднимает свой бокал за новых славянофилов. Он, тов. Сталин, сам является новым славянофилом. Были старые славянофилы, одним из руководителей которых являлся известный русский публицист Аксаков. Они выступали во времена царизма, и эти славянофилы были реакционерами. Они выступали за объединение всех славян в одном государстве под эгидой русского царя.

Мы, новые славянофилы, стоим за союз независимых славянских государств.

Первая мировая война разыгралась на спинах славянских народов. Мы видим, что и вторая мировая война идет на спинах славянских народов. Англия и Германия дерутся, а славянские народы проливают свою кровь.

Франция не воевала, она впустила немцев в свои пределы, и можно сказать, что она не подверглась оккупации. Бельгия и Голландия не воевали — они покорно легли перед немцами и подняли лапки вверх. Англия? Англия — на

островах и её положение особое. Кто пострадал от немецкого разбоя, от немецкой оккупации? Чехословакия, Польша, Югославия, Советский Союз. Болгария попыталась избежать этого, пыталась спасти себя, но не все у неё вышло благополучно. Вобщем получается, что «паны дерутся, а у холопов чубы трясутся».

Тов. Сталин сказал, что он ненавидит немцев. Но тем не менее, он, тов. Сталин, должен признать, что немцы — это сильный и способный народ. Они имеют неплохие кадры, военные, промышленные и другие. После поражения, которое они потерпят в этой войне, они попытаются возродиться в течение ближайших 15 лет.

Тов. Калинин воскликнул: «Реванш».

Тов. Сталин сказал, что да, немцы попытаются взять реванш. Тов. Сталин сказал, что просчитаются те, которые думают, что немцы этого не смогут сделать. Некоторые англичане опять говорят о равновесии сил. Если англичане будут полудрузьями Германии, то они просчитаются и проиграют на этом. Мы сейчас бьем немцев, побьем их и тогда, если и когда они вздумают поднять и разыграть новую войну. Но чтобы немцам не дать подняться и затеять новую войну, нужен союз славянских народов.

Мы, новые славянофилы, являемся коммунистами, если хотите — большевиками. Про нас думают, что мы хотим установить повсюду советский строй. Это не так. Когда Красная Армия пришла в Болгарию, то кое-кто пытался установить там Советы, но мы сказали, что этого не следует делать. Мы хотим, чтобы каждый народ имел тот строй, которого он достоин. Мы не собираемся вводить в Чехословакии советский строй.

Обращаясь к Бенешу, тов. Сталин сказал, что у него, Бенеша, на этот счет, вероятно, есть сомнения. Тов. Сталин сказал, что это право Бенеша. Но он, тов. Сталин, хочет, чтобы чехословаки поняли, что он говорит искренне и что он говорит то, что он думает.

В заключение своего выступления тов. Сталин поднял бокал за союз и дружбу независимых славянских народов, больших и малых*.

* Помимо записи Б.Д. Подцероба, существует запись этих выступлений И.В. Сталина, сделанная присутствовавшим на обеде наркомом танковой промышленности СССР В.А. Малышевым. Опубликовано: Источник. 1997. № 5. С. 127–128. По сути обе записи мало чем отличаются друг от друга

Архив Президента Российской Федерации. Ф. 45. Оп. 1. Д. 393. Л. 57–59

Опубл.: Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009. С. 411–412.

6. Из информационной сводки 7-го Управления Главного политического управления Рабоче-крестьянской Красной армии (ГлавПУ РККА) о настроениях населения в освобожденных районах Словакии

8 апреля 1945 г.

Наступление Красной Армии в Словакии сопровождается подъемом политической активности широких масс народа. Словаки радостно встречают наши войска и помогают им в приведении в порядок коммуникаций, перевоз-

ками военного имущества и продаж продовольствия. На многочисленных собраниях, митингах и беседах население подчеркивает родственность русского и словацкого народов и выражает глубокую благодарность Советскому Союзу за освобождение от немецко-фашистских оккупантов. Население проявляет живейший интерес к условиям жизни в Советском Союзе и перспективам государственного устройства в Словакии. Население Словакии выражает чувство дружбы и симпатии по отношению к Красной Армии [...] Жители заявляют, что видят в русских своих братьев [...] Все население заявляет о поголовном грабеже, произведенном немцами в селах. Немцы забирали все и при этом говорили: «Чтобы Ивану ничего не осталось» [...] Немцы всячески запугивали население приходом русских. Широко для этих целей использовались печать и радио. Надо отметить, что испытанные немцами приемы пропаганды не прошли бесследно. Если население не оказывало сопротивления нашим войскам, то все же известная часть словаков, особенно из числа интеллигенции, боялась прихода русских [...] Наряду с проявлением симпатий словацкого населения к Красной Армии имеют место и отрицательные факты. Признавая освободительную миссию Красной Армии, некоторые местные жители не желают нести тягот, связанных с войной [...] Некоторые жители жалуются на то, что с приходом Красной Армии пришла война, разрушаются дома и приносится материальный ущерб [...] Имеются случаи отказа продавать воинским частям продовольствие и фураж [...]

*Российский государственный архив социально-политической истории.
Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 1–5.*

Из беседы Михала Махачека с В.В. Марьиной, опубликованной в журнале «Слованский пршеглед» №2/2017

— *Ваша дипломная работа был посвящена Словацкому национальному восстанию. Как и почему Вы выбрали именно эту тему?*

— В 1949 году я училась на четвертом курсе, а в недавно открывшемся Институте славяноведения АН СССР торжественно отмечалась пятая годовщина Словацкого национального восстания. Нас пригласили на этот праздник. С докладом выступал И. И. Удальцов. Он имел военный опыт и со знанием дела говорил о том, как в СССР была сформирована 2-я Чехословацкая воздушно-десантная бригада

да. И именно это выступление и послужило стимулом для выбора темы дипломной работы.

— *В следующем году мы будем вспоминать 50-ю годовщину ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию. Как Вы и Ваши коллеги воспринимали происходившее?*

— Эта новость застала меня во время моего пребывания в санатории на Черном море. Меня это потрясло. Одновременно меня поразило то, что я не видела, чтобы это событие хоть как-то отразилось на окружающих меня на отдыхе людях. Когда я вернулась в Москву и увиделась с коллегами в Институте, то обнаружила, что большинство из них вторжение осуждало, но мы не проводили никаких публичных акций протеста.

— *Ваше мнение об этом событии не изменилось со временем?*

— Я по-прежнему считаю, что вторжение войск стран Варшавского договора в Чехословакию было позором и нанесло огромный ущерб отношениям между Чехословакией и Советским Союзом, между нашими народами. Эти раны долго заживали и оставили шрамы. Когда я стала ученым секретарем советской секции Комиссии историков СССР и ЧССР, я старалась приложить все силы для возрождения отношений между нашими странами и народами.

— *Вы занимались историей более семидесяти лет. Как вы понимаете роль историка в современном обществе?*

— Если коротко, то задача историка — познакомить людей с правдивой историей своей страны и других стран, без приукрашивания и независимо от официальных взглядов по тому или иному вопросу. На практике, увы, такие выражения как «история — учительница жизни» или же «нам есть, чему поучиться у прошлого» не применяются. Это большая ошибка! Человечество могло бы избежать многих ошибок, если бы оглядывалось назад и училось у истории. Я чувствую, что это особенно актуально сегодня, когда в мире вновь возрастает напряженность...

— *Что вы скажете о последних усилиях по созданию Словацко-чешского/Чехословацкого исторического института в Москве? Считаете ли Вы, что подобное учреждение имеет смысл?*

— Я приветствую любые новые платформы, на которых бы могли проводиться встречи, и мог бы быть построен диалог между историками наших стран, включая упомянутую организацию. Чешским и словацким историкам я желаю успеха в продвижении этой идеи. Я думаю, что при этом может возникнуть немало самых разных трудностей, но я верю, что вы быстро их преодолеете.

Перевод Анастасии Быриной

ПРЕДСТАВЛЯЕМ

ВЕРА ШВЕНКОВА

Известная писательница Вера Швенкова, прозаик, переводчик, публицист, родилась в Поппраде в 1937 г., где окончила школу, затем училась на философском факультете Университета Я.А. Коменского в Братиславе, после окончания которого в 1960 г. работала в литературных журналах «Словенские погляды», «Ревю световой литературы», «Литерарны тыжденик» и издательствах «Младе лета», «Словенски списоватељ», «Смена». В ее творчестве большое место занимает тема подтатранского края. Дебютировала сборником рассказов «Белая пани Зузана». На сегодняшний момент является автором двадцати книг, половину из которых составляют сборники рассказов (например, «Улыбка фараона», «Татранские романсы», «Горы совсем рядом» и др.), другую половину — романная проза («Кедровый бор», «Листья на ветру», «Слушай ветер», «Игры ветра» и др.), она также является автором серии детских книг о «разумной Аничке». По ее рассказам были сняты телевизионные фильмы «Стены» и «Кольца из повилки». Большой читательский успех имел сборник философских фельетонов «Краткий курс самообороны», который выдержал уже четыре издания. За свое творчество она получила немало

премий, среди которых Премия Ивана Краско (1974), ежегодная Премия журнала «Литерарны тыжденик» (2014), Премия журнала «Словенские погляды» (2015), Премия Литературного фонда в области детской литературы (2016).

«Татры не умеют защищаться» Интервью с Верой Швенковой

— Твое имя уже более четырех десятилетий присутствует в современной

словацкой литературе, у тебя есть интересные прозаические произведения и эссе,

книги для детей, ты занимаешься редакторской работой... А что было вначале?

— Вначале? Наверное, вначале была стенгазета в четвертом классе, она называлась «Почки» (сегодня, как редактор, я бы, наверное, исправила это на «Ростки»), а еще мое первое стихотворение, напечатанное в «Солнышке»¹. С раннего детства я много читала — все, что видела перед собой, календари, дешевые издания народных просветителей на газетной бумаге. Поскольку у нас любая деревня — это одна большая семья, то на меня повлияла история, написанная одним из наших родственников, уроженцем села Важец, Штефаном Рысулей «Любимцы Божьи» (*Boží oblíbení*) своей мощной социальной темой и особенно поэзией в прозе, которую так высоко оценил критик Йозеф Феликс. Каникулы я проводила у бабушки с дедушкой в селе Гыбе, и через уроженца этих мест Доброслава Хробака я пришла и к Франтишеку Швантнеру, который, помимо выдающейся прозы, писал также фельетоны; меня поразило, что он писал о человеке будущего как о создании с огромной головой и хлипким телом, а в моем окружении такими вопросами — что есть человек? каким он будет в будущем? — никто не задавался. В конце концов, ответа на них и не существует, философия, искусство пытаются его искать, и именно эти поиски, зондирование бурного моря жизни притягивает и автора, и читателя. Я благодарна судьбе, что смогла прочесть столько ценных книг и немного написать сама хотя бы для небольшого круга читателей.

— Ты начинала с прозы или с редакторской работы? В каких литературных журналах тебе больше всего нравилось работать в качестве редактора? И как обстоят сейчас дела в литературной жизни Словакии?

— Первое свое произведение я послала на конкурс в «Словенске погляды», только что закончив университет, и с тех пор довольно часто в этом журнале публиковалась. Меня радовало, что я в течение многих лет работала в нем, пусть и в качестве корректора, ответственного за языковую часть. Туда приходили такие большие личности — Матушка, Минач, Ян Штевчек, люди из Академии наук, а разговоры часто переносились в писательский клуб. Их страстные споры были моими университетами. Спустя время я получила, наконец, место редактора в «Ревю световой литературы», но из-за политического давления я сбежала оттуда и стала воспитателем в интернате. Так дети помогли пережить мне самые тяжелые годы. В новые времена я с удовольствием работала в издании «Литерарны тыжденик», который благодаря своим редакторам (начиная с Шабики и заканчивая Динкой) являлся локомотивом чахлой, не слишком высоко ценимой культуры. К сожалению, наше общество все еще по-прежнему политически раздроблено, а в политически поляризованном мире иначе и быть не может, и культура, которая теоретически должна объединять людей, особенно в случае малочисленного народа, страдает от этого, и существует очень мало людей, которые ищут выход из этого губительного кризиса.

— Я вспоминаю, как когда-то в шестидесятые годы прошлого века (как

¹ «Солнышко» (Slniečko) — словацкий детский иллюстрированный журнал. (Прим. переводчика)

летит время!) я оказалась в издательстве «Младе лета», с ним сотрудничало словацкое издательство «Култура» из сербского Петровца, которое послало меня туда по обмену, и мы там с тобой впервые встретились, две начинающие писательницы, у редактора Маши Галямовой. Как раз тогда ты устроилась редактором в «Младе лета», Расскажи о начале своего пути...

— Почти сразу после окончания университета я поступила на работу в «Младе лета», меня приняли в дошкольную редакцию. Я не верила своему счастью, когда меня посадили в один кабинет с Машей Галямовой. Нас объединяла любовь к Татрам, литературе, детям. Машенькины книги для детей свидетельствуют о ее отношении к ним, к природе, о том, как она сочувствовала всему живому. Она воспринимала как живое существо не только каждый нежный цветочек, выживший на раскаленном камне, но и сами эти татранские камни. Это объединяло ее с Миланом Руфусом, к которому мы частенько заходили. Оба эти мастера слова черпали свое вдохновение из чистых источников народной культуры, из «царства духовного, унаследованного от предков простыми, работающими и верующими людьми», как об этом говорил сам Руфус. В издательстве «Младе лета» я познакомилась со многими другими писательницами, это была дружба на всю жизнь или, по крайней мере, хорошие воспоминания. Например, много лет я ходила с Маргитой Фигули на воскресные прогулки. Она радовалась, что по телевизору по праздникам показывали «Тройку гнедых», но ее расстраивало, что «Вавилон», который в России выдержал

десять переизданий, на родине не издается, что люди мало читают, и заботы о хлебе насущном не позволяют им уделить внимание большим романам, заметить кризисные явления в культуре, которые ни о чем хорошем не свидетельствуют... Беседы с писателями, живыми классиками, стали для меня подарком судьбы. Я рада, что в то время и мы с тобой познакомились, как видно на этой старой фотографии.

— В твоём творчестве сейчас наблюдается подъем: недавно вышли три твои книги для детей, сборники рассказов. Ты всю свою жизнь писала об отношениях мужчины и женщины, часто ты возвращалась и к теме своего родного края. Они по-прежнему являются источником вдохновения для тебя?

— Толстой говорит, что все, посеянное в нас в первые, гениальные детские годы, мы затем несем в себе всю оставшуюся жизнь. Из окна родного дома я наблюдала «святые алтари царственных Татр», как писал Гурбан, я грелась в лучах человеческой доброты. Но война принесла с собой детские игры с гильзами от патронов, ночные набеги гардистов, найденные мертвые тела молодых солдат в придорожной канаве, и самое ужасное — впечатление о том, как партизанскую семью — беременную маму, родившую моего брата спустя пару дней после освобождения Попрада, и нас, двух сестер — поставили к стенке, и лишь чудом мы остались в живых. Меня не удивляло, что подобные впечатления описывали и другие писатели: Даниэла Пршиходова и поэт Войтех Кондрот. Дети войны!

Толстой писал, что человек «текуч», что в нем есть все: добро и зло,

любовь и ненависть, с течением времени на поверхность всплывают те или иные качества. О жителях Татр говорят, что они сопротивляются ветрам, как татранские горные сосны: пусть бури и снега пригибают их к земле, но в лучах весеннего солнца они вновь поднимаются. Во времена культуры потребления люди приспособляются, человеческий эгоизм берет верх, культура здесь бессильна. О жителях Татр писал критик Бело Каполка, который в молодости учил нас кататься на горных лыжах, забираться на вершины, где «исчезает земная серость, где все нужно оставить позади», как писал классик. Горы, где, согласно дедовским поверьям, встречаются духи неба и земли! Старики относились к лесу с благоговением, Татры они считали Божьим алтарем, но в моих рассказах от этого почти ничего не осталось. Что уж говорить об отношениях мужчины и женщины?! Это неисчерпаемая тема, человек не знает самого себя, так как ему понять другого? Насколько легко порой он поддается злым импульсам, часто поддерживаемым извне, ненависти, пренебрежению к слабым, злобе, идущей от неудовлетворенности... Потребление воспринимается как лекарство от всех болезней! На бумаге такая плоская жизнь выглядит банально, критика называет это женской литературой. Например, Павол Штевчик о книге Клары Ярунковой, получившей европейскую премию Андерсена, которую считают также малой Нобелевской премией (в Словакии всего пять лауреатов этой премии), писал так: «Ее эпизоды и сцены направлены в основном на чувства, на инстинктивные элементы психики. На слезоточивые

раздражители в нас». Было много подобной критики и в мой адрес, но в то же время была и похвала: Ян Штевчек писал, что я берусь за темы, за которые не отважится взяться даже мужчина. В последнее время я много занимаюсь детской литературой, описываю мир глазами ребенка, и это бесконечная череда чудес, которых взрослые уже напрасно ждут.

— *Возвращение к теме родного края сделало твою краткую прозу более лиричной и актуализировало жанр словацкого реалистического рассказа. За основу своих рассказов ты часто берешь сюжеты татранского края, то есть твоей родины, пишешь о людях, живущих там, чувственно и лирично, по-швенковски. Они являются символом противостояния неблагоприятной судьбе и особенно обрушившимся на них изменениям, происходящим в том мире и в той эпохе, в которых они живут...*

— Я живу в городе, но душевный покой ищу в родных горах, где находится «та магнетическая гора, которая притягивает к себе все словацкие души», как писал Гурбан, и не он один «мог до скончания питать свою душу видом на Татры». В моих высказываниях можно порой почувствовать восхищение теми выносливыми людьми, которые «смогли все выдержать», знали, что значит помогать друг другу в горе и в радости, что такое стойкость, верность данному слову, и в самую грозную пору были способны доверять своему соседу. Например, кежмарская война между городом и замком длилась двести пятьдесят лет! Свободный королевский город Спишска Собота, который гордится своим алтарем — произведением зна-

менитого Мастера Павла, — дал взаймы своему воюющему соседу огромную сумму на срок триста лет! Сегодня мы с ужасом ждем, что будет через год-два! Жизнь приносит все новые и новые сюжеты, разочарования и удивительные удачи, история каждого человека — это сюжет для рассказа или даже романа. По крайней мере, судьбы членов нашей семьи я отразила в рассказе «Листья на ветру» (*Listy vo vetre*).

Литература фиксирует, как пустеют подтатранские долины, вымирают деревни, люди уезжают в города, за границу, ищут новые возможности, не теряя при этом ни воли к жизни, ни даже чувства юмора. Что-то удалось зафиксировать: Ярошу — Липтов, Зелинке — реку Цироха, Шикуле — Малые Карпаты, Моравчику — Загорье, Баллеку — южные словацкие земли... Появляются новые авторы, не зря ведь у нас поэтическая славянская душа. Люди меняются, приспосабливаются или сопротивляются — как говорил Толстой, человек «текуч». И не только потому, что любит всем известные текучие напитки!

— За сборник рассказов «Белая пани Зузана» (*Biela pani Zuzana*) тебя наградили как дебютантку года Премией Ивана Краско. В своем первом романе «Кедровая роща» (*Limbový háj*) ты занималась темой Словацкого национального восстания. Затем последовало большое количество рассказов, по которым можно сказать, что тебя захватила и тема отношений между мужчиной и женщиной. С тех пор ты пишешь, в основном, об этом. Постепенно переходя к рефлексии, отражая одиночество современных людей, что

позже становится основной линией всей твоей прозы...

— За многие годы набралось много всего, и зерна, и пустых плевел, и до сих пор я живу за счет того, что роюсь в старых бумагах, в том, что когда-то писалось «в стол». Турбулентный бег времени приносит кризисы и в межчеловеческие отношения, человек словно утратил способность договариваться с другим человеком, и это отражается в политике, в повседневной жизни, в работе и даже в семье. Многие религии даже утверждают, что современного человека ад и чистилище уже не ждут после смерти, потому что свое наказание за грехи он отбывает здесь, на земле. Какое счастье, что он с утра до вечера работает и у него нет времени размышлять о том, не утратил ли он смысл жизни (как Гамлет, Вертер, Онегин, Чужой Камю или герой романа Слободы «Разум», который говорит о себе: «Я убитый человек»), у него нет времени читать классическую литературу, не говоря уже о современной. После этого марафона, продолжающегося всю жизнь, приходят старость, болезни, одиночество.... Мы живем все дольше и дольше и, вероятно, более комфортно, но все более и более одиноко. К счастью, в конце жизни у одинокого человека, наконец, появляется время глубже заглянуть внутрь себя и мира. Критический стариковский взгляд на мир авторы, как правило, оттеняют юмором, но мне это, к сожалению, не удается, поэтому литературовед, историк и критик Эва Фординалова назвала мой взгляд на мир «горьким реализмом».

— Литературный критик Владимир Петрик точно охарактеризовал

твое творчество: «Супружеские проблемы, отношения на стороне, семейный круг — вот главные темы в книжке «Причудливые самовлюбленности» (Roztarné sebalásky) прозаика Веры Швенковой. И все это на фоне сегодняшней ускоренной и разрушающейся реальности, в которой старые ценности уже не работают. Усталость, разочарование, супружеские стереотипы заставляют героев и героинь этих этюдов пускаться в авантурные приключения с новыми партнерами. В конце большинства из них ожидается очередное разочарование. При этом автор, скорее, выступает за возврат к первоначальным отношениям и за прощение». То есть ты не вмешиваешься в судьбы своих героев, а оставляешь их проживать свою жизнь в рассказе или романе?

— Владимир Петрик, один из немногих настоящих знатоков словацкой литературы, в самом деле точно угадал суть моих рассказов: поиски — возможно, напрасные — уверенности в непрочном мире. Как пишет Достоевский, человек — это загадка, и кто разгадает его суть за аккуратной внешностью, симпатичной улыбкой с мягким оттенком сарказма, гладкой речью, стилизованным портретом в социальных сетях? Сколько мудрецов пытались разгадать загадку по имени Человек, и что? В моих рассказах чаще всего речь идет о банальных сюжетах, в которых я — так же, как упоминавшийся Рудо Слобода — не раз исповедуюсь в собственных слабостях, неудачах, которые я могу приписать своим наивным или хитрым героям. И если многие из них переведены на иностранные языки (а в библиографии указываются переводы на одиннадцать языков), то

это значит, что с подобными проблемами люди сталкиваются по всему миру.

— Литературные критики высоко ценят и твою эссеистику, в которой ты касаешься очень широкого круга тем, и именно форма небольшой зарисовки делает их чем-то особенным... Видно, что ты и сейчас много занимаешься этим жанром, причем в основном печатаешь свои размышления в журнале «Литерарны тыжденик». Наша молодая современница, представительница словацкой диаспоры в Сербии Аннамария Болдоцка-Грбичова о твоих эссе сказала следующее: «Если бы я умела писать, то написала бы то, что написала Вера Швенкова. Ее мини-эссе — это на первый взгляд строгие и ужасающие диагнозы сегодняшнему дню. Я бы тоже хотела подписаться под этим, если бы мне удавалось достигать такой же емкости и лаконичности выражения, такой широты тем, точного определения проблем, ироничного высказывания, подкрепленного доказательствами и ссылками». Что скажешь на это?

— Издать свои эссе в форме книги меня подтолкнул Ян Ленчо, выдающийся прозаик и, помимо прочего, автор недооцененного романа «Одиссей» (*Odyseus*). Эссе были моей формой протеста против эпохи, безоглядно нацеленной на прибыль любой ценой, где правда слабого считается ложью, а бедность усиливается. Не удивительно, что вновь вышли книги Франё Краля «Яно» и «Дети Ченковой»! Мелкие журналистские материалы, скорее даже философские фельетоны я пишу и сегодня, они позволяют распространять мысли из умных книг, которые попадают мне в руки (я опираюсь на цитаты из произведений всемирно

известных философов, политиков, литераторов), размышлять о том, куда идет общество, предупредить об опасности... Татры не умеют защищаться! После выхода «Ускоренного курса самообороны» (*Rýchlokurz sebaobranu*) в 2001 г. Павол Штевчик в журнале «Словенске погляды» написал, что поражается смелости авторов — Даны Подрацкой и Веры Швенковой. Поэтому меня радует, что вышло уже четвертое издание книги (издательство SEN, 2017), для нас это успех.

— *Каким ты видишь сегодняшнего художника, когда искусство и творчество ни для кого уже ничего не значат, когда писатель и вообще художник оказался на самом краю общественного интереса. Во многих странах художник все еще является «уважаемым гражданином», и его творчество ценится как культурный вклад. Но словацкий автор вынужден чаще всего сам продвигать свое творчество, и если издательство чудом все же издает его книгу, то за нее он вместо гонорара получает, прямо скажем, милостыню, за которую ни одна телезвезда даже из дома не выйдет и расценил это как оскорбление!..*

— Где-то здесь и кроется корень наших бед. У многочисленных народов нет таких проблем, писатель выживает за счет больших тиражей. У нас поэты шутят: «Я получу за стихотворение из двадцати строк двадцать евро, а если на корпоративный праздник пригласить прочесть его известную артистку, то она попросит двести евро, а если его споет популярный певец, то получит за него уже тысячи!» Политики поддаются ошибочному мнению, что во времена экономических перемен не остается денег на культуру. Это отражается на всем: на по-

литике, на образовании, мы расплачиваемся за это в нашей повседневной жизни. Поэтому считаю настоящим чудом, что благодаря самоотверженности представителей Союза писателей, редакторов и авторов еще удастся удерживать на плаву хотя бы «Литерарны тыжденик». Не зря существует поговорка: «Бедный, как словацкий писатель!» К счастью, нить не прервалась, народный характер не переломить, и ежедневно появляются все новые и новые книги на полках книжных магазинов, открываются выставки произведений искусства. И хотя мы видим наши потери, но в то же время наблюдаем и успехи художников, врачей, техников, ученых во многих научных областях... Это та непобедимость, унаследованная от предков, о которой пишет Милан Руфус.

— *Раз уж мы говорим о сегодняшнем дне, эпохе, которая сторонится многих табуированных тем, таких как старость, страдание, болезни, одиночество, любовь, традиционное воспитание, семейные отношения, не кажется ли тебе, что авторы, которые пишут на эти темы, в нашем обществе не в большом почете?*

— Все это так: мир развлекается! Мы не хотим думать о серьезных или даже грустных вещах. Девиз дня: бери все, что сможешь, что доступно без всяких усилий, ведь тебе и так приходится много трудиться в рабочее время! Словацкое телевидение идет навстречу плохому вкусу, развлекательные программы повышают рейтинги. Мы будем смеяться, пока не лопнем от смеха, даже понимая, что смеяться осталось недолго. Как пишет апостол Павел, там, где идет сражение, господствует страх. Ежедневно

в новостях нам рассказывают о военных конфликтах, о количестве жертв, страх нарастает, а мы живем здесь и сейчас, и о том, что будет завтра, лучше вообще не думать. При этом в мир, израненный человеческой беспощадностью, приходят прекрасные, доверчивые дети... Поэтому я думаю, что писать нужно, даже если это будет лишь для нескольких человек. Меня радует, что становится больше критически размышляющих авторов, которые указывают на упадок культуры и духовности, на необходимость перемен.

— Ты перевела около тридцати книг с немецкого и английского, в основном из детской литературы. По мотивам сюжетов твоих книг Словацкое телевидение сняло фильмы «Стены» и «Кольца из повилики». Ты довольна результатом?

— Переводы были всегда вопросом случая, я не переводила серьезных авторов, потому что ограничилась переводом книг для детей, в том числе сказок и стихов. Это благодарная работа! Я смогла использовать переводческий опыт при написании своей серии детских книг о разумной Аничке. Писать для детей значит вновь открывать для себя мир, красоту слова. Упоминавшийся уже Толстой признается, что за всю свою жизнь не получил и сотой доли того, что получил в детстве. Умения и дурные привычки сопровождают нас с детства и всю оставшуюся жизнь, в раннем возрасте мы учимся любви или равнодушию к людям, к окружающему миру. И в моих детских книгах большую

роль играет природа, которая украшала мое детство, которая трогала меня в произведениях всемирно известных авторов: Пришвина, Торо, Вордсворда, скандинавских авторов, из философов, например, Спинозы, для которого природа была чем-то божественным, и потому Новалис назвал его «упоенным Богом», а также Шеллинга, который воспринимал природу как этап духовных процессов. Режиссеры телевизионных фильмов, снятых по моим книгам, поняли мои идеи, и все снималось на лоне природы, которая присутствует внутри каждого из нас, за что я им благодарна.

— Открой секрет, над чем ты сейчас работаешь, к какой теме хотела бы вернуться, что тебя, как художника, давно волнует, но до сих пор не было на это времени?

— Тем много — и новых, которые приносит время, и старых, отложенных в ящик стола, но, как говорится в названии одной моей книги, «День краток» (*Deň je krátky*). Я хотела бы продолжать писать эссе или даже, скорее, фельетоны, это своего рода дневники читателя, они о том, что освещает мою душу (сколько мудрых людей жило на свете!), позволяют реагировать на перипетии и хитросплетения общественных событий, на актуальные проблемы... Я готовлю историю, одну из тех, что пролежала в ящике стола с 1968 года, под названием «Голубой период» (*Modré obdobie*) и сборник рассказов «Голубая горечавка» (*Modrý encián*), а еще хотела бы продолжить серию книг о разумной Аничке.

Интервью подготовила В. Бенкова
Перевод Анны Песковой

ГОЛУБАЯ ГОРЕЧАВКА

Противно звенит будильник, будто где-то рядом жужжит шершень. Опять я проспала. Без завтрака и даже не взглянув на себя в зеркало, она выбежала из дома, проигнорировала осуждающий взгляд начальницы: это уже слишком — вычту из твоей зарплаты, уволью тебя с работы.

Да, это уже и вправду слишком, вся эта жизнь меня достала, ругалась она сама на себя, пока приходила в чувства в те утренние часы на работе, пока покупателей еще мало. Что-то съесть, привезли свежую выпечку, украдкой выпить кофе, при- тащить со склада побольше тяжелого товара, чтобы заслужить прощение началь- ницы, переломиться от услужливости.

— Что с тобой, девочка? — обратилась к ней начальница Вера во время обе- денного перерыва. — Посмотри на себя, как ты выглядишь!

А как я могу выглядеть — недовольное выражение лица, ненакрашенная, во- лосы кое-как стянуты резинкой, мятый рабочий халат? Начальница вся прямо светится, халат у нее накрахмаленный, выглаженный, волосы старательно уло- жены, на лице хороший крем, а ногти, как из салона красоты. Образ довольной замужней женщины и матери. А что я? Глупый вопрос: часы, тянущиеся среди полка с товаром, да такой день нужно убить или хотя бы залить алкоголем.

Она позвонила Добожке:

— Подруга, а что если нам вечером куда-нибудь сходить?

— Боже, ты все еще продолжаешь? Когда это закончится?

— Пока не уволят, — рассмеялась Зузана. — В семь в «Горечавке»?

— Я плохо себя чувствую... — жалуется Добожка. — Голова болит...

— Выпьешь бокальчик красного, и мир покажется в розовом цвете, — наста- ивает Зузана.

— Может быть. — И с укором добавляет: — Что с тобой делать?

Вечер развивается как обычно: Добожка рыдает, что у нее нет денег. Никак не удастся дотянуть от зарплаты до зарплаты. Зарабатывает мало, а все, что зараба- тывает, быстро разлетается. Она замечает, какие блюда официант принес за сосед- ний стол, и глотает слюнки. Добожка! На каждой перемене она бегала из школы в ближайший магазин за шоколадными батончиками. Отсюда и ее имя Добожка¹. Она долго мужественно сопротивляется, отводит взгляд, мол, нет, она не будет есть, уже неделю она на диете, но после второго бокала теряет выдержку, ведь каждый имеет право чувствовать себя человеком, Зузанка, дашь взаймы? Только пару крон, жареный сыр с картошкой и татарским соусом...

¹ «Добожка» (слов. *Doboška*), или Торт «Добош» — знаменитый шоколадно-карамельный торт, на- званный по имени своего автора, венгерского кондитера Й. Добоша. (Прим. переводчика)

Зузана, как всегда, дает займы, правда, сама она есть не будет, но пить будет много, вечер длинный. Утром она не помнит, как Добошка дотащила ее домой и каким чудом она очутилась в постели. На работе у нее кружится голова, она вынуждена следить за своими ногами и руками, не разговаривать и не жестикулировать, чтобы никто ничего не заметил.

Начальницу не обманешь:

— Зря ты это делаешь, Зузана, опомнись! Задумайся, как ты живешь!

— Живу, как умею.

— Алкоголь уничтожает человека. Это не дело.

— Да ладно. Прямая дорога в ад, — иронизирует Зузана.

— Ты сорвалась и тебе несет вниз по течению. И если ты не зацепишься за какую-нибудь соломинку...

— То-то и оно, — усмехается Зузана, ее выдает голос и дрожащие руки. — Где эта соломинка?

— Девочка моя, не искушай судьбу!

Начальнице легко говорить. У нее заботливый муж Милан, по нему видно, что он человек семейный. Он не раз шутил, что если они ругаются и он грозит, что разведется, то сразу думает: «Так разве я смогу? Никогда не допущу, чтобы моих детей воспитывал чужой человек!»

Начальница вьется вокруг покупателей, очаровательная улыбка, ямки на щеках. Что она знает о вечерах в одиночестве, о том чувстве, когда человек никому не нужен? Она никогда ничего подобного не испытывала. Даже не представляет себе, какой это ад депрессия, что такое бессонные ночи. Люди ложатся и спят себе, ни о чем не думая.

Добошка отказывается идти кутить вечером, вчерашнего вечера ей хватило, нужно выспаться. Плохо себя чувствую, голова болит. Да и на диете я, а ведь знаешь, как мучительно на пустой желудок смотреть, как люди впихивают в себя еду, вдыхать ароматы мясных нарезок или жареной печенки? Для этого требуется огромная сила воли!

Зузане по большому счету все равно, какие яства подают в «Голубой горечавке». От еды ее просто воротит.

Ну, что делать, она пойдет одна. Сначала будет притворяться, что ждет подругу, может, кто-нибудь и подсядет к ней.

В зале ресторана почти никого не было. Пара пенсионерок пила свой вечерний кофе, какие-то туристы. Она достала сигарету, и пока крутила ее в пальцах, пробежал владелец ресторана и ловко дал ей прикурить.

— Благодарю.

— Позволите? Могу я присесть?

Владелец — это совсем не то, что обслуживающий персонал, которому запрещено садиться.

— Пожалуйста.

— Вы ждете подружку?

— Угу.

— Симпатичная девочка. А что с вами? Почему такая грустная?

— Откуда вы знаете, что я грустная?

— Вчера вы тут почти плакали...

Черт возьми! Что там было вчера! — ругала она себя. Этого больше не повторится. Нужно сохранять достоинство.

— Не всем так хорошо, как вам, — лучшая защита — нападение.

— А почему вы думаете, что мне хорошо?

— Вы богатый, у вас такой ресторан...

— Милая моя! Мои предки были богатые, это да. Здесь у них была своя фабрика. Даже много фабрик. Одна из них по производству фарфора знаменитой марки. Марка «Голубая горечавка», если вам интересно.

— Так же вы называли и ваш ресторан?

— Конечно. В память о былой славе.

— Кажется, я его где-то видела. Серо-голубая тарелочка под мрамор...

— Тарелочки, вазы, чайные сервизы, сахарницы... Парочка есть даже в городском музее. Серо-голубая основа с белыми прожилками, напоминающими мрамор, и на каждом экземпляре цветочек горечавки во всей красе — голубой колокольчик с желтыми тычинками, очень благородно. Разве может с этим сравниться моя убогая забегаловка? Мы живем совсем в другие времена! Я скажу вам, не такая уж большая радость зарабатывать на пьяницах!

Зузану это окончательно добивает. Конечно, сюда заходят только пьяницы. Лучшее общество для меня.

— Что закажете? — бодро продолжает директор. — Сегодня я вас угощаю. Красное, конечно. И что-нибудь из еды? Нехорошо отказывать, когда угощают!

Ей бы следовало уйти, но вместо этого она долго ковырялась с жареным сыром и картошкой, слушая жалобы в целом симпатичного мужчины, думая о том, что и этому стареющему и толстеющему человеку известно, что такое одиночество, как оно отравляет существование, лишает человека радости и любви к жизни, и у него остается лишь любовь к работе, как любит говорить она с долей иронии.

Она позвонила Добошке, и та, совсем больная, жертвуя собой, пришла спасать тонущую подругу. Директор исчез за занавеской, приходите чаще, дамы.

— Симпатичный мужичок, — оценивает директора Зузана.

— Да ладно?! Смотрю, он тебе нравится?!

— Он знает, чего хочет. Заботится о реликвиях, семейном фарфоре. Его именем назвал свой ресторан. Сохраняет честь семьи.

— Честь, хорошая репутация... Он прав, нужно печься о хорошей репутации. Нам уже свою не сохранить, подружка. Не знаю, какое пойло мы пьем, но иногда у меня ощущение, что я ослепла. Темно в глазах. Нужно прекращать. Вчера я ел дотасила тебя до дома.

К счастью, рядом с кроватью у меня имеется запас выпивки, вспомнила Зузана перед сном.

Напрасно утром жужжал опасный шершень. На работе она уже так просто не отделяется.

— Посмотри на себя, Зузана! Кости да кожа, как щепка! Так дело дальше не пойдет! — ругала ее начальница. — Мне бы надо было тебя уволить за пьянство! Если ты не опомнишься, плохо кончишь! Водка помогает ненадолго забыть все плохое, но за это берет большие проценты!

Поток слов продолжается, Зузана предпочитает выключить звук. Начальница говорит о болезни, что нужно лечиться, советует хороших врачей, наркологические клиники, которые многим помогли, или хотя бы хорошего психиатра или психолога, ужасные, унижительные разговоры, после которых нужно выпить. Тебя уволят, уволят, уволят, кончишь свои дни в подворотне!

Зузане противно от самой себя. Опомнись, девочка, гудят у нее в ушах слова начальницы. Каждый в жизни чего-то добивается, к чему-то стремится, а ты? А ТЫ, А ТЫ, А ТЫ? Она словно видит эти слова перед собой, крупно написанные на плакате. По ночам она просыпается, во сне к ней приходит обезумевшая от ярости мать: дома столько дел, а я все сама, ваш отец, вечно пьяный, по дороге из кабака поет песни, а дома впадает в бешенство! Мать изливает свою злость на детей, и единственное чувство, которое Зузана с раннего детства испытывает по отношению к матери, — это страх. Когда она получит по спине половником, ремнем, шваброй? Нужно было крутиться, экономить, чтобы построить собственный дом, хотя у нас не было никого родных, никого, кто бы нам помог, все своими руками, в том доме я заработала свои мозоли. «Моя мать...», — говорила она, оправдываясь за что-нибудь в школе, но учительница прерывала ее: «Не говори мать, нужно говорить мама. Мы должны любить и слушаться родителей».

Конечно, проблема во мне. Мать перевернулась бы в гробу, если бы увидела, как разрушается дом от ветра и времени, как бурей с крыши унесло несколько черепиц, потолок протекает, на стенах плесень. В больнице, незадолго до судьбоносной операции, мать настаивала, чтобы в случае, если дом, который она переписала на сына, когда-нибудь продадут, они разделили деньги поровну. Она понимала, что не дождется помощи от сына, он смылся, и о ней заботится одна Зузана. Брат согласился, но после маминой смерти пошел на попятную: у меня на все есть бумаги, можешь судиться, сколько хочешь, ничего не добьешься, дарственная составлена на мое имя! Лучше пусть дом ветшает. О, эта прекрасная братская любовь!

— Да наплой ты на это! — утешает ее за бокалом вина Добошка. — Оставь прошлое за спиной, живи здесь и сейчас! Радуйся, что ты жива, дорожи каждой минутой!

Зузана кивает.

— Ну, да. Все вы правы. Только с бокальчиком-то жить веселее. Естественное успокоительное, сразу становится легче. Забываешь о страданиях, еще и с алкоголиками вместе песни можешь попеть!

— Жалкое пение, отчаянное завывание, — ругается Добошка. — У меня от этого в ушах гудит! Признайся себе! Ты пьешь, потому что нервничаешь. А нервничаешь, потому что голодная. Ты худая, как палка! С этим надо кончать!

— Ну, да, — покорно соглашается Зузана.

— У всех свои проблемы. Со мной уже все. Чего-то я подцепила, — призналась Добошка.

— Да ладно! Ты в интересном положении?

— Если бы! Что-то... не очень хорошее. Что-то с головой. Наверное, от этого у меня бывает темно в глазах.

В тот вечер Зузана напилась вдребезги. Жизнь несправедлива. Это уже не заезженная повседневность, а какой-то дурной сон. Начальница, улыбчивая пани Вера, ее по-матерински увещевает. Зузана не перечит, но уже не принимает всерьез слова начальницы. Кому-то легко говорить! Сытый голодного не разумеет! Я несправедлива: начальница меня бескорыстно поддерживает, это нужно признать. Сколько раз я брала из кассы мелочь, она об этом знала, но не делала из этого скандала, мне даже от этого становилось стыдно, это заставляло меня всегда возвращать все, до последнего геллера. А что я вытворяла своей матери? Курение, наркотики, а если не это, то дешевые суррогаты, мелкие кражи, сопротивление всему и всем, мучила ее, ничего удивительного, что она все подарила брату! Все, что у нее было, передала ему. Наркоманке, черной овце в семье, нельзя доверять и деревянного кола, она и его пропьет.

Она была права. Ведь я даже самой себе не доверяю. К счастью, алкоголь всегда гарантировано усиливает пошатнувшуюся уверенность в себе. И хотя действует он быстро, но, к сожалению, недолго. Быстро испаряется.

Когда Добошку госпитализировали, он пошла в церковь. Боже Всевышний! Боже Всевышний!

— Слушай, я кое-что тебе пообещаю, — говорит бледная больная. — Если я выкарабкаюсь, мы будем действовать по-другому. Купим красивые платья, вечером сядем на открытой террасе кафе на площади, купим себе мороженое... Алкоголь уже в прошлом! И тогда, возможно, ты подцепишь владельца «Горечавки», раз ты так о нем мечтаешь...

Ей не было понятно, это ночной кошмар или она и вправду очутилась на улице, где прошло ее детство. Опустевший домик, накренившийся забор, за ним заросли сорняков. Мамины мозоли. Всю жизнь она пахала, как раб, чтобы хоть что-то скопить, а теперь все приходит в упадок.

Она взялась за ручку, дверь была закрыта. Назад ничего не вернуть.

Ноги сами несли ее на кладбище, возможно, тем самым она накликала беду. «Боже Всевышний, прими рабу свою», — нараспев молился священник над гробом матери. Те же слова сопровождали удары комьев земли о крышку гроба Добошки. Боже Всевышний! С ума можно сойти.

Начальница понимает ее, снисходительно относится к ее опозданиям. Когда человек страдает, то и ночи бессонные, и утра ужасные. Подозрительно принимается к воздуху около Зузаны — никаких следов алкоголя.

После работы она не идет, как обычно, пить, а бесцельно бродит по городу. При взгляде на мороженое у нее начинаются рези в желудке. Спусти какое-то время — сколько дней или недель прошло? — приходит в себя, будто кто-то приказывает ей, что нужно подтянуться, накрахмалить и выгладить рабочий халат,

покорно зайти в парикмахерскую, купить новую одежду. Это должно показать, что продавщица, теперь вовремя приходящая на работу, стала новым человеком. Она стаскивает рваные джинсы и растянутую футболку, покупает платье, подчеркивающее женственность, делает сдержанный макияж и идет по городу, легко ступая, как ни в чем не бывало — хорошо исполненная роль.

В магазин зашел директор ресторана.

— Что нового в «Голубой горечавке»? — спрашивает его начальница.

— Все, как всегда, пани Вера, как всегда. Милан вам обо всем расскажет, он у нас частый гость...

— И не говорите! Дети нуждаются в его внимании, а его все тянет к друзьям...

— Такие уж они, мужчины, пани Вера, такие!

— Меня это расстраивает, вечно я срываюсь, но... Я вынуждена давать ему немного свободы, иначе бы дома случилась революция!

— Свобода — вот в чем секрет. Потому у вас идеальный брак, и каждому это видно. Милан не даст в обиду семью. Скажите, пожалуйста, где бы мне найти такую жену, как вы? Не посоветуете мне такую?

— Как-то плохо вы ищете, раз все еще не женаты, — смеется начальница.

Зузана собирает товары по списку в заказе, потом все выносят и грузят в стоящий у входа грузовик.

— Будто у него никого нет! — роняет после его отъезда начальница. — Все знают, что он спит с поварихой. Не женится он, ни одна для него недостаточно хороша. Вот мужчины!

После смены Зузана идет вдоль реки. На другой стороне за мостом светится надпись «Голубая горечавка». У нее подкашиваются ноги. Нет, в тех краях ноги ее больше не будет по собственной воле. Она разворачивается и медленно направляется к площади, где прогуливаются толпы людей, садится за столик на террасе кафе и заказывает мороженое.

Перевод Анны Песковой

КУЛЬТУРА СЛОВАКИИ

«НАД ТАТРАМИ СВЕРКАЮТ МОЛНИИ...»

Текст песни «Над Татрами молнии сверкают» написал 23-летний студент браτισлавского лицея Янко Матушка на мотив народной песни «Копала колодец»¹. Он сочинил этот текст ориентировочно в период между 1 января 1844 г. и 5 марта 1844 г.

Песня возникла в знак протеста против увольнения из лицея преподававшего там Людовита Штура.

Рукопись текста Матушки не сохранилась: более того, не сохранилось даже личного подтверждения его авторства — впрочем, на тот факт, что текст песни сочинил именно он, указывают свидетельства его однокурсников. Текст возник в качестве непосредственной реакции на решение браτισлавского евангелического конвента. Фактически организация, являвшаяся учредителем лицея, постановила 31 декабря 1843 г. уволить из лицея Людовита Штура, преподавателя, который вел семинары по языку и литературе для словацких студентов. Допрашивать Л. Штура начали уже в июне 1843 г., поскольку он

Янко Матушка (1821–1877)

вместе с другими словацкими евангелистами составил петицию касательно усилившейся мадьяризации в богослужбной сфере — петиция была подана

¹ Словац. Kopala studienku.

непосредственно на имя императора¹. Песню, которую Янко Матушка написал в знак протеста против отстранения Штура от преподавательской деятельности в лицее, студенты многократно исполняли на своих собраниях, где они пытались решить, как следует реагировать на сложившуюся ситуацию. Несогласие с отстранением Штура и *de facto* с исключением словацкого языка из образовательной программы достигло своего апогея 5 и 6 марта 1844 г., когда двадцать два студента демонстративно отчислились из лицея. Тринадцать из них перевелись в лицей в Левоче, остальные уехали домой и заканчивали учебу индивидуально. К числу этих двадцати двух студентов принадлежал и Янко Матушка. Его однокурсник Йозеф Подградский стал свидетелем рождения песни. В своих воспоминаниях он пишет:

Янко Матушка жил недалеко от *Fürsten-Allee*, на небольшой улочке, в третьем доме от Палковича. Когда он сочинял свою песню «Над Татрами молнии сверкают, дико бьют громы» и т. д., я параллельно подыгрывал ему на гитаре. Так мы развлекались в свободное время (как утверждает историк литературы Ян В. Ормиш, профессор Ю. Палкович жил на теперешней Йозефской улице).

Нам известны лишь варианты (*zastavme ich, bratia* «остановим их, братья»; *postavme sa* «остановимся, братья»; *nebojme sa, bratia* «не будем бояться, братья»...)

Оригинальный текст Янко Матушки до нас не дошел, он сохранился лишь в чужих копиях, которые к тому же различаются между собой, поэто-

му утверждать, какая версия является исходной, сложно. К числу наиболее ранних сохранившихся списков относится текст 1844 г., включенный в дневник однокурсника Матушки Вилиама Паулини-Тота (текст был найден П. Вонгреем), а также текст 1844 г. из анонимной тетради, который посвятил «сестре своей брат Янко» (был найден Я. Виликовским). Текст песни вышел из печати в первый раз в 1849 г., еще одна версия появилась в 1851 г. в народном календаре под названием «Домашняя сокровищница». Гармонизацию песни опубликовал в 1864 г. композитор Ян Левослав Белла. По составу данные записи относительно различаются. Какая версия была исходной и кто какие изменения внес — неизвестно. В течение всего этого периода Янко Матушка одиноко проживал на Ораве (он умер в 1877 г.) и неясно, как он к этим вариантам относился. Различаются сами зачины вариантов:

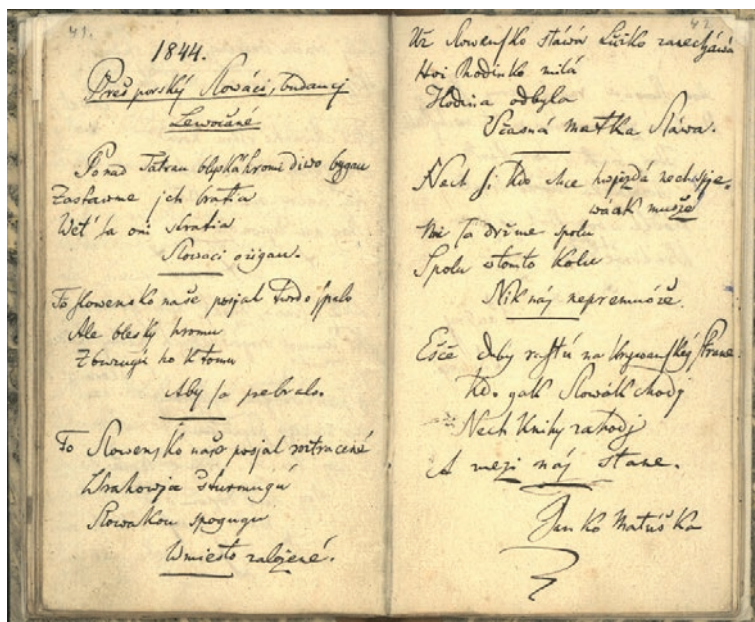
Ponad Tatru blýska,
hromy divo bijú,
zastavme ich, bratia...

«По-над Татрами сверкают молнии,
дико бьют громы,
остановим их, братья»
(запись В. Паулини-Тота)

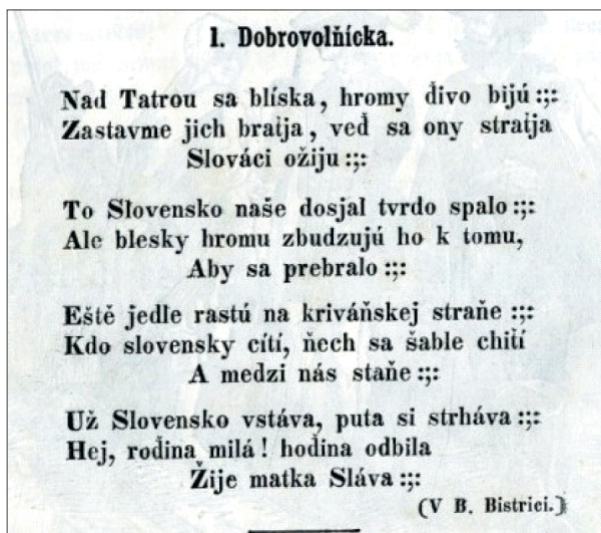
Ponad Tatru blýska,
hromy divo bijú,
postavme sa, bratia...

«По-над Татрами сверкают молнии,
дико бьют громы,
остановимся, братья»
(анонимная запись «брата Янко»)

¹ Так называемый *prestoný prospopis*.

Текст песни в дневнике В. Паулини-Тота (Словацкая национальная библиотека)

Текст в «Домашней сокровищнице» (Словацкая национальная библиотека)

Nad Tatrou sa blýska,
hromy divo bijú,
zastavme ich, bratia...

Nad Tatrou sa blýska,
hromy divo bijú,
nebojme sa, bratia...

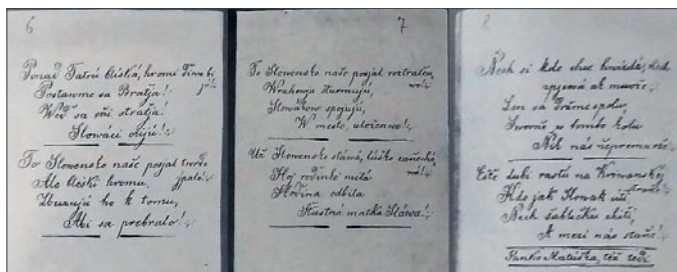
«Над Татрами сверкают молнии,
дико бьют громы,
остановим их, братья»

(текст из первой
опубликованной версии)

«По-над Татрами сверкают молнии,
дико бьют громы,
не будем бояться, братья»

(текст песни,
гармонизованной Я. Л. Беллой)

Перевод Дарьи Анисимовой

Текст песни в сборнике «брата Янко»
(Из собрания Д. Орла, архив Ученого общества им. П. Й. Шафарика)

Rúzne.

TENORI. Nad Ta - trou sa blý - ska, hro - my dí - vo bi - jú.

BASSI. nad Ta - trou sa blý - ska hro - my dí - vo bi - jú. Ne - boj - me

sa hra - tia, veď sa o - ny ztra - tia: Slo - vá - ci o - zi - jú.

Версия композитора Й.Л. Беллы

(Перепечатано из газеты «СМЕ» от 11 марта 2018 г. Роман Кебисек)

ОРАВСКИЙ ЗАМОК

Одним из замечательных творений словацкого средневекового зодчества является Оравский замок (Oravsky hrad — Оравский град). Он расположен вблизи города Оравски-Подзамок на северо-западе Словакии, на берегу реки Оравы на 112-метровом известняковом скалистом утесе. Замок как бы висит над рекой, и именно это расположение дало ему еще одно название — «орлиное гнездо». Замок находится в очень красивом и живописном месте. В любое время года поражает великолепный вид, который окружает замок со всех сторон. С его древних балконов и площадок открывается красивейшая картина долины реки Орава, городка Оравски-Подзамок. История замка уходит своими корнями в XII-XIII вв. Он был построен с целью защиты северо-западных рубежей венгерского королевства. Кроме того, здесь осуществлялась и таможенная функция по изъятию «лишних» денег у купцов, везущих свой товар по реке Орава.

Замок является одним из самых крупных крепостных комплексов Европы. Это великолепное сооружение построено в различных архитектурных стилях: от романского, готического, до ренессанса, барокко и романтизма. Его строительство началось в середине XIII в. и завершилось в XVII в. Оравский град — это эффектная композиция из трех отдельных построек — трех уровней. Строился замок сверху, т. е. самый древний — верхний уровень. Строение состоит из двух этажей, огромных и длинных. По всему периметру расположены окна, для обороны и света, и небольшие углубления в толстых стенах, похожие на альковы, оборудованные скамьями и креслами. Второй и третий уровни замка строили гораздо позже, и это заметно. Они не такие суровые, всюду лесенки и подъемы. Это уже можно назвать жилым дворцом, хотя везде есть башенки для обороны с пушками и складами

оружия. Всюду уютные внутренние дворы, хотя и видно, что созданы они были с учетом обороны. За главными воротами есть низкий арочный проход, который ведет в замок. Крепость имела важное стратегическое значение: защита торговых путей. Однако за все время своего существования она никогда не была захвачена врагами. Археологическая и историческая экспозиции, представленные в интерьерах замка, дают представление о более чем пятивековой боевой истории крепости. Об истории замка рассказывают экспозиции Оравского музея (точнее, ряд музеев: этнографический, археологический, музей природы и т. д.), который относится к числу самых старых музеев в Словакии (основан в 1868 г.). Прежде всего здесь представлена экспозиция исторического отдела, где до мельчайших деталей воссоздан быт средневековых феодалов. В интерьерах можно увидеть мебель тех времен, образцы оружия, старинные зеркала и прочее вещи. Первое упоминание, связанное с территорией Оравского региона, датируется 1265 г. Это времена, когда король Бела IV урегулировал обязанности и привилегии королевской собственности в Липтове. Тот факт, что регион Орава был заселенной территорией, подтверждает иное письменное упоминание 1267 г. Король Бела IV подарил внукам Зволенского губернатора города Жилину и Тепличку в обмен на Оравский замок. Само понятие Оравский замок — это не только сам замок и прилегающие к нему земли, но, вероятно, и таможенный пост, и несколько исторически задокументированных поселений дворян, и вся территория Оравы.

В преддверии Османского вторжения, в XVI в., Оравский замок приобрел известный коллекционер оборонительных сооружений, местный медный магнат Ференц Турзо. Известный своей кипучей деятельностью торговец, привлекая рабочий люд округи, начал строительство по его расширению и улучшению жилищных условий. В результате глобальных изменений и деятельности наследников Турзо к 1611 г. замок приобрел сегодняшний облик. Иначе говоря, в дополнение к Верхнему и Среднему замкам появился третий — Нижний замок. Правда, и про ограду дворца рачительные хозяева не забыли, возведя Южный бастион, который завершил создание укрепленного района в том виде, который сохранился до наших дней. При Турзо была построена часовня Святого Михаила, в которой в настоящее время находится гробница Дьёрдя Турзо — сына Ференца, немало сделавшего в свое время для замка. Есть на территории замка и отдельный дом, построенный для священника. Дьёрдь Турзо, умерший в 1616 г., оставил завещание, в котором запретил делить имение с замком. Поэтому до 1800 г. замком управляли выбираемые представители от наследников Турзо. Именно эта форма управления замком привела к большому пожару в 1800 г. В результате пожара сгорели практически все деревянные части замка. Ущерб был настолько большим, что никто из так называемых хозяев не взялся его восстанавливать. Грозное сооружение и центр округи оказались никому не нужными почти на сто лет. На рубеже XIX–XX вв. в нем наконец-то была проведена незначительная реконструкция, которая не привела к значительным изменениям ситуации. Основ-

ные мероприятия по восстановлению Оравского замка были проведены во времена Чехословакии, в 1953–1968 гг. Сегодня отреставрированный замок принимает посетителей круглый год. Внутри него находится Оравский краеведческий музей, в котором можно увидеть и оценить средневековые предметы быта, пыток, мебели и других веселые и не очень вещи. Большой ин-

терес представляют многочисленные элементы обороны замка, а также восстановленные лестничные и мостковые переходы. Заслуживают внимания ворота, поднимающийся мост, терраса на Южном бастионе. И как бы в завершение всего сказанного, в качестве приза, каждого поднявшегося на Верхний замок, ждет неповторимая панорама на окружающие замок окрестности.

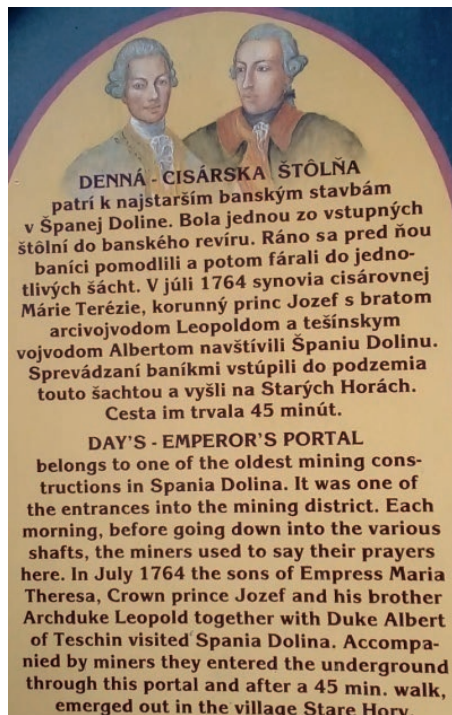
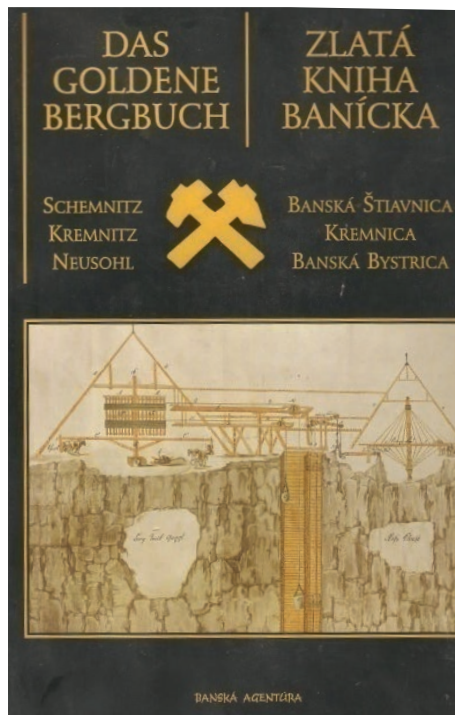
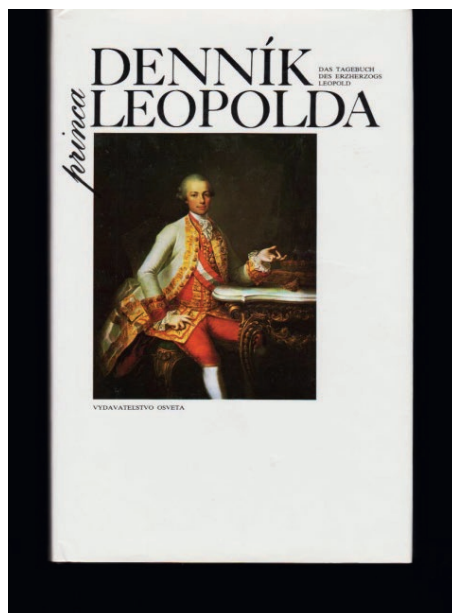
ЦЕНТРАЛЬНОСЛОВАЦКИЙ МУЗЕЙ ВСКОЛЫХНУЛ БУДНИЧНУЮ ЖИЗНЬ В БАНСКОЙ БЫСТРИЦЕ

В рамках Академии пожилых людей Европы и Европейского года культурного наследия работники Центральнословацкого музея (ЦСМ) подготовили серию интересных лекций в исторических помещениях Турзовского и Матейовского домов.

Обратимся к некоторым лекциям на историческую тему, которые состоялись в нашем городе. Матейов дом — гордость Центральнословацкого музея (ЦСМ), был построен в 1479 г., а в начале XX в. его реконструировали с целью организации в нем постоянной экспозиции Городского музея Банской Быстрицы. Историк П. Рачко в лекции, которая называлась «Ключи от медного города», интересно рассказал о посещении Банской Быстрицы коронованными особами Габсбургской монархии Йозефом II, Леопольдом II и саксонским принцем Альбертом 28 июля 1764 г. По этому случаю им были символически вручены уникальные ключи от городских ворот города. В своей лекции историк основывался на публикации Й. Возара «Дневник принца Леопольда» (1990). Приведем отрывок из этой книги: «Мы встретились на площади для того, чтобы поблизи увидеть, как эти добропорядочные люди развлекались. Дочери знатных горожан были одеты как словачки, они вместе танцевали». Кроме того, лектор использовал «Шахтерскую золотую книгу» (1983), а также иные интересные документы. Путешествие будущих представителей власти по шахтерским городам Кремница, Банска Быстрица, селениям Шпаниа Долина и Старе Горы было нелегким, цель их поездки — ознакомление с состоянием

шахтерских дел и с социальным положением шахтеров. Позолоченные ключи, которые находятся в распоряжении ЦСМ, слушатели лекции могли увидеть собственными глазами. (На картинке изображены ключи от городских ворот, Архив ЦСМ). Лекция была дополнена презентацией иллюстраций, фотографий того времени и карт.

Искусствовед Р. Молда в лекции «Дальние путешествия жителей Банской Быстрицы» рассказал о путешествиях известных горожан, которые еще в прошлые столетия, одев «семимильные сапоги», посетили многие города тогдашней Венгрии, Европы и мира. К самым известным путешественникам относятся художник Карол Людовит Либай и ремесленник Даниэль Шустек, создавшие во время своих поездок немало картин, набросков, которые выставлены в известных галереях Европы. Морской инженер и офицер Карол Ладислав Кузмани (учился в Терсте, Вене, Венеции) был сыном известного патриота и первого заместителя председателя Матицы словацкой Карола Кузмани (1832–1885), вместе с отцом он был одним из основателей Матицы словацкой, приверженцем русско-словацких связей. Интересны его путевые очерки, написанные во время путешествий по миру.

Слушателей заинтересовала и лекция Ф. Глоцко под интригующим названием «Белое серебро в коллекциях ЦСМ». Белое серебро, однако, на этот раз не было представлено предметами из редкого металла, как это можно было предположить, а 150-летними вырезанными трубками из пемзы, которые являются редкими экспонатами коллекций ЦСМ. Известно, что при осаде Вены турецкие захватчики подкреплялись глотками дыма из трубок, сделанных из пемзы. В другой легенде говорится, что в 1760 г. посол Марии Терезии в Турции получил от стамбульского султана дар в виде блока пемзы. Курительное ремесло представлено в ЦСМ довольно интересным образом (см. картинку, Архив ЦСМ).

Под названием «Что скрывается в депозите» состоялась лекция В. Клеманича «Астрономия в Банской Быстрице» в Матейовом доме. Лектор подчеркнул, что самый большой интерес к астрономии проявили именно шахтерские города Центральной Европы. В коллекциях ЦСМ уникальным предметом является фрагмент переносных солнечных часов для путешествий. Эти переносные солнечные часы пользова-

лись популярностью во времена торговых отношений, ими использовались политические, военные и церковные сановники. Лектор рассказал о жизненном пути и исследованиях астронома Якуба Прибицера (1539, Банска Быстрица — 1582, Кошице), который посвятил свою жизнь астрономии и астрологии. Он был автором самого старого астрономического труда на территории Словакии, посвященного комете, которая 10.11.1577 показалась в созвездии Козерога, описал появление других астрономических и метеорологических явлений в Банской Быстрице и ее окрестностях в XVI в. Этот труд под названием «Трактат о комете» был опубликован в 1578 г. в Нойсоль (тогдашнее название Банской Быстрицы) в типографии Криштофа Шкультеты (на картинке: Башня с часами в Банской Быстрице, 1552 год, которая, помимо солнечных, имела еще и астрологические часы).

Турзов дом принадлежит к самым старым из сохранившихся светских построек в Банской Быстрице. Первые упоминания о нем можно обнаружить в архивах, относящихся к 1495 г., когда шахтерский горнозаводчик Ян Турзо

купил два дома на площади в Банской Быстрице. Ян Турзо основал Турзовско-Футгеровское торговое общество, и этот представительский дом в течение долгих лет был местом их пребывания. В рамках данного цикла лекций слушателей в костюме тех времен приветствовал сам Ян Турзо, от имени которого выступил Магистр Якуб Масарик. В лекции под названием «Блеск и слава Турзовцов» он рассказал о драматических судьбах своего рода, традициях и новшествах при добыче руды, а также об историческом фоне развития шахтерских городов на рубеже XV–XVI столетий (см. картинку: герб Турзовского рода).

В связи со 100-летней годовщиной образования первой Чехословацкой республики был представлен художественный монтаж под названием «Утраченный интерес к языкам», осуществленный по мотивам научно-популярного труда ученого-германиста Йозефа Танцера «Развязанные языки. Как мы разговаривали в старой Братиславе» (2016), который был издан на философском факультете университета Коменского в Братиславе. Знание многих языков, по сути, позволило автору осу-

ществить мультилингвистическое исследование, целью которого стало изучение языковой ситуации в межвоенный период, в частности, многоязычие представителей самого старшего поколения жителей Братиславы, родившихся в период 1916–1933 гг., с точки зрения социолингвистики. Значительная часть населения использовала несколько языков, как об этом свидетельствует название одной из глав под названием «Люди, которые знали только один язык, считались белыми воронами». Подтверждением того, что публикация нашла значительный отклик среди широких слоев общественности, являются и рассказы молодых приверженцев искусства из Братиславы — рассказчиков историй о жизни пожилых братиславан.

Мы с благодарностью можем оценить усилия работников ЦСМ, направленные на популяризацию истории города и региона. Следует отметить также высокий профессионализм лекторов, которые основательно потрудились над тем, чтобы презентации были интересными.

Перевод Аллы Машковой

СЛОВАЦКИЙ РОМАН ХХІ ВЕКА: МОДИФИКАЦИИ ЖАНРА

Предпосылки современного состояния словацкого романа следует искать, прежде всего, в ситуации, сложившейся в словацкой литературе после «бархатной» («нежной») революции 1989 г., разумеется, принимая во внимание и процессы предыдущего периода «нормализации», и традиции словацкой прозы в целом. События ноябрьской революции и вызванные ими перемены во многом повлияли на сферу духовной жизни общества. Отразились они и на состоянии литературы, причем в целом ряде аспектов.

Первый и самый очевидный — это отмена цензуры и появление в открытой печати книг и имен, которые ранее находились под запретом и оставались тем самым в определенной мере за рамками литературного сознания. Сразу же после «бархатной» революции вышли в свет и роман одного из крупнейших словацких писателей XX в. Йозефа Цигера Гронского «Свет на Трясине», написанный в эмиграции, и книги диссидентов — Ивана Кадлечика («Собственный горо(р)скоп»), Павла Груза («Хлеб и игры», «Pereat»), Мартина Шимечки («Джин»), и произведения «внутренних эмигрантов» Янко Силана (мемуарный роман «Дом запустения»), Павла Виликовского (выступившего сразу с тремя книгами) и др.

В новых общественно-политических и экономических условиях изменилась и вся литературная «надстройка»: разорвались и закрывались одни издательства и возникали новые, зача-

стую искавшие коммерческой выгоды за счет тиражирования массовой литературы; менялась структура и идейное направление работы писательских организаций, возникших на основе распавшегося Союза словацких писателей. Иным становился и сам статус писателя в изменившемся обществе.

На характере и качестве самой литературной продукции «внешние» факторы сказывались в меньшей степени, поскольку сохранился, в основном, круг авторов, не подверженных сиюминутной конъюнктуре, и продолжали свое развитие те идейно и художественно продуктивные тенденции в литературе конца 1980-х гг., которые, в частности, и способствовали процессу обновления общества. Для словацкой литературы конца XX — начала XXI в. характерно поколенческое разнообразие круга современных авторов; эта структура все еще сохраняется, претерпевая некоторые изменения естественного порядка. Так, завершился творческий путь выдающихся представителей старшего поколения, дебютировавших в конце 1950-х — 1960-е гг. и продолжавших плодотворно трудиться в «послереволюционные» годы (Р. Слобода, В. Шикла, П. Груз, Я. Йоганидес). К этому же поколению принадлежат и такие ныне здравствующие и активные писатели, как П. Виликовский, Д. Митана и др. В конце 1980-х — первой половине 1990-х гг. на литературную сцену вышли молодые писатели — П. Пиштянек, В. Панков-

чин, И. Отченаш, П. Ранков, И. Коленич, чуть позднее — В. Балла, Т. Горват, П. Карпинский, М. Гворецкий, Д. Капитанева, М. Компаникова — каждый со своим оригинальным стилем и поэтикой. Писатели нового поколения склонны трактовать реальность как иллюзию, загадку, пародию, культурный феномен. Правда, и у них можно отметить движение от постмодернистских тенденций 1990-х гг. к обновленным реалистическим формам 2000-х.

Характеризуя словацкую прозу наших дней, нужно отметить такие ее черты, как современная тематика произведений, показ личности в процессе ее адаптации в зачастую враждебной среде, балансирование конфликта между противоречиями внутреннего мира героя и его отчуждением, отторжением от социальной среды, нередко размывание фабулы, использование таких художественных средств, как гротеск, пародия, монтаж стилистически разнородных элементов.

С перспективы прошедшего двадцатилетия уже можно проследить определенные закономерности развития словацкой прозы, в том числе и в жанровом отношении.

В 1990-е годы, вплоть до начала 2000-х, в прозе преобладали малые жанры, что в определенной мере было связано со сменой писательских поколений, с приходом молодых прозаиков, дебютировавших, как правило, новеллами и сборниками рассказов. Стимулирующим моментом послужил и ставший уже традиционным конкурс на лучший рассказ, проводящийся уже почти полтора десятилетия. В 1990-е годы заметными в художественном отношении были, в основном, рома-

ны писателей старшего поколения — «Кровь» и «Осень» Рудольфа Слободы, «Орнамент» Винцента Шикуты, «Наказующее преступление» Яна Йоганидеса, «Поиски потерянного автора» Душана Митаны и др., продолжающие (или завершающие) в относительно неизменном виде их творчество, начавшееся еще в 1960-е гг.

Новые темы, нового героя, новое видение действительности и ее новое, часто постмодернистское отражение привносили в словацкую литературу молодые прозаики-новеллисты. Пожалуй, единственным романом нового поколения в 1990-е гг. стала дебютная книга Петера Пиштянека «Rivers of Babylon», вышедшая в 1991 г. Вскоре к нему добавились еще два тома с тем же названием и с подзаголовками «Деревянная деревня» и «Конец Фреды». Трилогия изобилует гротескными сценами времен «дикого капитализма» и передела собственности 1990-х. Центральный герой романа, бывший деревенский парень Рац, приехавший на заработки в словацкую столицу, благодаря природной хватке, алчности и отсутствию нравственных барьеров, делает стремительную карьеру от истопника до влиятельного предпринимателя-миллионера, воротилы теневого бизнеса. Автор выбирает для своих колоритных героев маски отрицательных социальных типов нового времени, и способы их характеристики почти не получают развития в следующих томах.

В 2000-е годы в словацкой прозе постепенно созревали предпосылки для «романной ситуации» (термин известного словацкого литературоведа Яна Штевчека). К крупным жанрам

стали обращаться писатели разных поколений, с разным жизненным и творческим опытом и разными художественными задачами. Однако «засилье» рассказа длилось так долго, что критик и публицист, автор ежегодных обзоров прозы Александр Галвоник еще совсем недавно, в 2007 г., доказывал сомневающимся, что роман все же завоевал крепкие позиции, численно преобладая над малыми жанрами. «Размах романа, — подчеркивал он, — это поиск новых идей и нового содержания. Односторонностей — традиционных, модернистских, постмодернистских — у нас было уже предостаточно»¹.

Рассмотрим наиболее, на наш взгляд, заметные словацкие романы последнего времени.

Социально-критический аспект является важным компонентом в романах **Станислава Ракуса** (1940) «Ненаписанный роман» (2004) и «Эксцентрический университет» (2008), ставших в определенном смысле продолжением его книги 1993 г. «Темпоральные заметки». В совокупности их даже порой рассматривают как своего рода трилогию, хотя они не связаны ни общей сюжетной линией, ни главным героем. Тематика произведений С. Ракуса тесно связана с его преподавательской работой в университете небольшого, удаленного от столицы («эксцентрического») восточно-словацкого города Прешов — это и есть основное место действия. Время действия — относительно недавнее прошлое, застойные годы «нормализации» 1970–80-х гг. Ракус, специалист по истории и теории

литературы, не только включает тему литературы в разных ее аспектах в повествование, но и мастерски применяет теоретические знания при построении весьма замысловатых сюжетов своих романов. Автор как бы нанизывает на нить речи героя-рассказчика массу эпизодов и портретов, часто анекдотических историй, связанных между собой порой весьма произвольно, замыкая их в финале в круг бесконечного повествования о жизни и людях.

Центральный герой «Ненаписанного романа», Адам Захариаш — уволенный из университета за неблагонадежность преподаватель-словесник, человек с цепким и ироничным взглядом на окружающую действительность. Он пишет роман, эпизод из которого (сцена допроса старого учителя бывшим учеником-нацистом в 1944 г.) вставлен в повествование. Однако перед ним встают сразу две проблемы, одна из которых — творческая, касающаяся поиска художественной формы произведения. И он избирает для себя тот же принцип, что и сам Ракус: все эпизоды и персонажи существуют в одном пространстве благодаря тому, что «связаны тоненькой нитью с персонажем-слушателем, к которому они обращаются». Коллекционированием «эпизодов и фигурок» Захариаш занимался еще со студенческих лет, теперь же он «стал постепенно воспринимать их как материал для своей писательской работы»².

Вторая проблема, более деликатная и практическая, связана с лишением диссидента Адама права на публикацию: ему приходится искать подстав-

¹ Halvoník A. Súmrak literárneho snobizmu. Próza 2008 // Knižná revue 2009, č. 14–15.

² Rakús S. Nenapísany román. Bratislava, 2004. S. 44.

ного «автора» для своего будущего романа. Он рассматривает по очереди три кандидатуры (обогащая при этом свою коллекцию новыми «фигурками» и «эпизодами»), однако все они оказываются по разным причинам не подходящими для этой цели. Захариаш, повествователь и слушатель, приходит к выводу о том, что «помимо сюжета действия и отношений существует и мир «говорения», восприятия и слушания»¹, позволяющий автору представить материал иначе, чем в «классической фабульной прозе», заселить текст множеством персонажей. Итогом становится его теория о «феномене ненаписанности», принципиальной незавершенности текста. В финале книги повествование от лица Адама Захариаша смыкается с повествованием о нем как о персонаже: у него возникает идея написания романа, только что прочитанного читателем, с теми же главами, персонажами и с тем же названием — «Ненаписанный роман».

Сопоставляя роман С. Ракуса со схожими в своей «неоконченности» романами Я. Гашека («Похождения бравого солдата Швейка», 1923) и Ф. Швантнера («Жизнь без конца», 1956), П. Заяц пишет в послесловии к книге: «У Ракуса причина «ненаписанности» коренится совсем в ином: речь идет здесь не о бурном течении, а о стоячих водах»². При этом, как представляется, «болотом» можно считать само описываемое время и состояние общества, а не способ его художественного осмысления в формах неких мелких завихрений и отсутствия динамичной фабулы.

Тот же принцип построения сюжета и тип персонажей характерен и для следующего романа Ракуса — «Эксцентрический университет», вольного продолжения его предыдущих книг. Центральный персонаж романа — Виктор «Павлович» Бохня, вечный студент-филолог не названного (но узнаваемого, Прешовского) провинциального университета в Восточной Словакии. Иронически русофильская нотка, сопровождающая эту фигуру и все с ней связанное, задана в самом начале: «С тех пор, как Виктор Павлович Бохня попросил руки у двадцатисемилетней красавицы Марии Петровны Голочниковой, он окончательно обрусел: в общении с избранными собеседниками он стал использовать наряду с их именем также и отчество»³. Большую часть книги представляют собой монологи Бохни («поток повествования»), обращенные к присутствующим слушателям, студентам общежития. Здесь и стилизованные под слог классической русской литературы квазинаучные рассуждения о творчестве Пушкина и Чехова, призванные смягчить сердце строгой русской преподавательницы, и попутно — портреты-шаржи университетских наставников. Так, например, описывается внешность, а затем и характер «престарелой доцента кафедры Общих основ»: «Поверхностные и более глубокие слои лица этой сухощавой особы, ее прическа, одежда, взгляд, пыхтение, шевеление ноздрями, даже вид обуви — все свидетельствовало о ее с трудом сдерживаемой склонности к агрессии и репрессив-

¹ Ibid.S. 45.

² Ibid.S. 162.

³ Rakús S. Excentrická univerzita. Bratislava, 2008. S. 44.

ным мерам»¹. Все это не проходит для разговорчивого студента даром: его исключают из университета за «вольнодумство», «эксцентричное поведение» и «злоупотребление русской литературой»².

Во второй главе функция повествователя переходит к одному из слушателей Бохни, студенту с внутренне рифмующимся (по замечанию Бохни) именем Петер Ледер. Рассуждения «вольнодумца» о филологии вызвали в его памяти яркие воспоминания об интересных типажах и «фигурках», которые встречались ему в родном городе; он перебирает, «нанизывая» один на другой, анекдотические эпизоды и истории из их жизни. Так, рассказ о владельце писчебумажного магазина, вечном погорельце и заядлом курильщике Бокоше («он умел интересно, основательно, удушливо кашлять с сигаретой и без»³) сменяется суровым портретом поселившегося в его особняке «народного милиционера» Илавского, место которого вскоре занимает «какой-то прогрессивный инвалид-сапожник»⁴. Основная нить воспоминаний Ледера порой разветвляется за счет «побочной» цепочки лиц, упоминаемых какой-либо из фигур его повествования.

В общей массе разнообразных чудачков как бы случайно возникает некий Валентин Николаевич Собота, «литератор, который писал рецензии на свои ненаписанные произведения»⁵. С. Ракус здесь очевидно подтрунивает над

самим собой, указывая на характерные моменты творчества Соботы: «вольную романную трилогию» у того тоже объединяет «внутренняя поэтологическая система», основанная на «позиции единого сознания», существовании нескольких «эпизодических персонажей, перемещающихся из романа в роман», причем «время действия третьего романа вынесено вперед по отношению к фабулярному времени первой и второй частей»⁶ и др.

В финале романа Петер Ледер возвращается домой из «эксцентрического» университетского городка, не зная, что делать дальше, и отец дает ему совет: «Так начни рассказывать все по порядку, с конца»⁷, тем самым вновь замыкая круг бесконечного повествования.

Жанр романа, поначалу редко встречавшийся у писателей молодого поколения 1960-х гг., получил заметное развитие в последующем творчестве второй половины XX в. таких прозаиков, как В. Шидула, Р. Слобода, Я. Йоганидес, П. Ярош и др. Один из немногих ныне живущих представителей этой замечательной плеяды — Павел Виликовский (р. 1941).

В 2009 г. вышла книга П. Виликовского «Автобиография зла». Это второй по счету роман в большой творческой биографии писателя, автора многочисленных рассказов и новелл (дебютный сборник «Воспитание чувств в марте» был опубликован еще в 1965 г.). Книга состоит из двух почти автономных частей-романов, связанных между собой темой — анатомией зла в его конкрет-

¹ Ibid. S. 26.

² Ibid. S. 170.

³ Ibid. S. 50.

⁴ Ibid. S. 51.

⁵ Ibid. S. 177.

⁶ Ibid. S. 178.

⁷ Ibid. S. 225.

ных проявлениях, и едва уловимой нитью в системе персонажей (герой-рассказчик второго романа упоминается в первом). Повествование в первой части с названием «Краткое экстремальное одиночество Йозефа К.» ведется от третьего лица как бы сторонним наблюдателем, который проникает в мысли, чувства, в подсознание героя. В Йозефе К. многое условно, зыбко, начиная с имени, подлинность которого поставлена под сомнение в первой же фразе романа: «Назовем его Карстен, какое это глупое, ненастоящее имя»¹. Ситуация же понятна сразу: политического заключенного пытаются в тюрьме госбезопасности в советской зоне оккупации вскоре после окончания войны; «добрый» следователь предлагает ему сотрудничество в обмен на жизни жены и двух маленьких сыновей. Экстремальное состояние души, описываемое как «черная свобода», «лед в груди», готовность в любую минуту покончить с собой и соблазн уступить шантажу — ведут «Карстена» к неизбежному концу. Но прежде он и сам встает на путь зла, когда «включается в игру», пишет отчеты о своих встречах с бывшими политическими соратниками, а потом берет в заложники маленькую девочку, приняв ее за дочь ненавистного следователя. В конце наступает минута «жестокое прозрения», когда герой, погрязнув в фальши (фальшивый паспорт от госбезопасности с фальшивым именем, фальшивые доллары, фальшивая свобода в конспиративной квартире, фальшивые отношения), осознает, что он уже не жертва

злого враждебного мира, «он создает такой мир сам»².

Во второй части романа под названием «Долгое экстремальное одиночество Марии М.» герой-рассказчик (от первого лица) проводит частное расследование нераскрытого уголовного дела двадцатилетней давности об исчезновении заведующей сберегательного банка, похитившей крупную сумму государственных средств. Герой, бывший учитель, в котором читатель постепенно, по его отдельным обмолвкам узнает младшего сына «Йозефа Карстена», ведет свои поиски не ради того, чтобы найти Марию, — он хочет узнать ее, понять мотивы ее поступков, а заодно «навести порядок в собственной голове»³. В поисках ответа на свой главный вопрос — как воплощается зло в человеке? — герой расспрашивает близких и знакомых Марии М., подробно цитирует и анализирует дневники Геббельса, вспоминает собственные проступки. В финале автор устами своего героя проясняет смысл названия романа: он ничего не узнал о Зле глобальном, но «самое обычное зло, которое каждый из людей носит в себе, можно найти в его автобиографии».

Схожа по построению с «Автобиографией зла» вышедшая в 2013 г. книга П. Виликовского «Первая и последняя любовь». Это также «сдвоенный роман», две части которого объединены скрытой в их сюжетах темой эмоциональной привязанности к некоей идее, к искомому, трудноуловимому женскому образу, представшему перед одним героем в ранней юности, а перед вторым — на склоне лет.

¹ Viliakovský P. Vlastný životopis zla. Bratislava, 2009. S. 13.

² Ibid. S. 137.

³ Ibid. S. 156.

Первая часть, большая по объему, имеет символическое название «На левом берегу памяти». Центральный герой, мастер фотографии Камил Деак, прославившийся своими работами еще при социализме, переживает творческий кризис. Ему претит потребительский дух современного общества, коммерциализация искусства, все более сковывающие его рамки технических средств (даже основного для него — фотоаппарата). Единственно возможную форму творчества он находит в «моментальной фотографии» ярких эпизодов, лиц и композиций «для себя» — в своем воображении и памяти: «Это будут кадры для альбома в собственной голове, предназначенные для собственных глаз и собственного удовольствия. Воображаемая картинка в воображаемой рамке. С этого времени он стал абсолютно свободен»¹. Его моментальные снимки становятся «стереоскопическими» — в них встречаются настоящее и прошлое. За видами современной, перестроенной Братиславы перед глазами Камил встают «кадры» города его детства, за потрепанными жизнью физиономиями — лица друзей юности. Ускользает из «видоискателя» памяти лишь лицо вырастившей его няни Терезы (Рези): «Она была так глубоко, что ее нужно было эксгумировать»². Вспомнить Рези стало для него главной целью, навязчивой идеей; не найдя ее зрительно-го образа, он «прощупывает» память других чувств — осязания («большая теплая ладонь»), слуха (ее характерные диалектные словечки). Он восстанавли-

ливает характер Рези, ее судьбу на фоне словацкой истории: во время войны она спасала маленького Камил в деревне, в послевоенные годы не скрывала своей неприязни к коммунистам-«антихристам» и тайно водила мальчика в церковь, потом ей пришлось уйти от «эксплуататоров» — родителей Камил и стать «свободной» уборщицей на заводе. Лишь отыскав ее могилу как «доказательство того, что Рези существовала»³, Камил успокаивается и после долгого перерыва вновь начинает фотографировать. В романе он показан человеком, склонным и к конформизму, и самоиронии — это иллюстрируют сцена попытки его вербовки сотрудником госбезопасности в 60-е гг. и финальная сцена «соблазнения» Камил спонсором, оплатившим издание его книги фотографий с рекламным уклоном. «Сам он как будто стоял у себя за спиной и с удивлением взирал на собственные действия», однако, как он убеждает самого себя, «развитие невозможно остановить»⁴.

Вторая часть «двойного романа» несет название «Четвертый язык», смысл которого проясняется в эпиграфе: «Прессбург (немецкое название Братиславы — Л.Ш.) был трехязычным городом. Четвертым языком было молчание»⁵. Сюжет развивается по двум фабульным линиям — условно «правдивой», написанной в стиле «oral history» (рассказ старого русского эмигранта о пережитом в гражданскую войну), и условно «вымышленной», представляющей отрезок жизни историка-любителя Габриэла, который

¹ Ibid. S. 299.

² Viliakovský P. Prvá a posledná láska. Bratislava, 2013. S. 8.

³ Ibid. S. 15.

⁴ Ibid. S. 127.

⁵ Ibid. S. 130.

записывает речь старика. Автор нарочито подчеркивает контраст документальности одного и придуманности другого персонажа: «Человек этот — не настоящий, это персонаж рассказа. Мы могли бы обозначить его как героя, но не сделаем этого, поскольку в нем нет ничего героического»¹. Автор постоянно ведет характерную для него постмодернистскую игру со своим «соавтором»-читателем, предлагая разные варианты организации текста: «Габриэл мог бы быть не только персонажем, но и повествователем. В этом случае рассказ велся бы от первого лица, однако при повествовании от третьего лица у нас намного более развязаны руки, мы можем говорить о Габриэле за его спиной»². И поясняет в духе теории о «смерти автора», кто такие «мы»: «Да это же я, ты, милый читатель, и буковки, напечатанные на бумаге. Такой вот маленький авторский коллектив, который и является творцом этого рассказа»³.

В обстоятельном изложении старым эмигрантом событий давней русской истории как бы случайно упоминается его киевская няня, «пролетарка», сделавшая для семьи много хорошего — своего рода «ниточка», которая, наряду с идейными связями, соединяет две части романа.

Фрагменты рассказа старика чередуются со все более обширными психологическими пассажами о жизни Габриэла, «одинокого мужчины пенсионного возраста», чье увлечение «устной историей» приводит его к теме Холокоста в Словакии. «Воскрешая» в своем

воображении молодую женщину Эму Шлезингер, одну из списка увезенных в Освенцим, он пытается восстановить ее внешность, домыслить характер и привычки. На какое-то время она даже становится его искомой «второй половинкой» и почти материализуется в сцене их «встречи» на людной площади в центре Братиславы, но вскоре Габриэл понимает, что «сытый голодного и мертвый живого не разумеет»⁴ и оставляет Эму «и дальше лежать в неизвестной братской могиле»⁵. Автор не устает подчеркивать условность этой истории при истинности высших смыслов: «Габриэл на самом деле не существует, это лишь псевдоним одной из разновидностей стыда. Но это молчание, милый читатель, это молчание реально»⁶.

В своих «двойных» романах П. Виликовский, на наш взгляд, развивает свою мысль о решающей роли читателя не только в восприятии, но и в существовании произведения: в его сознании должен возникнуть своего рода стереоскопический эффект, понимание заложенного автором объемного, хотя и не материального образа-идеи. П. Мраз справедливо отмечает в рецензии на «Автобиографию зла»: «Путь к пониманию обоих текстов Виликовского лежит через восприятие книги не как двух детективных новелл с исторической подоплекой, а как комплексно структурированного текстового диалога»⁷.

Прихотливое построение сюжета характерно и для романов **Мирослава**

¹ Ibid. S. 137.

² Ibid. S. 141.

³ Ibid. S. 142.

⁴ Ibid. S. 143.

⁵ Ibid. S. 191.

⁶ Ibid. S. 197.

⁷ *Mráz P. Knižná revue*, 2009, № 21.

Биелика (р. 1949). Специалист в области библиотечного дела, один из руководителей Матицы Словацкой и, одновременно, автор двух стихотворных сборников, он опубликовал в 2010 г. вторую книгу своей дилогии — «Не-действительность. Венецианский диптих II». Первая книга под названием «Действительность. Венецианский диптих I», ставшая его дебютом в прозе, вышла в 2007 г. В первом романе с подзаголовком «Неопределенное время, определенное место» — «действительность» — это не описываемая объективная реальность, а основной концепт, вокруг которого строится многоплановый сюжет. Блуждание героя Ильи Пиша между трагическим прошлым, неопределенным будущим и суетным, хаотичным настоящим также связано с поиском ответа на вопрос «Что здесь действительность и что не-действительность?». Уже в предисловии романа — «К секретному договору между автором и рассказчиком» обозначена изначальная неопределенность сторон «в вопросе самой реальности или нереальности эпического мира», поскольку «автор в эпоху «пост-» ни в чем не может быть уверен»¹. Повествование разворачивается параллельно в нескольких сферах: это реалистическая (или условно реалистическая) фабула — сцены из повседневной жизни героя — директора полиграфического комбината и графика-любителя, текущие производственные дела и проблемы, его споры с молодой женой-реставратором; вторая сюжетная линия — детективная, связанная с загадочной пропажей старинных картин и ведущимся по

этому поводу следствием; третья связана с повторяющимся возвращением героя в военное прошлое, к сценам карательной акции фашистов в его родной деревне. Сложный узел повествования представляет Венеция как своего рода мифологема, включающая в себя и реальный город, куда стремится уехать герой, и художественный мир, созданный вокруг него писателями, поэтами и художниками. Значительную философскую нагрузку несут диалоги рассказчика со своим «alter ego» «нереальным» Элиашем, являющиеся, по сути, его внутренним диалогом. Ткань романа пронизана литературными аллюзиями, реминисценциями, эпиграфами — с многочисленными цитатами из произведений разных авторов. Мотив бегства от действительности, от суеты повседневной реальности к финалу усиливается, и все чаще местом своего духовного убежища герой — интеллигент, принадлежащий к среднему поколению — представляет себе Венецию — реальную и, что не менее важно, литературную.

Второй книге романа, «Не-действительности», автор дает иное определение в подзаголовке «Неопределенное место, определенное действие». Сюжетные линии первого романа продолжают разворачиваться, проблемы героя, Ильи Пиша, не решаются, а только усугубляются после поездок по Италии и другим странам Европы. Внутренний спор он ведет теперь не с «Элиашем», а с другим своим двойником — неким скептиком с говорящим именем А. Ватар, иронизирующим по поводу его идей и комплексов. Важная сюжетная и тематическая линия в романе — поиск героя собственной идентичности,

¹ Bielík M. Benátsky diptych I. Skutočnosť. Bratislava, 2007. S. 9.

восстановление картины прошлого как основы для настоящего. Именно эту цель преследует Илья Пиш, когда разбирает и перестраивает старый родовой дом, находя при этом полуистлевшие обрывки документов и ненужную рухлядь, и когда обращается к истории своего народа, к еще одной национальной травме — гибели двух словацких полков в боях у итальянской реки Пьявы в Первую мировую войну. Сохраняющаяся фрагментарность повествования, стилистическая пестрота текста подчеркивается и с помощью полиграфических средств — разные по функциональности части напечатаны разным шрифтом и даже с разной интенсивностью цвета. В небольшой последней главке под названием «Из письма (читателю?)», процитировав еще раз Рильке, Пастернака, Эко, Руфуса и Гронского, Биелик взаимоувязывает оппозиции «читатель»-«автор», «действительность»-«не-действительность», рассуждая о непрерывном процессе творчества, присущем человеку.

Более традиционным в сюжетном отношении представляется роман в творчестве словацких писателей «средне-молодого» поколения, к числу которых принадлежит и **Павол Ранков** (1964).

П. Ранков, автор нескольких сборников рассказов, опубликовал в 2010 г. книгу «Это случилось первого сентября (или когда-то еще)», жанр которой он обозначил как «исторический роман из времен с 1938 по 1968 год». Автор также предупреждает читателя об условности описываемых лиц и реалий, однако делает это иронично, почти пародийно: «Все здесь приду-

мано. Никогда ничего не было, никогда никто не жил. Да и самого первого сентября никогда не было»¹. По своей композиции это «роман в эпизодах»; главки, из которых он состоит, обозначены годами — от «Эпизода 1938» до «Эпизода 1968». В романе ненавязчиво и убедительно воссоздается живая картина самых драматических моментов словацкой — и не только словацкой — истории XX века.

На протяжении тридцати лет автор-повествователь «от третьего лица» прослеживает судьбы трех героев — чеха Яна, венгра Петера и еврея Габриэля, чья дружба зародилась еще в ранней юности в городке Левице, на этнически пестром южном пограничье Словакии. Верность этой дружбе и, одновременно, постоянное соперничество в любви к красивой ровеснице Марии — константы их жизни, все остальное стремительно и драматически меняется; война и последующие перипетии истории разбросали героев в разные стороны (и страны), испытывали и «ковали» их характеры. В каждом из эпизодов повествователь обрисовывает «исторический момент», проецируя его на поступки и переживания каждого из друзей; драматический, а то и трагический пафос запечатленных в романе событий «большой» истории часто снижается комизмом или гротеском конкретных ситуаций, в которых оказываются герои.

Сами общественно-политические события, смена правительств, государственных символов, вождей, политических лозунгов — показаны

¹ Rankov P. Stalo sa prvého septembra (alebo inokedy). Bratislava, 2008. S. 7.

фрагментарно и, как правило, через эмоциональное восприятие героев — их очевидцев и участников. Документальные «кадры исторической хроники» XX века представлены как часть повседневной жизни героев. Так, Ян участвует в боевых действиях в Израиле 1948 г., а затем в событиях 1956 г. в Венгрии, журналист Петер активно включается в движение «Пражской весны» 1968 г. и становится автором знаменитого лозунга «социализм с человеческим лицом». Возникают в романе, в соответствующих по времени эпизодах, и исторические персонажи, государственные деятели, политики — Хорти, Тисо, Гусак, Новотный, Дубчек, показанные в гротескном ключе, в анекдотических, бытовых сценках.

По ходу сюжета происходит постоянное чередование главных героев — Яна, Петера и Габриэла; лишь в финальном «эпизоде» повествование ведется от лица Марии в форме ее внутреннего монолога. Она, единственная из дружной компании, не эмигрировала из Чехословакии после 1968 г. и теперь предается горьким размышлениям о «своих мальчиках» и «несбывшейся жизни»¹.

Живание автора в другое, женское гендерное сознание, получило убедительное развитие и в следующем его романе «Матери» (2011), продолжившем художественное исследование недавнего социалистического прошлого. Один из трех эпиграфов к книге взят из «Архипелага Гулаг» А. Солженицына, что уже ориентирует читателя на тему политических репрессий, одну из центральных в романе. В основе сюжета — истории матерей, разные по характеру

и своему завершению, но всегда печальные, порой трагические.

Действие в романе разворачивается в двух временных пластах и вокруг двух главных героинь — это история репрессированной и сосланной в конце войны в советский лагерь молодой словачки Зузаны Лауковой и история наших дней — злоключения студентки Луции Герлианской. Она пишет магистерскую работу по методу «oral history» на тему «Формы и особенности реализации материнства в пограничной социальной ситуации». Луция воспроизводит в ней повествование о своей жизни уже состарившейся Зузаны, привнося при этом в научное исследование элемент художественности, недопустимый по мнению ее научного руководителя. «Придерживайтесь проверенных фактов... На нашем факультете занимаются наукой, а не сюжетами»² — предупреждает он. И все же обе линии сливаются в книге в одно художественное повествование.

Основная сюжетная линия романа — это подробный драматический рассказ (от первого лица) о судьбе Зузаны, которую несправедливо обвинили в предательстве и гибели советского партизана, ее возлюбленного, и депортировали в Советский Союз. Зузана с трудом выживает в условиях неволи и рождает сына, ради которого идет на многие лишения и жертвы. Сцены из жизни лагеря написаны удивительно достоверно; рядом с Зузаной — масса ярких, хотя и второстепенных персонажей — товарищей по несчастью, политических заключенных, уголовниц, пленных немцев.

¹ Ibid. S. 327.

² Rankov P. Matky. Bratislava, 2011. S. 29.

Мужских фигур в романе немного, зато женские многочисленны и разнообразны; многие из них выполняют роль матери — это и сама Зузана, и лагерная начальница Ирина, спасающая, усыновив, ее ребенка, и мать Зузы (которая, как выясняется в конце, выдала партизана, беспокоясь о дочери), и пожилая словацкая немка Анна, по-матерински заботившаяся о Зузе в лагере, и даже «антропоморфная» волчица, которая охотилась на обессиленную Зузу ради своего волчонка и вскоре погибла. Не хочет избавляться от будущего ребенка, несмотря на советы своей матери, и студентка Луция; уйдя из дома, она находит поддержку у Зузаны.

В то же время в романе прослеживается и своего рода мотив «Павлика Морозова», предательства матери: стихок о герое-пионере читает в лагере маленький сын Зузы, а сама она разоблачает ради возвращения сына собственную мать, которая гибнет потом в тюрьме. Но при этом лишь отчасти прав рецензент, говоря о пессимизме книги Ранкова: «Неистребимая сила материнского чувства плодит бесконечные глубины боли и зла, сплетая парадоксы любви в неразрешимые сети абсурда». Общее звучание романа вполне оптимистично, как и сама тема материнства, выживания и духовного возрождения.

Живой интерес к современной действительности и склонность к ее оригинальной художественной интерпретации характерны для большей части словацких прозаиков среднего поколения. К их числу относится и **Вильям Климачек** (р. 1958), писатель, драматург, театральный режиссер.

Проблемы и кризисы среднего возраста (а заодно и некоего исторического «среднего» состояния общества — промежутка между социализмом и «капитализмом») остро встают в его романе «Площадь космонавтов» (2007) с красноречивым подзаголовком с кириллической буквой «Ю»: «Поколение Ю» (образцом для которого был Ю. Гагарин). Роман Климачека — а он занял первое место на единственном конкурсе словацкого романа в 2006 г. — это сочувственная защита своего в общей массе непрактичного и неприкаянного поколения, к которому принадлежат и главные герои — безработный Марош, его жена Милка, хозяйка маленького убыточного магазинчика, давний друг Мароша и тоже неудачник Игорь. Многие комичные и нелепые их черты обобщаются автором в своеобразном трактате с элементами гротеска и каламбура о «Поколении Ю», включающем в себя и исторические сопоставления с поколением их родителей («Поколение *Ja*», жившее в годы войны в профашистской Словацкой республике) и поколением детей («Поколение *Next*»). Русское «Ю» и английское «*You*», замечает он, «фонетически звучат абсолютно одинаково, однако их разделяет бездонная идеологическая пропасть»¹.

Большое место занимает сатирическое изображение новой рыночной реальности, в которой автор подмечает столь же абсурдные черты, что и в прежнем «реальном социализме». Элементы абсурда в романе материальны и узнаваемы: это и остатки католической Кальварии («Крестного пути»), перемешанные с экспозицией

¹ Halvoník A. Knižná revue 2012/10.

советской космонавтики, и монумент космической ракеты на старте, сделанный в 70-е гг. из евангелистского храма, и приметы нового — хищный супермаркет, проглотивший маленькие семейные магазины, и многое в этом роде, включая гигантскую заброшенную советскую военную базу.

Переломные моменты недавней словацкой истории стали сюжетной основой и двух последующих книг В. Климачека — романов «Горячее лето 68» (2011) и «Водка & хром» (2013).

Действие первого романа развивается последовательно, в отдельных эпизодах из жизни героев — детей и родителей трех близких друг другу семей; лишь некоторые обстоятельства проясняются экскурсами в их прошлое. Почти идиллические картины в начале повествования — любящие семьи, живописные улочки Братиславы, планы на будущее выпускницы медицинского факультета Петры, романтическая поездка в Израиль ее подруги Терезы — все это трагически обрывается в августе 1968 г. с приходом советских танков. Семьи разлучаются, и для тех, кто спешно эмигрировал за границу, начинается долгое «хождение по мукам», безработица, голод, ностальгия по дому и покинутым близким. Тех же, кто остался, ждет такой же долгий период несвободы и застоя. Обстановку в обществе времен «нормализации» 1970–80 гг. Климачек рисует характерными для него ироническими красками: «Гражданин Чехословакии свою фрустрацию от республики, из которой не выскользнет даже мышь, может компенсировать тремя способами — заниматься сексом, воровать или обгонять. Сексом он занимается, в основ-

ном, дома, обгоняет на дороге, а ворует, по большей части, на работе»¹; «Чехословакия тех лет представляла собой большую сахарницу. Она старалась подсластить своим жителям все, что только можно»².

Второй роман, «Водка & хром», построен на фантастическом допущении, касающемся еще одного переломного события в современной истории Словакии — «нежной» революции 1989 г. Молодой медик Роман Шустер переживает во время манифестации анафилактический шок, и не только его сознание, но и судьба расходятся на два русла — в одной жизни он успешный врач в новой республике, а в другой, «параллельной судьбе» антиутопии, после подавления революции, «Кровавого ноября» становится Виктором, гонимым и преследуемым гражданином тоталитарного государства — «Словацко-Украинско-Белорусской Федерации»³.

Петер Криштуфек (1973–2018) после двух сборников рассказов и новеллы издал три романа, удивительно непохожих друг на друга как по содержанию, так и по поэтике. Если «Суфлер» (2008) — роман-гротеск, почти карикатура на сегодняшнюю политику, политическую и «тусовочную» элиту, то «Близнецы и антиподы» (2010) — это психологический роман-дневник о драматическом сближении противоположностей, а многостраничный «Дом глухого» (2012) — обстоятельная семейная сага,

¹ *Klimáček V. Námestie kozmonautov. Bratislava, 2007. S. 85.*

² *Klimáček V. Horúce leto 68. Bratislava, 2011. S. 9.*

³ *Klimáček V. Vodka & chróm. Bratislava, 2013. S. 12.*

в которой на фоне бурных исторических перипетий с начала XX в. до наших дней прослеживаются судьбы и одного рода, и малого словацкого социума — провинциального города. Вымышленный город Брежаны — «слепок» Словакии с характерными социальными типами и отношениями, историческими вехами и реалиями. Достоверность описываемых событий подчеркивается автором ссылками на судьбы реальных людей в «Предисловии» и на заключительных страницах, где он перечисляет имена прототипов и приводит ссылки на семейные документы.

Композиция романа основана на хронологии исторических событий (с экскурсами в настоящее актуальное время и в прошлое героев) и связана с определенными этапами жизни семьи врача Альфреда Трновского, его детей и близких, показанными через воспоминания его сына Адама, центрального героя-повествователя. Восемь частей озаглавлены по названиям фресок Ф. Гойи, написанных им на стенах усадьбы «Дом глухого»; в начале каждой части упоминается альбом отца с иллюстрациями, а затем тот или иной представленный на картине порок или мрачный образ находит созвучие в описываемой реальности. Повторяющийся в каждой главе мотив разнобоя часовых механизмов подчеркивает нарастающий разлад в семье, разрушение родового дома и всего привычного строя жизни: «Все часы в этом доме показывают разное время. Они полностью его отрицают. И время рассыпается в разные стороны, словно горсть шариков»¹.

Определенную схожесть с многостраничным «Домом глухого» обнаруживает «микророман» «Во имя отца» Владимира Баллы (1964). Это первое относительно крупное произведение успешного автора нескольких сборников рассказов, часто ориентированных на проблематику абсурда и отчуждения в современном мире. Герой-рассказчик предстает в этом произведении в разных возрастах и семейных ролях, оставаясь при этом убежденным индивидуалистом. На нем прерывается традиционная связь поколений; сыновья — чужие для него люди: «О доме уже давно никто не заботился. Я после развода там не хотел появляться, а у младшего сына были другие интересы, не знаю, какие. Старший куда-то пропал»². Особую роль в процессе взаимного отчуждения играет мистический дом-лабиринт, который в итоге также приходит в запустение.

Проблема межличностных отношений, кризиса в семье нередко встречается в прозе молодых словацких писателей.

Внутренняя гармония становится почти недостижимой для юной Ярки, героини романа **М. Компаниковой** (р. 1979) «Пятый корабль» (2010). Лишены не только теплоты, но и всякого человеческого содержания отношения между ее суровой моралисткой-бабушкой и беспутной матерью, и сама она одинаково безразлична обеим («Это не было молчаливым разрывом отношений, резким и драматичным; это было абсолютное отсутствие понимания, равнодушие и неприязнь. Родственная кровь была лишь жидкостью,

¹ *Krištúfek P. Dom hluchého. Bratislava. 2012. S. 365.*

² *Balla V. V mene otca. Bratislava, 2011. S. 22.*

струящейся по сосудам»¹). Глубоко несчастные, они внушают и Ярке убеждение в собственной неполноценности, формируют в ней комплекс вины за их жизненные неудачи и беды. Ярка пытается помочь другим несчастным детям, уводя их из враждебного мира взрослых в иллюзорно дружелюбный мир природы в заброшенном саду дедовской дачи, на воображаемый «голубой корабль». Крушение этой иллюзии становится для Ярки еще одним ударом, оправиться от которого ей удастся лишь спустя годы, когда она вновь встречает свою юношескую любовь. М. Компаникова наделяет свою героиню характером цельным и деятельным, несмотря на давление неблагоприятной среды. Она выстраивает сложный сюжет его развития, используя и повествование от первого лица, и чередование временных пластов, и отступление к характеристикам-биографиям других персонажей, пропущенным через восприятие юной и повзрослевшей Ярки.

Проблема одиночества и отчуждения преломляется в творчестве молодых писателей, в том числе, у **Михала Гворецкого** (р. 1976) в условных, порой фантастических формах. Так, события его в романе-антиутопии «Плюш»

(2006) происходят в 2029 г. Герой-рассказчик романа Эрвин Мирский описывается как типичное дитя своего времени, когда рекламные слоганы заменили человеческие имена, а компьютерная зависимость стала самой распространенной болезнью. Эрвин пытается бороться с ней, сбегая сначала в нетронутые технической цивилизацией уголки, а потом в обобщенно-западный город Сити, где его постепенно поглощают те же темные стихии, материализовавшиеся в мрак ночного города, погрузившегося в кромешную тьму из-за аварии. Условность изображаемой здесь действительности отвечает общей тенденции прозы последнего времени — художественной трактовки действительности как ускользающей материи, как реальности неоднозначной во времени и пространстве.

В целом можно сказать, что роман к концу первого десятилетия XXI века восстановил свои ведущие позиции в словацкой прозе. Произведения, созданные в этом жанре, отличаются многообразием индивидуальных стилей, однако очевидны и общие черты — обращение к прошлому для понимания настоящего, детальное исследование путей становления и самопознания личности, определение ее нравственных параметров.

¹ *Kompaniková M. Piata loď. Bratislava, 2010. S. 44.*

ВСПОМИНАЕМ

« ЧТО Я ДАЮ, ДАЮ ОТ СЕРДЦА ЩЕДРО...»

ПАВОЛ ОРСАГ-ГВЕЗДОСЛАВ: 170 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Павол Орсаг-Гвездослав (1849–1921) — крупнейший словацкий поэт конца XIX — начала XX в., одна из наиболее значимых фигур во всей национальной литературе. Вместе с поэтом и прозаиком Светозаром Гурбаном-Ваянским Гвездослав открыл новый период в истории словацкой литературы, отмеченный, наряду с отголосками романтизма, реалистическими тенденциями. Ваянский, как и Гвездослав, противопоставил фольклорной силлабике романтиков силлабо-тоническое стихосложение.

Гвездослав (настоящее имя — Павол Орсаг) творил чуть больше столетия, оставил обширное наследие, работал в разных жанрах лирической и лиро-эпической поэзии, а также драматургии, был активным переводчиком шедевров мировой литературы, в том числе Пушкина, Лермонтова. Его поэзия чужда идеологической тенден-

циозности, риторичности, консервации национальных черт, к чему порой прибегали литературные глашатаи угнетенного народа.

Творчество Гвоздослава привлекает универсальностью мышления, психологизмом, сопряжением мельчайших деталей социального и природного бытия с космическим, вечным, божественным масштабом мироздания. Он ощущал себя словацким поэтом, патриотом, гражданином, человеком своего времени и вместе с тем жителем планеты Земля, кратковременным гостем на этом островке Вселенной. Этическая бескомпромиссность, приверженность высоким общечеловеческим идеалам, выстраданная вера в божественное предопределение человеческой судьбы пронизывают всю поэзию Гвоздослава. В поисках смысла и законов бытия она колеблется между надеждой и отчаянием, между светлым блаженством творчества, чувством всемирной сопричастности и горестными муками одиночества, осознанием невосполнимых утрат.

Философичность — неотъемлемое качество творчества Гвоздослава, с годами выходящее на первый план. Углубленный анализ окружающего мира и человеческой психики привел поэта к созданию обобщающих картин реальности. В лирике это нашло выражение в описании многогранных состояний души, пространных рефлексиях, навеванных впечатлениями. В лиро-эпике у Гвоздослава есть произведения с социальной и философской доминантой; показ разных характеров, отличающихся типов мышления, различных слоев общества в развитии и столкновениях так или иначе влечет за собой осмысление места и роли человека в мире. Как социальный поэт, Гвоздослав последовательно отстаивал идеалы равноправия народов и сословий, национальной и социальной свободы; он сочувствовал бедным и угнетенным, обличал корыстолюбие, лживость, бездуховность буржуазных слоев общества и власть имущих, считал труд основой жизни. Позиция Гвоздослава в социальной поэзии, пафос его выступлений созвучны в русской поэзии творчеству Н.А. Некрасова. Стержневыми для философской поэзии Гвоздослава становятся такие проблемы, как жизнь, смерть и бессмертие, хаос и упорядоченность, соотношение сиюминутного и вечного, части и целого — в природе, обществе, мировом пространстве. Обнаруживаются типологические связи творчества Гвоздослава с поэзией Ф.И. Тютчева. Тютчев — тоже поэт-философ, поэт-патриот, знаток тайных движений человеческой души, мастер пейзажной лирики. Сходство творчества поэтов обнаруживается уже на уровне образных мотивов.

Тенденция к объединению стихотворений в обширные циклы, основанные на идейно-тематической близости частей и имеющие свободное формальное построение, очень характерны для зрелого Гвоздослава. Так появляются циклы «Сонеты» (1886), «Летние побеги» (три части: 1885, 1886–1887, 1896), «Псалмы и гимны» (1885–1895), «Прогулки весной» и «Прогулки летом» (1898), «Печали» (частично опубликованные в 1903–1906 гг., полностью — в 1921 г.), «Последние звуки» (1909–1911), «Кровавые сонеты» (1914). Исцеляющая, гармонизирующая роль природы в человеческой жизни показана Гвоздославом в социальной поэме «Жена лесника» (1884–1886). «Библейская эпика» Гвоздослава — «Агарь», «Рахиль», «Рождество», «Каин», «Сон Соломонов» (1883–1901) — уже по замыслу

предполагает соотнесение вечного и современного, отыскание истины, а не нравоучительный пересказ Библии. На библейский сюжет написана и его социально-философская драма «Ирод и Иродиада» (1909).

Убежденность в правильном, разумном устройстве Вселенной, частицей которой является человек, помогала Гвездославу выдерживать натиск подавленности и бессилия, нараставший с годами. Загадки бытия были сложны, подчас неразрешимы, но поэта спасала сопричастность великому целому: народу, человечеству, земному и внеземному миру в его материальном и духовном измерениях. Недаром поэта так манили звезды, подсказавшие ему псевдоним. Взлеты к звездам были для него познанием, очищением и предощущением итоговой, посмертной гармонии — в вечности.

*(Из книги Н.В. Шведовой «Философские мотивы
в словацкой поэзии» (2005)*

Из поэмы «Жена лесника»

Приветствие

Приветствую я вас, леса и горы,
от всей души приветствую я вас!
Пусть этот жалкий мир несет нам горе,
крушит надежды, мерзостью гнетет,
лишает сил, неправды сеть плетет —
вновь к жизни возвращаете вы нас,
вы воскрешаете, сил придаете,
вы — жгучих ран целительный бальзам,
когда вы в братской искренней заботе
объятья щедро распахнете нам,
сердечность обитает здесь от века,
предательства здесь не было и нет,
зачем пришел — не нужен вам ответ,
на этом лоне, в ласковом покое,
как любящая мать, своей рукою
укроете надежно человека...
Лишь миг изведать счастья такого:
мертвеет боль, слабее жмут оковы,
яснеет взгляд, вольней струится кровь,
и вот — надежды оживают вновь;

лишь воспринять от вас одно движение:
ручей вскипит в горах, зашепчет лес, —
уже душа настроилась на пенье,
волшебной палочки прикосновение —
и сердце сразу скачет до небес;
один лишь в небе сделан круг орлиный,
один лишь соколиных крыльев взмах,
и свист сквозь лес — он удалой и длинный,
и на лужайке заблестит костер —
охватит вдохновение, не страх,
и дух воспламенился, он играет,
на крыльях жарких рвется к высям гор,
как в небо возвращенный метеор;
одна минутка, легче паутины,
над нашей головою пролетает,
и вот уже рождается рассказ:
проходит он душою обновленной,
как радуга просвечивает кроны...
...От всей души приветствую я вас!

Перевод Н. Шведовой

Слетим к земле, как вялых листьев ворох.
Ни им, ни нам возврата больше нет
в покинутый однажды жизни свет;
навек в могилу, и замолкнет шорох.

Что власть и слава, честолюбья порох?
В пустом пространстве тающий ответ.
И, словно на листке огнистый цвет
осенний, краток пыл успехов скорых.

Как тяжело: ты живешь? Лишь в малой мере.
Определенность — наступленье тьмы...
В сознание не вмещается потеря.

Приходишь в мир — открыты смерти двери;
а лист, не зная, счастлив — но не мы.
Что говоришь, душа? Тебе я верю!

Перевод Н. Шведовой

Быть гласом вопиющего в пустыне
я обречен. Премудрый скажет жрец:
зачем толпе дарить свои святыни?
Не тронуть мне бесчувственных сердец.
Им жемчуг красоты не нужен ныне.
Мне душу вдохновляет божество —
и я пою для слуха своего.

Но в этом мне не будет утоленья:
народу я хочу отдать себя.
Лишь для него мечты мои и пенье —
всё, чем живу, волнуясь и скорбя.
Я мой народ люблю в самозабвенье.
И в ночь кричу: «Повсюду тьма и зло,
войди сюда — здесь хлеб и здесь светло!»

Нет отклика. Все оборвались нити...
Никто не отозвался. Я забыт.
Я изнемог. И арфа на раките,
безгласная, ненужная, висит.
Какая боль! Нет, струны, не молчите!
И снова с арфой плачу и пою,
чтоб в буре звуков скорбь излить мою.

Перевод Н. Стефановича

Что я даю, даю от сердца щедро,
и чувства теплые, и мысли цвет,
из глубины они поднялись к солнцу
без мишуры и без прикрас.
Я не умел таиться с малых лет
и презирал обман и вероломство,
и чопорности правила средь нас,
стоустое людское пустозвонство,
и низкой лжи коварные приемы,
блеск фальши и бесплодность поклонений,
не знающих ни страсти, ни волнений,
дорожку скользкую и лавки моды;
мне чуждо всё, что не в ладу с природой,
я чту лишь правды лик незамутненный!

С ней в душу чувство искреннее льется,
как луч звезды, во мраке заблиставшей,
и ввысь стрелой поющего несется.

О ткань души моей, простор познавшей,
она ведь с каждой песней рвется, рвется!

Перевод П. Семынина

В царство лесное!
В зеленом настое
я сердце омою и боль успокою.
У леса есть свойство лечить беспокойство,
чтоб люди забыли про боли любые.

В царство лесное!
Опять предо мною
причастные чуду и с тайной повсюду
палаты без солнца. В них нет ни оконца,
зато в них такое величье покоя!

В царство лесное!
Где пахнет сосною,
где только взглядеться — и встретится детство,
где сказка живая бредет, напевая,
по сумрачной чаще, легендой звучащей.

В царство лесное!
И вот колдовское
вдыхаю дыханье и жажду признанья,
что молод я снова, но чаща сурово
свистит мне: спесс-сивый, и шепчет: плеш-шивый.

Перевод Ю. Вронского

Из цикла «Кровавые сонеты»

Мильоны жертв... Долины наводнила
убитых кровь, и ранам нет числа.
Всё, чем судьба бывает тяжела, —
ничто пред тем, что бойня причинила.

Веков творенья губит злая сила,
и нива человечества гола.
Но потрясет ли эта бездна зла
тех, кто стоят у власти, у кормила?

Придут ли сердцем к истине простой,
что к счастью путь единственно возможный —
не сабли путь кровавый, а другой,
что человек не раб, не червь ничтожный,

кровь — не вода, не дело чести — бой,
и вложат ли свой меч отживший в ножны?

Перевод В. Левика

МИЛАН РАСТИСЛАВ ШТЕФАНИК: 100 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ

Милан Растислав Штефаник (1880–1919) — национальный герой Словакии, видный политический деятель, один из создателей Чехословацкой республики. Астроном по образованию, он окончил Карлов университет в Праге, затем работал во Франции, участвовал в ряде научных экспедиций. За научные и дипломатические заслуги был награжден французским Орденом почетного легиона. В начале Первой мировой войны окончил летную школу и отправился на фронт. С 1916 г. совместно с Т.Г. Масариком и Э. Бенешем вел организационную и политическую работу по созданию самостоятельного государства чехов и словаков. В звании генерала французской армии он занимался набором добровольцев в чехословацкие легионы. После провозглашения Чехословацкой республики занял должность министра обороны. Погиб в авиакатастрофе 4 мая 1919 г., похоронен на холме Брадло, где позднее был открыт мемориал — национальный памятник культуры Словакии.

Ярослав Резник

ЗВЕЗДЫ НА НЕБЕ КРАСИВО РАЗЛОЖЕНЫ

Гостиная в доме Штефаников была полна людей. Здесь принимали самых дорогих гостей: признанного всеми духовного, а сорок лет назад и военного вождя словацкого народа, их кума Йозефа Милослава Гурбана и его жену Анну Гурбанову, урожденную Юрковичову, в молодости — известную театралку и первую словацкую актрису.

Батько¹ Гурбан сидел на почетном месте в глубоком кожаном кресле возле камина. В руке он держал большой, в древнеримском стиле, бокал с белым вином. На диване возле него вязала свитер бабушка Юренкова, а по углам на деревянных стульях сидели две старшие сестры Милана — Ольга и Гелена. За накрытым столом, на котором живописно расположились ватрушки, чайный сервиз и старинный модранский кувшин с вином и бокалы, сидел отец семейства, Павел Штефаник, а напротив — пани Гурбанова рядом с хозяйкой дома — Альбертиной Штефаниковой.

Кто знает, в каком направлении пошел бы разговор батько Гурбана и хозяина дома Павла Штефаника, лютеранского священника в Кошарисках², которого господь награждал каждые два года все новым и новым потомством, если бы в комнату как раз в этот момент не вошли двое его старших детей мужского пола — Павел и Милан.

«Дай вам боже доброго вечера! Сердечно приветствую вас в Кошарисках!» — почтительно и звучно обратился к дорогим гостям Милан. Своим детским умом он уже понял, что сегодня слишком уж замешкался с возвращением домой.

И действительно.

Отец Штефаник выразительно посмотрел на большие напольные часы, стоявшие в простенке между окон. Батько Гурбан заметил это и сразу же принялся спасать ситуацию: «А-а — пропавший юноша уже здесь! И как мило он нас поприветствовал...!»

«И как поздоровался», — добавила пани Гурбанова, со знанием дела кивнув хозяйке дома.

Строгое выражение исчезло с лица отца Штефаника, но он все-таки задал вполне ожидаемый вопрос: «Где ты бродил?»

«Мы были на Брадле»³, — чуть слышно проговорил Милан и оглянулся на брата, который ходил его искать и нашел довольно далеко от дома.

«В потемках..? — спросил отец и тут же добавил, — твое счастье, что у нас гости! Но завтра мы еще об этом поговорим!»

«Ну, Палько, не ругай мальчика на ночь глядя», — вмешалась в разговор теща священника, пани Юренкова, которую все в семье и по соседству звали просто — бабулечка.

«Только не заступайтесь за него! Сами ведь то и дело поглядывали за занавеску. Думаете, не знаю, почему?» — промолвил отец Штефаник, да так строго, что у бабулечки с колен скатился клубок шерсти.

Однако последнее слово все равно остается за матерью.

Пани Штефаникова подошла к Милану и, нежно обняв его за худенькие плечики, повела к накрытому столу.

«Поужинай, бродяга ты мой!» — она налила ему чашку чая и пододвинула баночку с медом.

¹ почетный «титул» старейшины, отца нации (здесь и далее — прим. пер.)

² Кошариска — село в Западной Словакии, место рождения М.Р. Штефаника.

³ Брадло — высокий холм (543,1 м), ныне там расположен мемориал М.Р. Штефаника.

Батько Гурбан тем временем поднялся с кресла, с трудом выпрямил больную спину и осторожно уселся на стул рядом с Миланом.

«А что ты там делал? — спросил он его, — Только правду говори! Как мужчина».

Милан, с набитым ртом, прожевывая ватрушку, благодарно посмотрел на батько Гурбана, и, глотнув чая, ответил: «Я наблюдал за звездами. Оттуда они ближе».

Батько Гурбан повернулся и многозначительно посмотрел на все еще хмурившегося отца Штефаника, а потом снова обратился к Милану: «И что же ты узнал?».

Милан, уже совсем забыв о недавней угрозе отца, к большому удивлению Гурбана отвечал: — «Если соединить линиями самые яркие звезды, получаются разные картинки».

«И что это, по-твоему, значит?» — поднял брови батько Гурбан.

Глаза Милана радостно разгорелись. Наконец-то этим заинтересовался кто-то из взрослых. К тому же не просто обычный человек, а всеми уважаемый пан Гурбан, крестный его отца. А может, и больше, чем крестный. Ведь когда-то именно он отправил отца учиться на священника. «Если бы не Йозеф Милослав Гурбан, Павол Штефаник никогда не стоял бы перед алтарем и не вззошел бы на церковную кафедру» — сказал как-то раз дядюшка Папанек пану учителю Костелному, и Милан очень хорошо это запомнил.

Может быть, поэтому он сейчас доверчиво повернулся к батько Гурбану и смело посмотрел ему в лицо: «Это значит, что звезды на небе красиво разложены, а не просто кое-как разбросаны!»

Батько Гурбан серьезно покивал головой, почесал густую бороду, а потом обратился к отцу Штефанику: «Посмотрите-ка на него! Малый-то наш самому Богу в руки заглянул. Хороший знак. Запомни это, Павол. Образованные люди нам как соль нужны!»

Отец Штефаник хотел было что-то сказать, но тут послышался стук. Через миг в дверях показался друг семьи, дядюшка Папанек: «Дай бог здоровья всем! Я зашел спросить, пан священник, в котором часу мне утром запрягать».

«В седьмом, дядюшка Папанек, в седьмом», — первой отозвалась пани Гурбанова.

«В седьмом? Что же так рано?» — удивилась бабулечка Юренкова.

«Завтра же воскресенье, бабулечка. И у отца Гурбана служба в храме. Поэтому пораньше надо встать».

У бабулечки Юренковой слух был вполне хороший. Но она все равно недоверчиво покачала головой: «Неужели снова неделя пролетела? А еще говорят, для старых людей время медленно идет!»

ИЛИ ВСЕ, ИЛИ НИКТО

Часы на башне лютеранского храма в Глбоком¹ показывали ровно половину десятого, когда повозка дядюшки Папанека прибыла на место. Перед домом священника и перед церковью стояли, беспокойно озираясь, празднично одетые люди. Сейчас их внимание естественным образом переключилось на приехавших гостей.

¹ Глбоке — село на западе Словакии, где долгие годы служил приходским лютеранским священником Й.М. Гурбан (1817–1888).

Люди слегка расступились, чтобы дать дорогу лошадям и повозке, и с безопасного расстояния разглядывали гостей.

Дядюшку Папанека многие жители Глобокого давно знали и уважали. Долгие годы разъезжал он со своими лошадками и повозкой по родному гористому краю. Однако больше всего нравился ему путь между Кошарисками и Глобоким. Дядюшка частенько вспоминал те годы, когда еще был жив батько Гурбан, и он возил их с пани Анной в гости к Штефаникам в Кошариска. А, бывало, и сами Штефаники выбирались в гости в Глобоке. Правда, по мере того, как в семействе Штефаников прибывало потомства, их визиты в Глобоке случались все реже. Но дядюшка Папанек все равно воспринимал эти поездки как проявление большого почета и доверия к себе. А, кроме того, по дороге, слушая речи этих ученых мужей, он каждый раз узнавал для себя что-то важное и интересное.

Дядюшка Папанек соскочил с повозки, поправил вожжи, слегка поклонился сельчанам и принялся помогать путникам сойти. Жители Глобокого прекрасно знали, что привезти он мог никого иного, как семейство Штефаников. Да еще пана Костелного.

Так оно и случилось. Первыми соскочили братья Палё и Милан, а за ними отец Штефаник. К удивлению многих сельчан на нем была не пасторская, а цивильная праздничная одежда. Вместе с дядюшкой Папанеком он помог сойти с повозки сначала жене Альбертине, а потом и дочерям Ольге и Гелене.

Местные жители почтительно приветствовали их, а некоторые мужчины подошли поближе, чтобы поздороваться с приезжим священником за руку и перекинуться с ним парой слов. Но поговорить подольше им не удалось.

В эту минуту из дома священника к ним быстрым шагом направился мужчина. Это был старший сын Йозефа Милослава Гурбана, Светозар Гурбан-Ваянский. Он жил в Мартине и уже более десяти лет работал там редактором «Народних новин».

Светозар Гурбан поспешно поздоровался с пани Штефаниковой, только скользнув взглядом по остальным, потом взял отца Штефаника под руку и повел его к воротам расположенного неподалеку кладбища.

Милан понял, что произошло нечто серьезное. Лицо Светозара Гурбана выражало возмущение.

«Пошли!» — Милан дернул брата за рукав, и они поспешили за отцом и Гурбаном.

Палё в нерешительности оглянулся на мать, но когда Милан еще раз сильно подтолкнул его, прибавил шагу.

Вскоре они догнали отца с Гурбаном, и до них донеслись слова:

«Ты приехал как раз вовремя, Павол, — говорил Гурбан, отпуская локоть Штефаника, — Сейчас ты увидишь верх бесправия и нетерпимости в цивилизованной Европе...»

Толпа перед воротами кладбища становилась все плотнее. Однако увидев приближающихся Гурбана-сына и священника Штефаника из Кошариште, люди торопливо расступились.

Милан и Палё невольно замедлили шаг: то, что они увидели, показалось им вначале дурным сном.

Перед входом на кладбище стояло человек пятнадцать жандармов с длинными штыками на винтовках. Вдоль кладбищенской ограды на расстоянии около

двадцати метров располагались по одному другие жандармы. Ими командовал невысокий, но, как вскоре оказалось, весьма злобный офицер с большой саблей на боку.

«Готовься!» — крикнул офицер и махнул рукой. Жандармы по команде сняли с плеч винтовки. Затем офицер шагнул навстречу Гурбану и Штефанику и прокричал: «Вход на кладбище воспрещен!»

Светозар Гурбан на миг замер, посмотрел на Штефаника и, оставив его позади, сделал три шага вперед. Затем решительно и громко, чтобы слышали все, произнес: «Я — Светозар Гурбан, старший сын покойного, а это — его вдова и... ближайшие родственники». Светозар Гурбан повернулся к подходившей к нему матери. Вслед за ней шли в плотной группе трое его младших братьев и жена Ида. Все остановились возле священника Штефаника.

Милан и Палё жались возле отца и с ужасом смотрели на эту сцену. Сзади к ним пробиралась перепуганная мама.

«Предъявите ваши документы!» — рявкнул офицер.

Милан издали рассмотрел его знаки отличия. Это был поручик. Он хотел шепнуть об этом брату, но не успел.

Над головами многочисленной толпы прогремел голос Гурбана: «Это я должен предъявлять документы? Я здесь у себя дома! Я здесь родился! Все это могут подтвердить. Это вы здесь чужой! Вам здесь нечего делать...!»

«Молчать!» — закричал поручик и схватился за рукоять сабли. — «Молчать, а не то прикажу вас арестовать!»

«Только попробуйте!» — отрезал Гурбан.

В толпе поднялся шум.

«Что такое?» — воскликнул поручик, и голос его задрожал. Потом он отошел на край узкой дорожки, повернулся боком к жандармам и поднял правую руку. Это означало: слушать команду.

Жандармы подняли винтовки и прицелились в Гурбана и стоявших рядом с ним людей.

Толпа беспокойно зашевелилась, сзади раздались крики. Пани Гурбанову поддерживали младшие сыновья, а испуганная пани Штефаникова протиснулась поближе к сыновьям и мужу.

Жандармы стояли с поднятыми винтовками и ждали следующей команды.

Внезапно возле ограды, неподалеку от первого жандарма все увидели бегущего человека, он кричал: «Погодите, пан поручик! Погодите!»

Это был уездный начальник из Сеницы. В ужасном волнении, задыхаясь, он подбежал к поручику и повторил: «Погодите!». Потом повернулся к жандармам и махнул им рукой. К удивлению присутствующих жандармы опустили винтовки штыками вниз.

Поручик пытался протестовать, но увидев, что чиновник подошел к Гурбану, только нервно сжал рукоять сабли.

«А вы, пан Гурбан, не провоцируйте их!» — добавил чиновник и с трудом перевел дыхание.

«Я? — нахмурился Гурбан. — Это вы устроили провокацию. Не пустить людей на собственное кладбище помолиться над могилой отца, это... это уже не провокация, господин уездный начальник! Это — гиенизм! Гиенизм в Венгрии!»¹

Светозар Гурбан посмотрел на толпу людей и на короткое мгновение ощутил в душе большое облегчение, даже радость. В их глазах он увидел не страх, а решимость. Потом он бросил взгляд на растерянного поручика и заглянул в лицо чиновнику.

Чиновник замахал руками, и по его лицу пробежала усмешка. Ведь он не сказал еще самого главного.

«Вам и вашей семье вход дозволяется, пан Гурбан. Прошу вас!»

Чиновник шагнул в сторону и указал на ворота кладбища. Потом кивнул головой, дав знак офицеру, чтобы тот приказал жандармам расступиться.

Но голос Гурбана снова прозвучал со всей решительностью: «Если у народа нет свободы, то и мы не просим для себя милости!»

Чиновник недоуменно и с нескрываемым изумлением посмотрел на Гурбана: «Как? Вы отказываетесь?»

Светозар Гурбан обратился сначала к толпе сельчан и гостей: «Весь народ собирал средства на памятник моему отцу...» Потом повернулся, поглядел на чиновника, на поручика и на жандармов, стоящих возле входа на кладбище и сказал: «Народ имеет право освятить его своей молитвой. Или все, или никто!». Гурбан закончил свою речь и огляделся вокруг.

На миг повисла полная тишина. Но потом с края толпы прозвучал голос пожилой женщины: «Они боятся, что мы разбудим его!»

«И верно, мы разбудим его!» — поддержал ее мужской голос с противоположного конца толпы.

«Мы разбудим его дух! А такое пробуждение нельзя остановить штыками!» — отозвался третий голос из гущи собравшихся людей, и Милану показалось, что это был голос дядюшки Папанека.

«Мы освятим его, пусть даже и кровью!» — прозвучал еще один мужской голос, и толпа пришла в движение.

Этого уже представители власти стерпеть не могли. Поручик шагнул в сторону и поднял правую руку. Жандармы снова поднимали винтовки и прицелились в собравшихся. Уездный начальник, стоявший прямо перед линией сверкающих штыков и отверстий длинных дул, испуганно подскочил к поручику.

Пани Анна прижала руки к груди, и ноги ее подкосились. Младшие сыновья подхватили ее, а старший, Светозар, бросился к ней и обтер платком ее побледневшее лицо.

Было второе воскресенье сентября 1892 года. В садах радовались богатому урожаю фруктовые деревья, и сияющее на небе солнце предвещало приход бабьего лета.

Милан Растислав Штефаник запомнил этот день на всю жизнь. Вначале он с нетерпением ждал его. Ведь еще неделю назад он должен был вместе с братом Палё пойти после каникул в братиславскую школу, но отец написал руководству

¹ С. Гурбан-Ваянский описал это событие в статье «Гиенизм в Венгрии».

школы и известил о том, что они приедут позже. И, естественно, рассчитывал на понимание дирекции. Ведь такое торжество, каким должно было стать открытие достойного памятника на могиле одного из величайших сынов словацкого народа, случается не каждый день. Милан был благодарен отцу за то, что тот взял его с братом Палё. Ведь он хорошо помнил батько Гурбана, помнил и морозный день в конце февраля 1888 года, когда Гурбана здесь хоронили, а его, Милана, тогда на похороны не взяли, поскольку у него не было теплых сапог.

И теперь он стоял за спиной мамы, заслонившей собой обоих сыновей, и ждал. Чего? Команды поручика стрелять? Выстрелов? Плача? Криков?

В мертвой тишине вдруг раздался звон колоколов храма в Глоком. Все, в том числе и жандармы, невольно посмотрели на колокольную башню. Из ее окна вниз по стене кто-то вывесил словацкий триколор.

Толпа сзади вдруг заволновалась и расступилась. Люди освобождали проход для прибывшего священника Яна Лешки из Брезовой и инспектора Павла Мудроня из Мартина. Священник Ян Лешка был в церковном облачении, и все сразу поняли, что он идет совершать богослужение. Оба они шли вдоль кладбищенской ограды по направлению к храму. Когда они проходили мимо жандармов, те уже подняли винтовки на плечо. Звон колоколов дал им команду поступить по-своему.

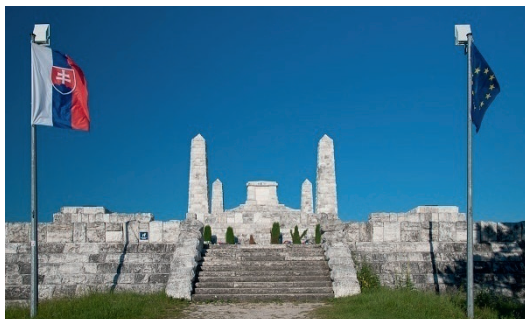
Светозар Гурбан понял смысл брошенного ему священником Лешкой взгляда, и вместе с Павлом Штефаником он последовал за обоими мужчинами. Все остальные неспешно, с достоинством двинулись за ними. На безмолвно стоящих жандармов и озлобленного поручика никто даже не посмотрел. Только Милан заметил, как чиновник вытирал платком вспотевшее лицо.

Когда все приблизились к входу в храм, Милан посмотрел на отца и спросил: «Мы освятим памятник в церкви?»

Отец с улыбкой кивнул и погладил сына по голове. Он заметил, что его русые, отливающие золотом волосы, которыми все так восхищались, немного потемнели.

(Главы из книги Ярослава Резника «Глаза, полные небес», 2010)

Перевод Людмилы Широковой

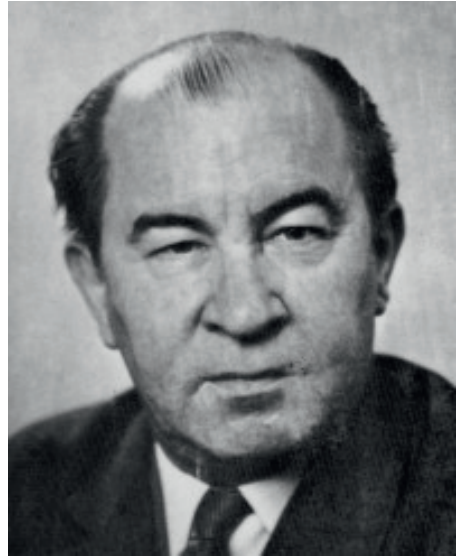

Мемориал в Брадло

«... Я СОН И ЯВЬ ПОСТИЧЬ СТАРАЛСЯ...»

ВЛАДИМИР РАЙСЕЛ: 100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

19 января 2019 г. исполняется сто лет со дня рождения одного из самых удивительных словацких поэтов XX в. — Владимира Райсела (традиционное написание фамилии — Рейсел; 1919–2007). В молодости он был активным участником художественного движения надреалистов (сюрреалистов), сыгравшего весьма значительную роль в истории словацкой культуры, прежде всего поэзии. Вступление Райсела в литературу со сборником стихов «Я вижу все дни и ночи» (1939) означало, что после первопроходца надреализма, Рудольфа Фабри (сборники 1935 г. и 1938 г.), поэзия встретила с еще одним талантливым автором, который подтвердил стремление надреалистов к формированию собственного направления, уже заявленное, в частности, в альманахе «Да и нет» (1938). «Да» — прогрессивному в национальной традиции (главным образом, романтизму, представленному Янко Кралем), «нет» — фашизму, «порабощению духа», который уже нависал над Европой и непосредственно над Чехословакией. И, конечно, — присущая сюрреализму безудержная фантазия, путешествия в лабиринтах снов, невероятная образность, откровенная чувственность, а также свободный стих (верлибр), который они по-настоящему и утвердили в национальной поэзии. И всё это было у поэтов, творивших

уже в годы Второй мировой войны, окрашено экзистенциальным страхом и отвращением к победным режиссам, за которыми стояли миллионы жертв. Поэзия Райсела была здесь наравне с поэзией Фабри, которого считают первым среди словацких надреалистов, но выделялась обостренной эмоциональностью, гиперчувствительностью, как и ярчайшей образностью. Строки из его произведений использовали его соратники-критики в своих статьях. Наша монография о словацком надреализме тоже содержит в названии образ Райсела «чудесные искры» (исходно «zázračná iskra»).

Райсел родился в Бродзанах, учился на философском факультете Карлова университета в Праге, но в 1939 г., в связи с распадом Чехословакии, вернулся на родину и закончил учебу в Братиславском университете. Он хорошо знал французский язык и переводил французских поэтов (в основном своих любимых сюрреалистов и их предшественников). Второй его сборник стихов, «Темная венера»¹, состоял из произведений 1938–1940 гг., но эта книга, едва ли не лучшая в его творчестве, вышла только в 1967 г. Несколько отходит от принципов сюрреализма его поэма «Нереальный город» (1943), поскольку в ней есть сюжетная канва и описательные элементы, но рассказанная в ней автобиографическая история прогулок молодого словака по Праге (которая нигде не названа) и его короткая, насильственно оборванная политической обстановкой любовь к чешской девушке Эмилии, переданные с той же искрящейся образностью, не могут не привлекать читателя. Четвертая книга надреалистического периода, «Зеркало и за зеркалом» (1945), отличается мрачной, почти безысходной тональностью, но последние стихотворения просто

брызжут восторгом от победы над фашизмом, наступления новых времен.

В 1950-е годы Райсел отдал дань (как и другие надреалисты) прославлению социалистического строительства, используя упрощенную, «понятную» поэтику (и при этом безупречно владея техникой силлабо-тонического стиха). К концу десятилетия он начинает отходить от этого непродуктивного течения. В 1960-е гг., когда происходит некий «ренессанс» надреализма, Райсел пытается вернуться к поэтике своей молодости в сборниках «Стихи о сне» (1962) и «Грустные наслаждения» (1966). Его привлекает жанр миниатюры, в которой нередко звучит опыт зрелости, даже философские ноты. Он продолжал публиковаться и в дальнейшем. В 1988 г. вышла книга его ранних стихотворений, подготовленная еще в 1937 г., — «Терпкие дички». С 1972 г. по 1987 г. Райсел был главным редактором старейшего словацкого литературного журнала «Словенске погляды».

В истории словацкой литературы Владимир Райсел остался неповторимым поэтом целой вселенной переживаний, фантазии, обнаженных чувств, великолепных метафор. Об этом лучше всего говорят его стихи.

Наталия Шведова

¹ Написание «венера» со строчной буквы, по нашему мнению, означает, что речь идет не о богине (и тем более не о планете), а о женщине.

Я открываю розу
 На которой ты видишь во сне свою грусть из фарфора
 Подражая музыке сфер
 Ты алмазно опускаешься в глазной ветер
 Но звезда угасает раньше чем смерть
 И я тебя не знаю
 Цветистое тремоло сияющего волоса
 Блеска начищенных надгробий
 Которые нам будут петь однажды на струнах оливы
 Завернутый в кудрявую тень
 Я предаюсь иллюзиям без веера
 Сожженный вином твоего ускользания
 В лабиринт с обрубленным сердцем
 Как ночь что я пью из Орфеевой арфы
 И знамя собора брошенное в сны
 На кофейную могилу луны

Париж твои несожженные мосты
 Игрушки для нерожденных детей
 И картина революций на поверхности Сены
 Дают предчувствовать желтое убийство
 Которое меня преследует
 Убийца оторванный от рассветов
 Вот в гуще людей всевозможных рас
 Продирается маленький мальчик с глазами Эйфелевой башни
 И это неизгладимая картина ужаса
 Навсегда врытая в золотые лужи
 От этого зависит всё
 Мальчик-бродяга
 Утонуть в капле дождя
 И не звать на помощь

Полночи

Эта страшная тишина
Которой кровоточит нёбо
И поезда прорывающие губы
Убивают

Ты плачешь и бархатистое лицо возносится
Есть ночь
Есть еще ужаснейшая полночь
Есть разрубленное опьянение рук
А изо лба
Который пахнет чужим телом
Выходит пламя моих ладоней
Пламя больного снега
Пламя кошмара

Той которая закрывается

Открой свои жаждущие руки
Со жгутиками неги
Открой свое ласковое тело
Всем ветрам ни единому ветру
Чтобы возникла взволнованная площадь
Оставленная и магическая
Как твоё желание
У самых корней дерева на вершине которого
висит мертвое лицо

Позволь качать тебя водами моих глаз
Без ветряной мельницы росы
Позволь усыпить себя отсветом зеленых часов
Постоянно кружащих около твоего рта
Позволь ласкать себя мужчинам без сердца
Скромный лебедь
Песнь которого превышает падение дерева

Построй из своих рук прекрасную часовню
Где бы играли самые соблазнительные существа пляжей
Существа без голов

Ты близко

На твоём теле мертвая птица орел грусти
 Когда ты возносишься
 Похожая на свой прообраз дали
 С чертами овсяного поля
 С добротой анемона цветка кровожадности
 С плачем револьвера
 Ты рука которой создает мое несчастье
 Калейдоскопически набросанное на морщины зимы
 Как тропическое дерево одежда которая падает
 Чтобы открыть длинное изумрудное тело
 Разрисованное бриллиантами поцелуев
 Разрисованное набросками лирических могильников
 Глаза обращенные к своему одиночеству
 К своей большой любви радуги и слезоточивости
 К своей неопределенности

Останься прекрасной
 Для того который не умел быть милосердным

Из поэмы «Нереальный город»

Ходить по мостовым
 Встревоженных улиц
 Смотреть на запыленный антиквариат
 Искать поэтов в распоследнем месте
 Где не ходит даже смерть
 Но здесь спит поэзия
 Поэты здесь ваши могилы неизвестных солдат
 Я стою
 С обнаженной головой
 Перед этим магазином немного грустным
 Где покупают
 Поэтов
 И женщин
 За пять крон
 За одну напрасную слезу

Перевод Наталии Шведовой

ЯН ЧЕРВЕНЬ: 100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Ян Червень (1919–1942) прожил очень короткую жизнь, оставив заметный след в литературе Словакии. В его творчестве нашли свое отражение актуальные течения современной писателю прозы, такие как натурализм, экзистенциализм, сюрреализм. Многие словацкие критики относят Я. Червеня к группе так называемых «поэтов сюжета», выступавших против описательного реализма и чрезмерной лиризации прозы.

Червень родился в местечке Абрамова, в 1929–1937 гг. учился в Новых Замках и Братиславе. В 1937 г. поступил на философский факультет (специальность словацкий и французский языки) Университета Коменского в Братиславе. После окончания работал учителем в гимназиях Приевидзы, Новых Замков. Одновременно публиковал в периодических изданиях («Новый свет», «Нове слово», «Культура», «Словенские погляды») юморески, картинки из жизни. Большой успех принес ему первый и единственный сборник новелл «Синий собор». В книгу, опубликованную уже после смерти писателя («Синяя и золотая», 1964), были включены как ранее известные, так и новые произведения, а также отрывки из дневника.

Ян Червень

СЕМЬ ПИСЕМ

Это произошло высоко в горах. К одному из многочисленных холмов прилепились несколько морщинистых халуп, пахнувших молоком и луком. Халупы были довольно скромные, лишь белая школа, к которой была прикреплена

вывеска с государственным гербом, выглядела гораздо значительнее, чем другие.

На одном из дворов можно было увидеть петуха, выставившего свой яркий хвост. Он наверняка хотел удивить им людей. Однако найти этих людей было практически невозможно. Не знаю, куда они подевались — может, пошли искать клады среди серых скал, на которых загорают гадюки, может, духи огромных горных теней забрали их в подземелье, а может, нищета заставила их покинуть свои халупы и петуха, оставив их на произвол судьбы.

И все же я увидел человека. Это было довольно неожиданно. В самом лесу, где над грибами, белками и красными муравьями царит сумрак, я заметил девушку. У нее была прическа, которую носят там, внизу, возле белых дорог и широких рек, а ее платье было усыпано цветами, которые можно увидеть на платьях городских женщин. Под ее медленными шагами похрустывали ветки и хвоя. Среди шершавых пней, которые плакали смолой, она разбрасывала белые бумажки. Я услышал, как при этом она приговаривала:

— Свои печали и признания я дарю лесу. Потому что лес старый, большой и умный. Лес наверняка меня поймет.

Разбросав все бумажки, которых было семь, она сказала:

— Читай, лес! Ты — чистый и могучий, я писала это только тебе!

А потом девушка исчезла, будто вила.

Будучи городским жителем и к тому же любопытным человеком, я собрал все бумажки. Девушка уже не могла меня видеть, поэтому я сел на траву и стал читать. Семь писем звучали так.

ПЕРВОЕ:

(оно было самым старым)

Мой милый!

Я не знаю, кто ты, но мне это и не важно. Ты, который будешь читать эти строчки, вероятно, меня не знаешь, но это не имеет значения. Прошу тебя только об одном: верь мне, я очень несчастна, и если сможешь, хотя бы немножко пожалей меня!

Мне еще нет и семнадцати, а меня уже выдали замуж. Я совсем не разбираюсь в торговле, поэтому и это замужество стало для меня загадкой. Я очень наивна, и до недавнего времени я думала, что все люди хорошие, такие же хорошие, как и наша собачка, и такие же шутники, как гимназисты. Однако меня выдали замуж за человека, который и не хороший, и не шутник. Он жирный и намного старше меня. Когда мы еще были вместе, он говорил только о вине и о деньгах. Ну, так я ему сказала, что я не хочу его. Он рассердился и ударил меня. Конечно, меня это удивило, и я пригрозила, что пойду и пожалуюсь родителям. Но он не испугался: «Что? Родителям? Ведь они знают, что ты — моя

собственность!» И он рассмеялся. Мне стало понятно, что сопротивляться бесполезно, и я старалась быть приветливой. Однако это продолжалось лишь два дня. Он опять ударил меня, потому что я не подала ему завтрак в постель. Не сказав ни слова, я заплакала. Я стала бояться его и мечтать о будущем. Наконец, я осмелилась все рассказать маме. Ее ответ, хотя и не словесный, но по смыслу походил на ответ моего мужа. В моей душе все запротестовало, а как же еще!? Когда однажды я, собравшись с духом, пошла к сестре в Быстрицу, муж не пришел за мной, а прислал мне отвратительное письмо, которое я разорвала, не дочитав до конца. Тогда вся семья причитала надо мной, и только у меня глаза были сухими. Понимаешь, дорогой мой, ко мне все плохо относились, не понимали меня. Поэтому я пишу тебе, тому, с кем не знакома, но о котором знаю, что он благороден. Не осуждай меня!

Благодарю тебя. Анна

ВТОРОЕ:

Милый,

я снова свободна. Ты не можешь себе представить, как я довольна расторжением брака. Я ощутила в себе прилив новых, неизведанных доселе сил, которые вместе дали мощный... Мне захотелось взяться за учебу, которая стоила мне очень дорого; меня приняли в Педагогический институт.

Я должна написать тебе о Кароле. Уже не помню точно, когда я познакомилась с ним. Он не моложе моего бывшего мужа, однако то, что его бесконечно возвышает — это образование. Карол часто рассказывает о далеких странах, о книгах, о музыке, и его некрасивое, болезненно-бледное лицо светится вдохновением. Когда он разговаривает о своих чувствах (это случается очень редко), в его голосе слышится убежденность в том, что я не способна его понять.

Настали тяжелые времена. Моя мать умерла, а сестра не могла давать мне денег на учебу. Я не знала, как я буду жить дальше.

Однако Карол благородно предложил мне некую сумму в качестве помощи. Конечно, я отвергла ее.

«Лучше я уйду из школы, — сказала я ему, — но милостыню не приму!»

«Какая ты гордая! — Засмеялся он. Он не был язвительным, скорее добродушным, и это меня сломило. Я приняла деньги из его рук.

«У меня достаточно денег», — убеждал он меня, чтобы успокоить.

И я продолжила учебу, учусь и сейчас. При этом, однако, я все время думаю, как вернуть ему долг. Ибо я, и в самом деле, хочу расплатиться с ним.

Суди меня, мой дорогой, моя незнакомая душа, правильно ли я поступила!

Анна

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО:

Милый незнакомец!

Как я была бы рада, если бы ты смог мне помочь! Боже, Боже, что происходит?

Сегодня после обеда я сдала экзамен на аттестат зрелости и достигла такого уровня, который уже кое-что стоит. Понимаешь, я хочу достойно жить. Дома меня ждал Карол, он поздравил меня. Мне было очень весело и хотелось петь. И вдруг случилось нечто, чего я не ожидала и что, тем не менее, уже давно могла бы предвидеть. Карол признался, что любит меня. Я пришла в замешательство. С одной стороны, потому, что уже слишком давно у меня не было времени думать о любви, с другой, — что я вдруг полностью осознала свой долг. Мне стало неприятно, когда он с настойчивой твердостью повторил свое признание. Однако уже в следующую минуту он снова улыбался, в ожидании моего ответа. Если бы я долго подыскивала слова, то мой ответ не был бы столь ясным. Я же быстро сказала ему: «Я не буду вашей женой!»

В его глазах появилось смятение.

«Ах, конечно, ваши деньги! Вы поддерживали меня в течение нескольких лет. Я стоила вам слишком дорого».

Но он, покачив головой, ушел. Я испытывала чувство жалости к нему, к его некрасивому, такому мученическому лицу. Мне хотелось побежать за ним, сказать ему, что, как только достану деньги, я выплачу все долги. Но я не нашла его. Может, он умер, а, может, еще жив.

Анна

ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО:

Мой милый,

ты не поверишь, какие события происходят в моей жизни. К сожалению, — не самые хорошие. Уже довольно долго я ощущала слабость, и болезнь постепенно овладела мной в полную силу. Врач отправил меня в Татры, если бы не это, вероятно, я бы уже умерла. Ведь ты знаешь, как жесток туберкулез.

Но сегодня я уже спокойна и уверена в себе. О, если бы ты мог познакомиться с доктором Б., который лечил меня! Он не молод, но выглядит очень хорошо. Главное — он молод духом. Он заботится обо мне... Не знаю, как это назвать. Как отец? Нет, это не то...

О чем тебе еще написать? Вероятно, о том... что я уже почти здорова, и что меня радуют эти прекрасные вечера и звезды.

Твоя Анна

ПЯТОЕ ПИСЬМО:

Дорогой,

со мной произошло чудо. Доктор Б. попросил моей руки. Я так взволнована, что не могу подобрать подходящие слова.

Анна

P.S. Я вспомнила о Кароле. Не знаю, что мне делать с моими мыслями. Меня мучает тот долг. Ах, если бы я смогла все отдать! Ведь я стану женой доктора Б.! Я счастлива.

ШЕСТОЕ ПИСЬМО:

Мое сердце бьется от страха. Как могло случиться, что он нашел меня? Я мечтала, чтобы он нашел меня, а вот теперь я из-за этого несчастна. Он не хочет денег; он все еще такой же, как и прежде: некрасивое лицо, а на нем добрая улыбка. Он очень любит меня.

Я решила, что не выйду замуж. Нет. Я не могу этого сделать. Если он не хочет денег, эта жертва ему понравится.

СЕДЬМОЕ ПИСЬМО:

Дорогой,

сегодня я тебя, наконец, узнала. Я пришла к тебе, пришла совсем близко. Я работаю здесь учительницей, а ты шумишь за дворами и за садами. Ты — лес. Я часто прислушиваюсь к тебе, хожу к тебе каждый день. Я влюбилась в тебя, и я дарю тебе эти письма! Ты столько всего даришь земле, что, я думаю, ты примешь их от меня.

Твоя счастливая Анна

Так заканчивается последнее письмо. Я долго сидел на траве. Наступил вечер. Вдали я услышал пение, это было пение Анны. Я взял письма и бросил их в лес.

— Они только твои, возьми их!

Перевод Аллы Машковой

ХРОНИКА

Геда Кубишова

НОВОСТИ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА УНИВЕРСИТЕТА МАТЕЯ БЕЛА В БАНСКОЙ БЫСТРИЦЕ

На торжественном заседании по случаю 55-летнего юбилея создания филиала Словацкого лингвистического общества его члены из числа сотрудников кафедры словацкого языка и коммуникации философского факультета Университета Матея Бела в Банской Быстрице оценили результаты уже более чем полувекового существования филиала, который изначально возник на базе Педагогического факультета, а в дальнейшем претерпел множество

организационных изменений. Сегодня его деятельность можно оценить как очень плодотворную и успешную. Участники вспомнили плеяду выдающихся лингвистов, работавших в этом филиале в качестве преподавателей высшей школы, а также словацких и зарубежных гостей, которые обогатили его своим опытом, способствовали расширению сотрудничества филиала с другими академическими институтами и совершенствованию профессионализма своих коллег и студентов.

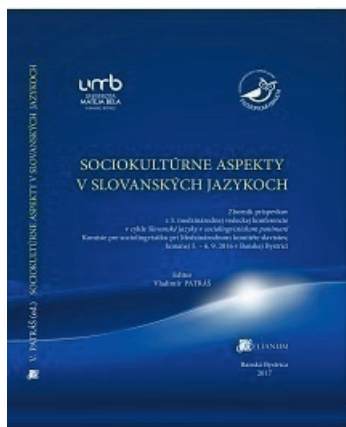
В рамках этого заседания прошла презентация нескольких любопытных публикаций. Двухязычная словацко-английская научная монография «Динамика разговорной коммуникации в теоретических и практических аспектах» (*Dynamika hovorenej komunikácie v*

teoretických a aplikačných náhľadoch. Banská Bystrica: Belianum, UMB 2016, 356 s.) явилась результатом многолетней научной работы профессора университета Владимира Патраша, который в своих социалингвистических исследованиях, начавшихся еще в 1990-е годы, в рамках многочисленных научных проектов изучает развитие, современное состояние и происходящие изменения в разговорном языке. В монографию включено 15 научных работ автора, о которых в свое время он докладывал на различных научных мероприятиях в Словакии и за рубежом. После вступительной теоретической главы во второй части книги автор рассматривает вопрос о культуре высказывания в разговорной коммуникации. В третьей главе исследуются иноязычные элементы, динамика норм и социокультурные аспекты разговорного словацкого языка. Здесь автор особое внимание уделяет городской коммуникации. В разговорном языке старшего поколения жителей Банской Быстрицы В. Патраш обнаруживает германизмы внепоколенческого характера как результат давней шахтерской колонизации, тогда как при использовании младшим поколением эта лексика

выполняет, скорее, функцию иронии. В разговорный язык молодого поколения проникает множество германизмов, особенно под влиянием коммуникации в СМИ и Интернете. В планах профессора В. Патраша — издание английского перевода книги с тем, чтобы заинтересовать зарубежных исследователей и мотивировать их к дальнейшему изучению указанных явлений.

Сборник материалов 3-й Международной научной конференции вышел в рамках цикла «Славянские языки в социалингвистическом аспекте» Комиссии по социалингвистике при Международном комитете славистов, заседание которой состоялось 5–6 сентября 2016 г. в Банской Быстрице. Сборник получил название «Социокультурные аспекты в славянских языках» (*Sociokultúrne aspekty v slovanských jazykoch*. Banská Bystrica: Belianum, UMB 2017, 192 s.) Составителем его также выступил профессор Владимир Патраш. Сборник включил в себя доклады, подготовленные к XVI Конгрессу славистов в Белграде в 2018 г. Авторами материалов являются сотрудники университетов из различных славянских стран. Более половины статей принадлежат польским лингвистам (12), прочие страны представлены следующим образом: Болгария (1), Белоруссия (1), Македония (1), Литва (1), Украина (2), Словакия (2). В основном, авторы исследуют современное состояние литературных славянских языков, проявления глобализации языков, коммуникацию в СМИ и Интернете, а также состояние разговорного языка. Мы не можем подробно говорить здесь обо всех статьях сборника, лишь в общих чертах

обозначим темы словацких исследований. В. Патраш описывает значительное проникновение разговорных элементов в общественную коммуникацию, т. е. затрагивает вопрос так называемой коллоквиализации языка особенно в альтернативных электронных СМИ, черпая примеры из различных славянских интернет-ресурсов, в том числе российских. П. Одалош на основе проведенных исследований приходит к выводу, что основным решающим фактором при выборе лексики в коммуникации является поколенческий фактор.

Расскажем еще об одной долгожданной публикации — Сборнике материалов 9-й Международной научной конференции о коммуникации «Синхронные и диахронные контексты языковой коммуникации» (*Synchronne a diachronne kontexty jazykovej komunikácie. Zborník materiálov z 9. medzinárodnej vedeckej konferencie o komunikácii Synchronne a diachronne kontexty jazykovej komunikácie. Banská Bystrica 17. — 18. 9. 2015. Edit. prof. Pavol Ošaloš. Belianum, UMB Banská Bystrica, 2018, 374 s.*) под редакцией профессора

Павола Одалоша. По техническим причинам сборник вышел в свет с опозданием лишь в 2018 г. У составителя была непростая задача, поскольку в сборник вошли 44 научных статьи 49 авторов, а на самой конференции встретились более 60 лингвистов из 5 стран (Словакии, Чехии, Венгрии, Польши и Хорватии).

Темами конференции стали:

1. Методология в языке и коммуникации;
2. Социолингвистика, коммуникация, коммуникативные сферы и коммуникативные ситуации;
3. Славистика, европейские языки, языковые контакты, переводная коммуникация;
4. Диахронная коммуникация и лингвистика.

Статьи были посвящены проблеме стандартных и специфических коммуникационных сред, анализу языка социальных групп, вербальной манипуляции, языку рекламы и межкультурной коммуникации. Напомним, что банскобыстрицкие конференции проводятся с 1990 г. регулярно раз в три года. Основываясь на данном сборнике, можно с уверенностью сказать, что девятая конференция

получилась очень успешной. Надеемся, что юбилейная десятая встреча подтвердит правомерность международных встреч лингвистов в центре Словакии, а также высокий профессиональный уровень банскобыстрицкой социолингвистической школы.

* * *

В конце 2018 г. вышла в свет и научная монография «Чужесть и инаковость в языковой коммуникации» (*Cudzost' a inakost' v jazykovej komunikácii*. Belianum, UMB Banská Bystrica, 2018, 127 s.), в основе которой лежат исследования современного германиста и русиста Зденко Добрика. Тематически данная публикация относится к сфере ксенолингвистики и касается, в основном, изучения и интерпретации понятий чужести (*xenos*) и инаковости на теоретическом уровне, оперируя определениями концептов «чужесть» и «инаковость», приведенными в труде Ю. Долника (2015). Автор тематически касается, в первую очередь, проблемы миграционного кризиса в европейском контексте, проводит ксенолингвистический анализ выступлений словацкого президента А. Киски, чешского президента М. Земана, бывшего президента Германии И. Гаука, немецкой писательницы К. Шмидт (роман «Мы сможем»). Заключительная глава книги посвящена судьбе выдающегося конструктора автомобилей Ф. Порше, который после Второй мировой войны был обвинен в коллаборационизме. Автор публикации приходит к выводу, что пользователи языка посредством знаков создают социальную реальность, в том числе определяя, кто и что для них является чужестью и инако-

востью. Их понимание социальной реальности зависит, в основном, от их индивидуального или коллективного мотивационного и ценностного мира.

Также мы бы хотели обратить внимание всех интересующихся переводом на журнал «Критика перевода» (*Kritika prekladu*), который издается силами Кафедры англистики философского факультета Университета Матея Бела с 2013 г. В нем освещаются проблемы специального и художественного перевода. Новый номер 1/2018 вышел в интересном графическом оформлении, автором которого стали студенты Университета, а возможность публикации своих статей в нем получили также недавние выпускники переводческого отделения (https://issuu.com/kritikaprekladu/docs/kritika_prekladu_1_18_final). Редакция журнала с радостью примет теоретические и практические исследования, в том числе из-за рубежа, весьма полезными были бы статьи и о русско-словацких переводах. Вы можете отправить свои материалы на любом языке на адрес редакции: kritikaprekladu@umb.sk.

Перевод Анны Песковой

30 ЛЕТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКУ «ЛИТЕРАРНИ ТЫЖДЕННИК»

Уважаемые коллеги!

От имени Общества Людовита Штура в Москве, редколлегии альманаха «Девин» сердечно поздравляю Вас с 30-летием основания еженедельника.

Будучи одним из лидеров периодических изданий Словакии, «Литерарни тыжденник» является для российских словакистов одним из главных и авторитетных источников информации. Он дает возможность нам познакомиться с широкой панорамой словацкой литературной жизни, с творчеством ведущих писателей, критиков, наиболее значимыми произведениями.

Нас привлекает полемичность вашего издания, его объективность, то, что на его страницах всегда есть место для различных точек зрения, острых дискуссий по актуальным проблемам современности. Мы высоко ценим вашу сопричастность важнейшим событиям в жизни общества, внимание к человеку, профессиональное служение долгу.

Несомненно, популярность еженедельника, его общественная и литературная значимость — заслуга серьезной творческой работы коллектива редакции и его авторов.

Желаем вам творческих успехов, еще большего профессионального мастерства, интересных и злободневных статей.

*Председатель Общества Людовита Штура в Москве
Главный редактор альманаха «Девин»
Проф. Алла Машкова, д. филол.н.*

ВСТРЕЧА ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВА ЛЮДОВИТА ШТУРА

В библиотеке Словацкого института в Москве 15 ноября 2018 г. прошла очередная, восьмая встреча членов Общества Людовита Штура.

Участники восьмого заседания
Общества Людовита Штура

Выступает Дана Подрацка

По традиции, открывая эту встречу, директор Словацкого института в Москве, советник по культуре Ян Шмигула представил присутствующим членам Общества гостя из Словакии. На сей раз желанным гостем была хорошо известная любителям поэзии Дана Подрацка, поэт и эссеист, замечательные стихи которой в переводах Наталии Шведовой были опубликованы в седьмом выпуске альманаха «Девин».

Председатель Общества Людовита Штура профессор Алла Германовна Машкова подробно рассказала о 200-страничном выпуске альманаха, который, оставаясь верным своей традиции, сохраняет рубрики, представленные в предыдущих номерах, — «Творчество Людовита Штура», «Людовит Штур в воспоминаниях его современников», «Наши современники о Людовите Штуре», «Словацко-рус-

ские литературные связи», «История Словакии», «Представляем», «Вспоминаем...».

Участники восьмого заседания Общества Людовита Штура.

В разделе «Словацко-русские литературные связи» читателям, без сомнения, будет интересна статья проф. А.Г. Машковой «Лев Толстой и Душан Маковицкий» (К 190-летию со дня рождения Л.Н. Толстого), а в рубрике «История Словакии» особое внимание любителей словацкой литературы привлечет статья к. ф. н. Л. Ф. Широковой «1968 год в зеркале словацкой литературы». В рубрике «Вспоминаем...» опубликованы материалы, посвященные 190-летию со дня рождения Павола Добшинского и 60-летию со дня смерти выдающегося поэта Ивана Краско. Однако, наряду с уже знакомыми рубриками, в альманахе № 7 появился новый

очень интересный раздел — «Праздник современной словацкой поэзии». В этой рубрике в переводах Наталии Шведовой, Дарьи Анисимовой, Ивана Белокрылова представлено творчество десяти словацких поэтов — Яна

ворений, опубликованные в седьмом выпуске альманаха «Девин», и высоко оценила труд людей, участвующих в подготовке и издании этого литературного журнала. Присутствующие с удовольствием прослушали стихот-

Все семь выпусков альманаха «Девин»

Бузаши, Любомира Фелдека, Ярослава Резника, Милы Гауговой, Яна Замбора, Яны Боднаровой, Даны Подрацкой, Юрая Куниака, Теодора Крижки, Марии Ференчуховой.

А.Г. Машкова поблагодарила авторов, переводчиков, членов редколлегии, а также присутствовавшую на встрече директора издательства МИК, в котором выходит «Девин», Елену Владимировну Паршкову. Особую благодарность она выразила директору Словацкого института господину Яну Шмигуле за финансовую поддержку издания альманаха.

С большим интересом участники встречи выслушали рассказ Даны Подрацкой о своем творчестве. В начале выступления она поблагодарила за прекрасные переводы своих стихот-

ворения Д. Подрацкой в ее собственном исполнении на словацком языке, а также переводы Н. Шведовой на русском языке. Дана Подрацка — автор многочисленных поэтических сборников: «Лунная возлюбленная» (1981), «Зимние гости» (1984), «Рубикон» (1988), «Гризли в спящем доме» (1991), «Письмо» (1993), «Грех» (1996), «Имя» (1999), «Крупная дичь» (2001), «Казематы» (2004), «Персона & Морфей» (2007, диптих), «Купол» (2008), «Взмах крыльев. 42 словацких хайку» (2011), «Словацкие элегии» (2011), «Плащ богини» (2012, антология пишущих по-словацки поэтесс из Венгрии, Румынии, Словакии и Сербии), «Кубус» (2014) и др. В настоящее время из печати выходит новый сборник стихотворений Д. Подрацкой «Paternoster».

Евгения Майорова

Pohľad na účastníkov stretnutia
Spoločnosti L. Štúra v knižnici SI Moskva

Poetka Dana Podracká (vľavo) pri prezentácii
svojej tvorby. Vedľa nej predsedníčka Spoločnosti
L. Štúra prof. Alla Mašková

О НАС ПИШУТ

Stretnutie „Spoločnosti L. Štúra“ v SI Moskva 16.11.2018 | Kultúrna prezentácia | Rusko

Vo štvrtok (15.novembra 2018) sa v knižnici Slovenského inštitútu v Moskve zišli členovia a sympatizanti „Spoločnosti Ľudovíta Štúra“, ktorá pôsobí pri SI Moskva. Ani v poradí ôsme stretnutie nebolo výnimkou a tak mohol riaditeľ SI Ján Šmihula opäť privítať zaujímavého hosťa zo Slovenska. Tentoraz to bola

popredná slovenská poetka a esejistka Dana Podracká. Ešte pred tým, ako sa rozhovorila o svojej tvorbe, predstavila predsedníčka Spoločnosti Ľudovíta Štúra prof. Alla Mašková už siedme vydanie almanachu „Devín“, ktorý „Spoločnosť“ vydáva. Poukázala na to, že popri tradičných rubrikách sa obšírnejšie

Všetkých sedem vydaní almanachu „Devín“, ktorý
vydáva Spoločnosť L. Štúra v Moskve

Mladí sympatizanti Spoločnosti L. Štúra

Účastníci stretnutia Spoločnosti
E. Štúra v knižnici SI Moskva

Prof. Alla Mašková — predsedníčka Spoločnosti
E. Štúra (v strede) predstavuje siedme vydanie
almanachu „Devín“. Vľavo — poetka Dana
Podracká, vpravo — riaditeľ SI Moskva J. Šmihula

venuje slovenským básnikom v rubrike pod názvom „Sviatok súčasnej slovenskej poézie“. Predstavuje tvorbu desiatich básnikov — medzi nimi napríklad Jána Buzássyho, Ľubomíra Feldeka, Jána Zambora, Márie Ferenčuhovej, Teodora Križku v prekladoch Natálii Švedovej, Darii Anisimovej a Ivana Belokrylova. Najnovšie — viac ako 200-stránkové číslo almanachu „Devín“ nemohlo opomenúť ani okrúhle výročia významných udalostí, ktoré si tento rok pripomínáme. V rubrike „História Slovenska“ sa venuje chronológii udalostí, ktoré viedli k vzniku Československa a Ľudmila Širokova ponúka pohľad na rok 1968 v zrkadle slovenskej literatúry.

S veľkým záujmom si účastníci stretnutia Spoločnosti E. Štúra vypočuli

rozprávanie poetky Dany Podrackej, ktorá im priblížila svoju tvorbu. Na úvod sa však poďakovala za vynikajúce preklady jej básni, ktoré publikuje posledné vydanie almanachu „Devín“, pričom vysoko ocenila prácu ľudí, podieľajúcich sa na príprave a vydávaní tohto literárneho zborníka. D. Podracká podčiarkla, že píše preto, lebo „nepísať by znamenalo nebyť v bytí, ktoré ma presahuje“. Poézia je pre ňu „pozemsky nezavŕšiteľným procesom zasväcovania“. Keď poetka hovorila o svojej najnovšej zbierke básní „Paternoster“ (vychádza práve v týchto dňoch) poukázala na to, že pre ňu je paternoster symbol cirkulácie duše v pomyselnom výťahu, v ktorom sa objavujú zjavenia. Vystúpenie poetky D. Podrackej na stretnutí Spoločnosti E. Štúra umocnila recitácia jej básní, ktoré odzneli tak v origináli, ako aj v ruskom preklade.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

ДЕВИН

Издается с 2015 г.
1(8)/2019

Главный редактор: *А. Машкова*

Редакционная коллегия: *Л. Широкова, Е. Майорова, М. Браксаторис*

Рецензенты:

кандидат филологических наук *Т. Вrabлова*

(Институт словацкой литературы САН. Словакия);

кандидат филологических наук *В. Князькова*

(Санкт-Петербургский государственный университет. Россия)

Общество Людовита Штура в Москве

Д25 **Девин: Альманах Общества Людовита Штура в Москве. № 1 (8).**
М., 2019. — 172 с.

УДК 811.16

ББК 81.2

© Общество Людовита Штура в Москве, 2018